

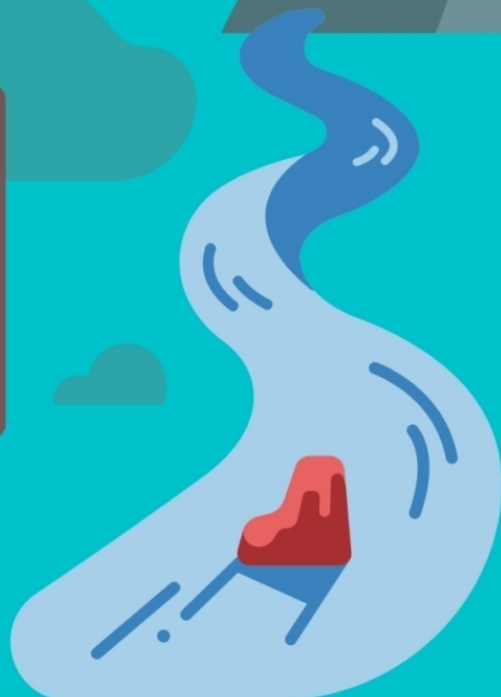
Павел Яковлевич Тиккоев

ГОРА РЕКА

Летопись необязательных времён

Той жил в мареве слов, звучавших вокруг него, отряхивался от этой лжи и исподволь стремился к свободе и ответу на вопрос "зачем?"

**НЕ РАЗРУШАЕМА ЛИШЬ ГОРА ВРЕМЕНИ.
И НЕИССЯКАЕМА РЕКА ЖИЗНИ...**

СОДЕРЖИТ

НЕЦЕНЗУРНУЮ

БРАНЬ

18+

Павел Тиккоев

**ГОРА РЕКА. Летопись
необязательных времён**

«ЛитРес: Самиздат»

2019

Тиккоев П. Я.

ГОРА РЕКА. Летопись необязательных времён / П. Я. Тиккоев —
«ЛитРес: Самиздат», 2019

ISBN 978-5-532-98338-0

Это история человека, делающего свою жизнь с начала 50-х годов прошлого века и по настоящее время. Но это одновременно и разнообразие судеб людей, встречающихся на пути главного героя и история формирования взглядов и жизненных принципов. Но это и философия трактовки ответа на вопрос: Зачем? Такие ответы дают себе разные люди, убеждая себя различными обоснованиями или обоснованными обстоятельствами. И ведь на самом деле – всё зависит от всего... Не разрушаема лишь ГОРА времени. И неиссякаема РЕКА жизни... Возможно, читателю будет интересно взглянуть глазами главного героя на события, происходившие в стране, а может быть, кто-то обнаружит похожесть на себя кого-то из героев и это подвигнет его к тому, чтобы ещё раз задуматься над вопросом: Зачем? Автор же – это лишь сторонний наблюдатель, а его главный герой нетипичный представитель менявшегося неизменного общества... Это летопись времён, обязательность или необязательность которых каждый решает для себя сам. Содержит нецензурную брань.

ISBN 978-5-532-98338-0

© Тиккоев П. Я., 2019
© ЛитРес: Самиздат, 2019

Содержание

ГОРА	6
Летопись необязательных времён	10
1	11
2	14
3	21
4	44
5	65
Конец ознакомительного фрагмента.	102

Павел Тиккоев

ГОРА РЕКА. Летопись необязательных времён

Посвящается:

*моим родителям Якову Алексеевичу и Вере Павловне,
моей жене Татьяне,
моим дочерям Вере и Ксени.*

Пуускай клеветуют, пусть клянут;

Ведь ты был прав и честен ты.

Уверенно ступай в любой тернистый путь и помни:

Нет тюрьмы для жизни и мечты.

из книги Льва Копелева "Хранить вечно"

ГОРА РЕКА

Великое скопление молодых, только что народившихся людей. Океан возникших душ, барахтающихся в спокойных водах бытия и наделённых способностью к мышлению. Они исподволь и пока неосознанно стремятся и неуклонно подбираются к устью гигантской человеческой реки – реки жизни, плавно уходящей в неведомую даль.

Устье – начало всего. Сколько неисчислимых возможностей сокрыто в толще этих спокойных, внушающих надежду и безмятежность томных водах, кишачих человеческими крупинками, которые весело и беззлобно, без зависти соприкасаются друг с другом. Но, что-то неудержимо заставляет эти крупинки передвигаться вверх, постоянно преодолевая пока ещё чуть ощутимое сопротивление. Их много, они хаотичны в отдельности и столь же целеустремлённы в массе. Они передвигаются кружащимися стайками.

Но вот от очередной группы отделяется редкий одиночка. Он смещается в самый центр всё усиливающегося стрима¹, и дальше продвигается один, не особо заботясь необходимостью трат дополнительных сил.

Большинство же кружащихся стаяк отталкивается стримом ближе к спокойному берегу и там смешивается в неповоротливую тугую массу, периодически отсеивающую из себя ко дну крупинки, совершенно уставшие даже от этого спокойного движения.

Поток теряет кружащиеся группки, суживается, а восхождение лишь усиливает его течение.

Вот слева к стриму присоединился бархатный солнечный проток. Несколько продвигавшихся вперёд кучерявых стаяк соблазнились этой спокойной искрящейся глубиной, зазывно бурлящей за видимым близким поворотом. Они лихо юркнули в эту заботливую благодать и закружили там радостную кутерьму.

Но стрим выше этого благополучия; он лишь ещё больше сузился и, впервые рокотнув перекатом, устремился дальше... вверх.

Всплеск, и вот один из одиночек яко молния метнулся из стрима в сторону протока и, разметав кучерявую стайку, понёсся поворот за поворотом в спокойную, всё замедляющуюся неизвестность. Кучерявая стайка – то ли сглотив заливчаткой волны, поднятой одиночкой, то ли выпростав силы, освободившиеся от сопротивления стриму – вдруг заершила свои кудри в щетину и, разъярившись, помчалась вдогонку за одиночкой... поворот за поворотом. Томное спокойствие, пропетляв, резко расширилось и, превратившись в болото, облеклось запахом – поначалу благоухающим, но с утратой какого-либо течения, запах стал затхлым. Отсутствие стрима отняло волю к кучерявой жизнерадостности и ожесточило болото агрессивной, щетинистой стойкой бывших кучеринок. Такая метаморфоза – со всей очевидностью – управлялась забугрившимся одиночкой, прилагавшим к этому все свои силы, высвободившиеся от борьбы со стримом. Спокойно-затхлое болото вбирало в себя новые беспечные кучерявые стайки и, замедляя их весёлое кружение, в конце концов, совершенно убивало их восторженный танец, лишало сил и оттесняло на самое дно, превращая в рыхлый зловонный и медленно гниющий ил.

Вырваться назад – к достоинству стрима – удавалось лишь немногим щетинкам. Но, – удавалось. И, вырвавшись, осознав, что это возможно, они устремлялись в самый центр тугого потока. Вверх, вперёд, сквозь прохладные струи стрима, – именно в этом суть течения времени к пока ещё не ясной цели и лишь с осознанием какого-то вдохновения от самого движения.

¹ стрим – центр потока с большой скоростью течения

Вот и справа к потоку примкнул ручеёк, бойко пробивавшийся среди огромных камней. А выше этого ручейка стрим резко усиливался и толкотня кучерявых стаек, протискивавшихся вдоль берега, оттесняла наиболее уставших и замедливших своё движение в закрутку, образованную ручейком, в соединении со стримом. Переполняясь уставшими кучеринками, закрутка заставляла их продвигаться по ручейку, обтекавшему валуны и неуклонно уходившему влево и вниз... назад... туда, где спокойно и мелко. Отдалившись от стрима, ручеёк – под жгучими лучами солнца и налетавшими снопами неумолимого ветра – разбивался на отдельные лужи, лужицы и канавки, которые периодами совершенно иссыхали. Нет, никак не вернуться кучеринкам уже назад... оттуда не возвращаются.

Стрим же бежит вперёд, вверх, причёсывая уже не редкие перекаты, взлетая над неожиданно возникшим омутом и придавливая в нём чересчур заигравшиеся кучерявые стайки, не давая им возможности оторваться от глубокого и холодного дна омота. Там обессиленным стайкам остаётся лишь укрыться среди неласковых камней и ждать... ждать... чего?... почему?... зачем?... и нет ответа... и нет сил... и нет желания... нет цели... осталось лишь одно возможное к исполнению действие – ЖДАТЬ! Стрим прощально рокошет перекатом над омутом и ещё яростнее распружинивается вверх.

Вот и белые барашки побежали по самому верху стремнины. Лютующий ветер подчас подрывает их хвосты и, разорвав на части, выбрасывает мелкими брызгами на берег. Нередко вместе с кипящей водой из стрима выдёргивается наиболее отчаянный одиночка, надменно передвигающийся по самой поверхности стрима. Избаловавшись под тёплым солнцем, он взбирается на самый гребень вздыбленного ветром стрима и вдруг, не удержавшись в потоке, отрывается от него и уносится вникуда очередным порывом ветра, удовлетворенного содеянным. Стрим же продолжает свой бег, мгновенно забыв самоуверенного одиночку.

Быстрее, стремительней, труднее и выше разбегается стрим. И кучерявым стайкам начинает претить это непрерывное движение; и нет уже сил, и нет желаний, и нет воли. Появилось лишь неодолимое хотение: унылого спокойствия бы, обыденности бы, тихой кучерявости бы...

А стрим всё разгоняется и рвётся ввысь... «Господи, да останови ты его, дай роздыху!» – ропщут кучерявые стайки. Но нет, стрим бежит дальше... Вот и очередной поворот, порог, скачок над ямой и вдруг... стрим встал. Он остановился, разлившись по всю ширь возможности, которую только можно вообразить. И уже нет бегущего и грохочущего потока. Даже ветер, одряхлев, лишь слегка обдувает умиротворённую поверхность, неожиданно отяжелившуюся и присевшую на глубокое донное разнообразие, подсвеченное улыбчивым солнцем, изредка затеняемым равномерно плывущими тучами и облаками. Кучерявые стайки втекают в столь желанное, хорошо подсвеченное и обильно насыщенное разнообразиями спокойствие. Они разбредаются над нескончаемым, в меру укормленным дном и рассыпаются на отдельные соринки, которые распрямляются и прекращают свой кружащийся танец. Вот и свершилось!.. И эти соринки – в спокойном одиночестве – дрейфуют по бесконечной глади...

Но вот, будто что-то смекнув, или убоявшись медленно снующих набухших одиночек, соринки опускаются ко дну. Кто за камушек упрячется, кто в коряжник забредёт, кто в траве опутается, кто в мяшку занырнёт. И нет стрима, нет усталости, нет неизвестности. Тихо вокруг, спокойно и обыденно... удобно. А глядя вон на тех, которые и вовсе от испуга закопались в затхлом иле, – ощущается даже и хорошо... ну, да и, слава Богу! Идёт бесконечное время в бесконечном спокойствии. Без стрима. Без «зачем». Без «почему». Без «для чего». Без цели. Всё для. Тихо кругом. Одинаково. Стабильно...

Ан, нет. Что это: или не ясно как сохранившаяся кучеринка, или почему-то не успокоившаяся соринка, или одутловатый одиночка?.. Нет, это что-то необычное... это непонятно как и когда появившееся отличие. Оно одновременно естество и кучеринки, и соринки, да впрочем, и одиночки, но того – прежнего, не одутловатого... Нет, впрочем, нет. Это другое. Оно

неуёмно, но и очень спокойно, целеустремлённо, но и неторопливо, постоянно двигающееся, но и неутомимое. Да и движется оно как-то просто. Без вихляний и закруток, без бега и шага...

Это – стóик². Это одновременно предмет и подражания, и отторжения, и непонимания. А стóик движется, он ничего не ищет, он что-то изначально знает, он даже не уверен в чём-то, – он преисполнен. Он миновал всё “оспокоившееся” скопище и, будто незаметив незримого раздела тепла и холода, спокойствия и движения, вновь вобрал в себя дыхание стрима. И оно нашлось, сначала предвкушением и вот уже – ощущением. Стрим звал. Туда. Вперёд. К далёкой противоположности “благополучного недвижения”.

И вот оно новое начало – откуда-то сверху, стремительно сбегающий в «спокойствие» ручеёк. Невозможно, да и нет сил, проникнуть в его непреодолимый бег. Но не силы физические двигают стóика, не борьба мышц. Его двигает обретённый им дух. У него нет опоры ни справа, ни слева, ни сверху, ни снизу. В этом потоке нет вообще никого. Здесь только стóик и его вера, она и ведёт его и хранит его. А стрим взбирается всё выше и выше... и вот он уже чередуется с водопадами.

Ещё мгновение и стрим превращается в прямой, как луч света поток, устремившийся к солнцу. Стóик промчался по водной дорожке и, добежав до самого солнца, ярко вспыхнул и, растворившись в этом неиссякаемом свете, усилил его безудержное всепобеждающее сияние.

Спокойная гладь, безразличная в своём большинстве, лишь недолго полюбовавшись этим божественным сиянием, продолжала свою неторопливую бесцельную суету.

Стремительный световой поток, соединивший было спокойную гладь с ярким сиянием, – иссяк. Он не мог обходиться без стóика, он приготовился его ждать... нового стóика, который пробирался в преодолении себя где-то пока ещё там – внизу. И этот новый стóик не мог не возникнуть. В нём, не понимая того, нуждалось и спокойное благополучие. Ведь благословенный солнечный стрим водворяет в изнеженную презрительность очищение, высвечивает и делает зримой её скверну. В некоторых соринках этот световой поток пробуждает необходимость осмысления происходящего в затхлом спокойствии и, преодолевая в себе беспечную праздность, они вдохновляются от стóиков к движению...

И так – день за днём. Неиссякаемая река – бесконечное время – неразрушаемая гора.

И нет одновременного смысла для всех сразу, есть лишь смысл для каждого в отдельности. А общая большая река – это отдельная река каждого, а гора, зримо доступная всем, достижима не всякому, и лишь стóики способны взойти по этой реке до самой её вершины – горы, соединяющейся со светилом.

ГОРА РЕКА – в этом вся бесконечность времени, в этом весь смысл и вся бессмыслица движения – одновременно и к цели и бесцельно. Вся философия жизни не может уложиться только в философию реки, либо только в философию горы.

ГОРА РЕКА приоткрывает смысл течения бесконечного времени. Конечность реки и устремление горы – к бесконечности мысли в бесконечном времени.

Что есть правда? Их столько, сколько капелек в реке. Что есть цель? Их столько, сколько струек в потоке. Каждый волен и свободен в своём выборе, но не всякий готов к ответственности за выбор. ГОРА РЕКА заставляет сделать свой осознанный выбор, она даёт возможность понять, увидеть и положить для себя цель.

ГОРА РЕКА – это источник жизни и духа, а каждый волен и способен свершить лишь то, к чему он отыщет в себе силы. Немногие способны стать стóиками, но многие могут найти в себе силы для противления подлости, лицемерию и злобе. Всякий приходит в этот океан судеб, наделённым свободой выбора и всякий делает этот выбор, с которым он и поплывёт своей индивидуальной конечной рекой.

² стóик – в данном контексте это естество, стремящееся к цели

ГОРА РЕКА не позволит только одного – остаться в её устье. Впрочем, нет. В устье обитают те, которых у нас принято презрительно называть сумасшедшими. А это, пока, неразгаданная тайна ГОРЫ РЕКИ...

ГОРА РЕКА – это вместилище судеб и одновременно... летопись...

Горе тому, кто пьитися... Рак только думает, что он движется вперед, но на самом деле – он постоянно смотрит назад. ГОРЕ РАКА...

Летопись необязательных времён

Нет настолько похожих друг на друга людей, чтобы они одинаково совершали ритуал первого глотка утреннего кофе и, при этом, думали бы об одном и том же или были бы одинаково беспечны. Поэтому, никому из читателей не следует примерять к себе героев книги – они лишь вымысел автора, а их жизненные истории позволяют понять события, происходившие в стране.

1

*Об этом времени сказал один эка:
«Смерть стала роскошью
смерть стала сверхудобством»
А чем же стала жизнь?
Растленьем языка?
Иль похотью души?
Иль разума холопством?*

П. Липкин

Дальневосточное управление лагерей (ДальЛаг). Край скоротечной жизни – в шахтных забоях, с кайлом и тачкой на отсыпке колымского тракта, в стылых лагерных бараках, на разводах под прикладами конвоя и захлёбным лаем, натасканных на эка собак. Природа словно застыла в постоянной суровости от нескончаемого холода и повсеместно вбитых в неё деревянных колов. Как недолга жизнь свезённых сюда людей, так же быстро рушатся и отметины их безымянной смерти. Частокол деревянных «обелисков», добежав до середины сопки, в короткое время рушится на землю, превращаясь в дрова для жарких буржук ВОХРы. И, ничуть не медля, новые колья снова хаотично разгоняются от колючей проволоки лагеря вверх по склону.

Земля, сколько же ещё ты сможешь принять лишённых жизни тел? Когда закончится этот круговорот зловещих меток?.. Но нет ответа... она лишь вместилище, покорное воле кровавых убийц...

Неласковое сизое небо рассыпает из себя колючий снег, а негодующий ветер замечает по самые верхушки следы человеческой ненависти к жизни...

Но вот и весна. Выжившие эка собирают по склону просохшие за зиму «обелиски» и стаскивают их к казарме. Счастливчикам удаётся «обронить» несколько кольев у своего барака, чтобы потом запрятать их на нарах и хранить... до наступления новой скорой зимы.

Кому-то посчастливится пережить суровые голодные стужи, а кто-то протянет и весь назначенный «тройкой» срок... ДальЛаг об этом не задумывается. Там не принято мечтать. Там надо выживать ежедневно – это и следует считать жизнью...

Мика Карьялайнен выжил. Его арестовали сразу после оккупации Карелии советскими войсками. Потом Мика был этапирован в Ленинград – в расстрельную тюрьму «Матросы», где трибунал осудил его по статье 74 «Не вооружённое сопротивление советской власти».

Недостаточно хорошо зная русский язык, Мика Карьялайнен «на приговоре» уяснил для себя лишь то, что он теперь советский гражданин и осуждён на десять лет лагерей и десять лет поражения в правах.

Большое хозяйство (пять коров, три лошади, два десятка кур и десяток гусей), которое было у родителей Мика, новые власти реквизировали в колхоз. Их огромный карельский дом сгорел, когда отец и мать Мика пытались не дать увести со двора скотину. Родители Мика и сами погибли на этом пожаре вместе с годовалым жеребчиком.

Дом уже полыхал, когда Мика саданул молоденького бойца оглоблей по голове и попытался выбить кол, подпиравший дверь конюшни. Но его тут же завалили на землю подскокшие военные и смертно избивали. Очухался Мика в тёмном подвале, забитом людьми. Вокруг шептались на финском и карельском языке.

В «Матросах» всех арестованных, собранных в городах и деревнях территории бывшей Финляндии, рассортировали по разным камерам, и Мика теперь слышал только русскую речь. Так и началось его безмолвное движение до самой бухты Нагаево...

Через два года кайления мёрзлой колымской земли Мика выучил русский и, редко, но разговаривал с соседями по нарам. Он говорил только о том, что происходило в лагере и никогда – о своей прошлой жизни.

Работал Мика, сжимая зубы до скрипа, как будто бы назло всему и постоянно получал полную пайку. Бригадиры его уважали за молчаливость и упорство. Блатные не очень досаждали Мика, потому что тёплых вещей и посылок Мика никто не слал. Иногда какой-нибудь перебухавший блатняк отбирал у Мика пайку, но и то лишь ту мизерную её часть, которую Мика не удавалось смолоть своими всегда голодными жерновами, пока он отбивался от подонка.

Через девять лет Мика освободили, и он переселился за пределы лагеря в барак для «вольняшек». Работал там же – на строительстве колымского тракта, но на работу ходил уже без конвоя и даже получал зарплату. Тёк его срок поражения в правах – без права выезда на «материк»...

Через год «вольнонаемной» жизни, Мика сошёлся со ставшей «вольняшкой» медсестрой лагерной больнички. Им дали комнату в рубленом доме, но не расписали – не положено рас-

писывать людей без паспортов. Будущая жена Мика – дочь русского заводчика и эстонской еврейки – отсидела три года в лагере за то, что при немцах работала медсестрой в городской больнице в Таллинне, в которой кроме гражданского населения проходили лечение и раненые эстонские солдаты, воевавшие против советских войск. Отца будущей жены Тоя НКВДшники расстреляли сразу после оккупации, а её мать арестовали, и больше никаких сведений о ней не было.

А ещё через год у Мика родился сын. Родители дали ему имя Тойво. Зарегистрировать рождение сына не было никакой возможности, потому что и сам брак не был зарегистрирован. В больнице выдали лишь справку о рождении. Начальник больницы долго отказывался вписать в справку имя, которое дали родители своему сыну. Но Мика был молчаливо непреклонен и начальник, невероятно матерясь, всё же вписал в справку имя Тойво. Так и начался срок поражения в правах новорождённой надежды и желания (имя Тойво в финском языке означает – надежда, желание)...

2

Пусть твоё “да” будет “да”, а твоё “нет” будет “нет”. Тот, кто не привык держать данное слово, совершает столь же тяжёлое преступление, как и нарушение запрета поклоняться идолам.

Талмуд

По мере продвижения работ по строительству колымского тракта Мика с семьёй перебрасывали из одного в другой небольшой посёлок при дороге.

Сталин умер несколько лет назад и зоны начинали потихоньку пустеть. Зэка освобождались и те, кому выдавался паспорт, уезжали на «материк».

Мика же, сколько не хлопотал, но получить паспорта не мог. Начальник его успокаивал: «Разрешение на проживание в Карелии ты всё равно никогда не получишь. Поэтому живи уж здесь. Своё ты отсидел. Работник ты хороший. Живёшь себе со своей семьёй... Опять же тут хорошая охота, рыбалка. Чего ещё надо? А, может, когда и вообще в “чистую” будут выпускать, тогда и уедешь – куда тебе надо». Мика хмурился и скрипел зубами, но молчал. Он не должен был никому говорить, что это не его край родимый, не его жизнь, и он не желает такой жизни своему сыну. Мика боялся... Он боялся всего, что связано с разговорами о жизни...

Был разгар холодного колымского лета. Тойво с отцом и соседским пареньком Алексеем, который своими годами был постарше Тоя, перешли отсыпанную мелким гравием дорогу и направились вдоль небольшой речушки, бежавшей к сопке.

Отец впервые взял Тойво на охоту и, учитывая возраст пацанов, Мика решил идти на слияние реки Разведчик с рекой Аратукан, – а это не больше двух километров от посёлка.

Река Разведчик в месте слияния с Аратуканом образовывала несколько протоков, густо заросших кустарником. В этих протоках и кормились водоплавающие – утки, гуси, кулики. Аратукан – река много больше Разведчика, её ширина достигала восьмидесяти, а в некоторых местах и ста метров.

Охотники остановились на плешке у одной из протоков и смотрели на хмурую тягучесть колымских холодных вод. Низко над рекой, метрах в пятидесяти летела небольшая группа гусей.

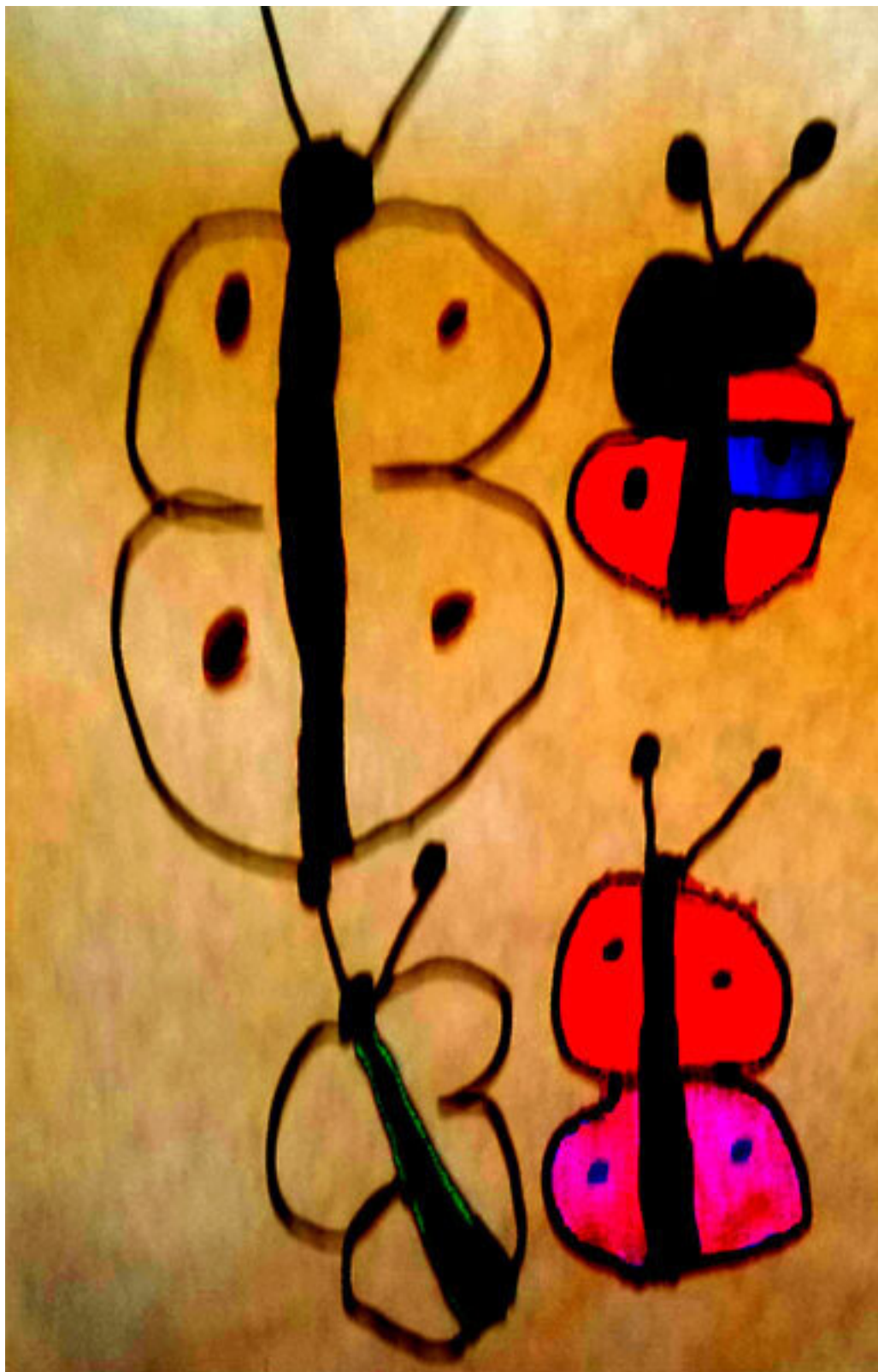
Тойво с Алексеем принялись махать руками и указывать Мика на эту стаю, но он спокойно продолжал стоять и даже не вскинул ружьё. Гуси тем временем удалились за поворот реки, а парни недоумённо посмотрели на отца Тойво, который снял с плеча ружьё, поставил прикладом на землю и, внимательно оглядев парней, сказал:

– Сбить крупного гуся с такого расстояния – очень просто... а что дальше?

Парни переглянулись и даже не стали ничего обсуждать. Им теперь было очевидно, что сбитая дичь неизбежно должна была упасть в реку, а единственной возможностью её достать – это надо было сбросить одежду и прыгнуть в довольно бурное и холодное течение и вдобавок попытаться догнать дичь вплавь. Но их внутреннее убеждение определённо указывало парням на то, что это было бы не очень приятное и даже, скорее всего безрезультатное действие. И поэтому такой выстрел оказался бы не охотой на гусей, а просто убийством.

Этот случай настолько прочно втемяшился в голову Тойво, что впоследствии он всю пойманную рыбу всегда обязательно использовал. Пусть это была и маленькая мисочка ухи из нескольких рыбок, или одна единственная пойманная рыбёшка, которая обжаривалась на костре, или в самом крайнем случае оставленная в мешке на опарыш верхоплавка. Но любой улов должен был непременно пойти в дело, его следовало обязательно применить. Расточительность и изъятие из природы чего-либо ради удовольствия стали для Тойво неприемлемыми.

«Возьми только то, что тебе крайне необходимо для жизни... иногда для выживания. Не передай» – так он сформулировал для себя одно из своих обязательных правил...

Охотники шли вдоль одного из рукавов реки, осторожно ступая на сыпучую гальку, медленно и бережно раздвигая ветви кустарника и обозревая небольшие зеркальца воды, свободной от густорастущих водорослей. Алексей шёл впереди, Тойво за ним, последним шёл Мика.

Вдруг Лёша, раздвинув лапы кустарника в направлении одного из «окошек», замер... потом присогнулся в коленях, повернул голову в сторону Тойво, приложил палец к губам, призывая к тишине, и жестом поманил его к себе. Тойво очень медленно сделал шаг в сторону, чтобы пропустить отца вперёд и когда тот совершенно неслышно проплыл мимо, сам в нетерпении, но ещё более осторожно, последовал за отцом.

Алексей, как замороженный, почти не дыша, показывал глазами, чтобы другие охотники посмотрели в узкое отверстие, образованное его раздвинутыми ладонями в плотной завесе веток кустов. А там открывалась великолепная по зрелищности картина: метрах в тридцати от охотников на поверхности воды плавали три кряквы и селезень. Никак не взаимодействуя между собой, они просто кормились водорослями.

Охотники стояли и, не шелохнувшись, смотрели на это завораживающее зрелище. Так продолжалось две, может быть, три минуты. Потом Лёша и Тойво зыркнули друг на друга. Было заметно, что в них разыгралось хищное чувство охотника и они, не сговариваясь, одновременно посмотрели на Мика, который не скрывал свой хитрый изучающий пацанов взгляд. Он очень плавно снял с плеча двустволку и бережно приблизил её к рукам Алексея, а глазами показал на плавающих уток.

Зенки у Лёхи округлились, но он внутренне с этим справился, принял ружьё и взял его наизготовку. Потом внимательно и с выражением гордости на лице прицелился куда-то в направлении уток...

А дальше произошло то, чего ни Лёша, ни Тойво не ожидали... Алексей сначала плавно, потом судорожно, затем уже другим, “более сильным” пальцем, а потом двумя пальцами – и совсем уже не глядя в сторону дичи – безуспешно пытался хотя бы просто произвести выстрел. Нужно было видеть выражение его лица в этот момент: недоумение, обескураженность, любопытство и, в конце концов, мука – всё в эти секунды обнаружилось на его физиономии. Наконец, психологически обессиленный, Лёша опустил руки, в которых он продолжал держать ружьё и виновато поднял глаза на отца Тойво.

Мика тоже очень внимательно и с лукавым прищуром наблюдал за потугами Алексея.

За всё это время никто не обронил ни единого слова, даже Лёша – хотя бы уж со злости и обиды. Отец Тойво тоже молчал и очень демонстративно, но только глазами, переводил взгляд с одного места ружья на другое.

Алексей сперва недоумённо, а потом уже осознанно и с большим энтузиазмом глотал этот беззвучный урок, всасывал его в себя. И вот уже лицо его совершенно преобразилось, а мимика зафиксировалась на выражении безоговорочного победителя. Он в “профессиональной манере” взвёл оба курка, вновь вскинул ружьё, приложил двустволку к плечу, картинно повернул голову в сторону Мика, беззвучно хмыкнул, медленно прицелился...

Выстрел бабахнул глухо и звук вместе с пороховым газом улетел в сторону горы над рекой и через несколько секунд аукнулся, отразившись от скалы. Лицо Мика просто сияло от удовлетворения результатом преподанного им урока.

Стайка уток взлетела с поверхности воды и помчалась в сторону кустов на той стороне протоки, где стояли охотники. И, о ужас! На поверхности воды не осталось ни одной птицы...

Мимо! Лёша растерянно опустил руки и готов был провалиться под землю от стыда или скорее взорваться гневом от досады. Но вдруг селезень резко спланировал в кустарник. Отец Тойво, изменившись в лице, очень громко крикнул: «Подранок», а кивком головы привил беспримерную прыть ногам пацанов.

Алексей и Тойво, как им казалось уже впоследствии, целую вечность носились по хлёстким кустам за селезнем, не обращая внимания на боль и кровь от царапин на лице и руках. Был момент, когда они, окружив, почти догнали селезня, но, в последний момент, видимо, собрав остатки сил, тот буквально вспорхнул с кочки и, пролетев пять-шесть метров, плюхнулся в

ряску соседней протоки. Судорожно загребая лапками, селезень стал стремительно уходить по змейкам свободной воды в заболоченный рукав.

Парни на секунду приостановились, потом, решившись, бросились к берегу “окна”, но резкий окрик: «Стой» – буквально придавил их к зыбкой почве. Мика подошёл к парням и, ничего не говоря, стал изучающее на них смотреть...

Смятение... Вина... Беспомощность и бесполезность... Всё это последовательно отображалось на лицах парней.

Мика заговорил спокойно, но было видно, что он крайне недоволен произошедшими событиями:

– Стрелять легко. Отвечать за выстрел тяжело. Нет умения у самого, имей рядом друга. Другом, в данном случае, будет собака или лодка, – он помолчал, с минуту разглядывая мальчишек, и продолжил. – Сегодня вам повезло... этот подранок дробинку из крыла “выплюнет”. Но на будущее запомните: портить птицу или зверя, или рыбу – нельзя! – сказав это, он помолчал, и глаза его снова стали добрыми, а для Тойво – родными...

Много времени минуло после этого случая, но Тойво так никогда и не стал охотником, так и не взял в руки ружья. Впрочем, он через много лет стрелял «по живому», но это были уже иные обстоятельства и совсем другая история...

«Достал ствол, – стреляй и стреляй тогда уже наверняка или не доставай его вовсе» – это правило Тойво усвоил для себя твёрдо и был с ним согласен... поэтому и ружья в своём хозяйстве никогда не держал...

“Вчистую” Мика освободили только в самом конце 50-х. Ему дали разрешение для выезда на “материк”, но без права проживания в Карелии и городах: Москва, Ленинград, Киев, Минск, Рига, Вильнюс, Таллинн.

Однако при получении паспорта отъезд с Колымы чуть было не сорвался. Причиной же всему была подлость местного нквдшного начальства.

Когда Мика пришёл получать документ, он обнаружил, что секретарь управления Даль-Лага предлагает ему расписаться за получение паспорта на имя Михаила Ивановича Карелина. Мика выразил недоумение по этому поводу, но секретарша брезгливо-нервно спросила: «Фотография ваша? Ваша! Чем тогда не устраивает?». Мика попытался объяснить, что у него другое имя, другое имя и у его отца и у него совсем другая фамилия. Тогда секретарша обозвала Мика “фашистским чухонцем” и, ткнув вытянутым пальцем в дверь кабинета начальника, занялась выдавливаем прыщей на своем лице.

Мика постучал костяшкой указательного пальца в дверь, чуть выждал и зашёл в кабинет. За столом сидел белобрысый плюгавенький человек в погонах подполковника госбезопасности. Он хмуро выслушал Мика, подержал в руках паспорт и, нахлобучив на глаза ненависть, произнёс:

– Неужели ты, вошь барачная, думаешь, что тебе кто-то позволит проживать в нашей любимой стране со своим оскорбительным для русского человека именем? Ты должен гордиться, что будешь носить настоящее имя! Но вас, прихвостней фашистских, только могила и исправит. Была б моя воля, ты бы у меня палла... В общем, так: или ты убираешься отсюда к ё... матери и живёшь, как советский человек, или... садись, пиши бумагу о твоём отказе получать паспорт, – сказав это, нквдшник пихнул по столу жёлтый лист обёрточной бумаги.

– Но знай, гнида, что в твоём деле лежит твоё собственноручное заявление на смену имени, которое угнетает тебя как гангрена на теле твоего финско-фашистского прошлого, – нквдшник сплюнул на пол и хлопнул хилой ладошкой по столу.

Вот тут-то и могло произойти то, что вернуло бы Мика в лагерь, а скорее всего он залёг бы уже навсегда в стылую колымскую землю. Мика стоял, сжав кулаки, прикусив до скрежета зубы, и сомневался лишь в том, сколько ударов и куда следует нанести этому плешивому нквдшнику.

Наблюдая за реакцией Мика, коротышка видно прочувствовал всю опасность своего положения, а потому вскочил со стула, подбежал к сейфу и, достав оттуда бумажку, бросил её на стол:

– Вот, убедись! Ты сам и накалякал это заявление, а в твоём деле уже вписаны твои новые данные...

Мика разжал кулаки, не сгибая спины, взял со стола паспорт и вышел из кабинета. Оказавшись на улице, он плюнул на дверь и со всей силы пнул её ногой. Мика понял, что и теперь у него по-прежнему нет ни возможности, ни права... а есть пока лишь надежда на свободу и её нужно попытаться сохранить.

Вечером, когда они вместе с женой рассматривали паспорт, то обнаружили и ещё одну подлость: на странице, где указываются дети, было вписано – сын Той.

Так Мика Карьялайнен стал Михаилом Ивановичем Карелиным, а Тойва – Тоем.

Семья покинула ДальЛag и переехала в небольшой город с четырьмя военными заводами, десятью винными магазинами, тремя общественными банями, двумя больницами и полудюжиной одряхлевших колхозов вокруг города...

Жизнь нужно было начинать сызнова, стараясь ни в коем случае не допускать – пусть даже и в редких общениях с кем-либо – разговоров о прожитом прошлом. Клеймо зэка, как и

подчас ненавидящий взгляд Мика Карьялайнен ощущал на себе многие-многие последующие годы...

3

*В Германии – замок на горке,
В Британии – город и сад,
В России прекрасны задворки
и вечно не блажен фасад.
И краска с него облетает,
чуть зной или дождик полил:
то сурика в ней не хватает,
а то не хватает белил.
Зато за уборной и грядкой
пролитый с небес невзначай
настой до забвения сладкий
ромашка, лопух, иван-чай.
Лишь этот любовный напиток
нас накрепко держит всерьёз,
как держит сияющий слиток
реликтовых странных стрекоз.*

Наталья Ванханен

Ещё не “гхукнул” заводской гудок и поэтому на улице было совершенно безлюдно. Той катил на велосипеде, виляя влево и вправо во всю ширь дороги. Наслаждение от движения по асфальту вполне затмевало неудобство от слегка моросившего дождя.

– Эй ты, стой... падла.

К велику подскочил и, ухватившись за руль, резко остановил его плотный раскосый пацан. На его лице вязко сидела гримаса злобы, ещё не укоренившейся в каждой черте как у взрослого бандита, но с уже натренированными желваками, призванными изображать пренебрежительное превосходство.

– Где такие шкеры³ надыбал? Слазь! Давай покататься!

Той уже был наслышан об этом шпанёнке – Руфике Мудинове – младшем брате авторитетного бандита, кодла которого хороводила аж до самого “Парка Большевиков”. Постоянные битвы “малышевских” и “парковских” были привычным времяпровождением дворовой босбты⁴. С другой стороны от улицы Малышева – через “железку” (железнодорожные пути) – “малышевских” подпирали и держали свою территорию “рубленные” (там располагался посёлок рубленых деревянных барачков) и “карьерные” (там периодически бұхал взрывами щебёночный карьер).

Семья Тоя переехала в двухкомнатную квартиру в кирпичном доме на улице Малышева всего лишь месяц тому назад. До этого они жили в одной комнате в деревянном бараке с сортиром на улице, и там Той якшался с кодлой “рубленных”. Той в этой шайке парней своего возраста был вовсе даже не последним человеком, но не в силу своих физических возможностей, а исключительно благодаря принципиально-упёртому характеру с жёстко-справедливой логикой рассуждений. Ему ничего не стоило “взять на понял” и более взрослых пацанов. А уж этого босякá...

– Ручонку сбрось с руля, гнида. Чё цапаешь вещь чужую? Мне пацаны из “рубленных” говорили за тебя, что ты частенько дурку прогоняешь. Дак со мной не проканает.

³ шкеры – брюки (жаргон)

⁴ босбта – рядовая шпана (жаргон)

Руфик, не ожидая на своей вотчине такой наглости, отмяк на шаг и засорочил зенками по сторонам.

– Я же скататься кру... полкруга спросил.

– Спросил. Спрос не так правят, – Той смотрел на бандитёнка, взвешивая: то ли послать, то ли... – Ладна! Кататься не дам. Самому дали. Подкатить могу. Де живёшь?

– В фтором бараке от рынка, – всё ещё боязливо недоумевал Руфик, но желвак этот гадёныш уже снова начинал наяривать.

Той сузил глаза и заорлил зрачок, уставившись в вороныи глазёнки Руфика, избегавшие смотреть на Тоя. Желваки бандитёнка быстренько прекратили тренировку и рассосались.

– Садись на багажник... Или чё?

– Дак да, подкинь.

Той как-то резво, но рассчитав, что на хвосте сидит пассажир, вертанул руль, заставив тем самым заскрипеть тормозами и крикнуть вхлам простуженным сигналом, вдруг появившийся сзади грузовик.

– Ты чё, блядская масть, разъездился?! – не очень, но достаточно громко выпалил Той в сторону остановившегося грузовика, но при этом более не оглядываясь, налёг на педали.

Быстро докатив до винного магазина, Той предусмотрительно остановился – там уже рядом был Руфиков барак и во дворе вполне могли околачиваться его пацаны. А такой расклад точно не входил в планы Тоя.

– Слазь, нам дальше не по пути!.. Велик надо отдавать.

– Лады. Встретимся, небось. Ты к какой школе приписался?

– В “трёшку” хожу.

– Не, я в “девятке” свой сармак⁵ шкуляю⁶. Но, ничё. Может где и встретимся.

– Чё и нет. Я больше у “рубленых” да у “карьерных” обретаюсь. Если чё, подходи, с пацанами познакомлю.

Руфик снова зажелвачил, смачно по-блатному схоркнул и, сунув руки в карманы брюк, зашагал в сторону барачков; в его оглядках мало блазилось доброты. Той же, освободившись от назойливого “груза”, быстренько вертанулся вокруг продуктовой базы и вновь начал нарезать круги по асфальтированной дорожке вокруг дома...

Занятия в новой для Тоя школе ещё только начались. Нового товарищества, конечно, пока не сформировалось. Старая кличка Тоя – Ялик, как и его прежние друзья, остались в предыдущей школе – за “железкой”. В классе Той предпочитал держаться независимо, ни с кем не сближаясь, а стараясь разобраться в том, «кто есть что» – именно так он для себя это формулировал. Учился Той хорошо и очень просто. Учителей он держал на дистанции и если они ему “въезжали против шерсти”, то он мог быть даже не в меру дерзок, за что периодически получал записи красной ручкой в дневник. Отец за это Тоя поругивал, но выслушав и пару раз хлопнув для порядку ремнём, всё же удовлетворялся хорошими отметками по предметам и в душе скорее даже был доволен проявлявшейся в сыне независимостью в суждениях и поведении. Таким образом, Той утвердил себя среди учеников класса, как «ни от кого независимый».

Учителя приняли свобододолюбивый характер Тоя как данность, поэтому старались разговаривать с ним без наигранной назидательности и даже с некоторой осторожностью в подборе слов. Они, не раз испытав на себе весьма жёсткие, но при этом очень точные и остроумные дерзости ученика, более не желали рисковать своей репутацией в классе и предпочитали в общении с Тоем выказывать уважительность и не проявлять агрессивность. Такое “привилегированное” положение добавляло Тую авторитета у всех.

⁵ сармак – деньги (жаргон)

⁶ шкулять – отбирать деньги (жаргон)

Исключением был лишь один человек – учитель русского языка и литературы. Он был очень мягок характером, неизменно пребывал в несокрушимом своём интеллигентском облике и считал, что главным достоянием человечества являются книги, а всё остальное создаётся людьми лишь для того, чтобы можно было эти книги писать, печатать, читать и хранить. Внешне учитель, возможно, был слегка полноватым, но от этого он казался и ещё более беззащитным. Он мог абсолютно безо всяких последствий сделать замечание Тою как в отношении знания учебного материала, так и относительно его поведения на уроке. Той эти весьма редкие замечания сносил либо безмолвно-беззлобно, либо уж в самом крайнем случае пробурчав: «Да ладно».

В общении с хулиганами Той вёл себя заранее откровенно, без заискивания и плебейской боязни. Такое спокойное отравнивание привело к отстранённому уважению Тою хулиганами. Общение же сводилось к устоявшейся церемонии:

– Здорово, Той. Как дела?

– Привет. Дерзко.

После этого пожимались руки, и каждый продолжал свой путь.

Хулиганская челядь и откровенные “шестёрки” не любили Тою за его независимость, но в тоже время предпочитали с ним не связываться, в том числе и потому, что опасались получить “обратку” от своего же пахана. Но подлость этой тли всё же периодически проявлялась по отношению к Тою и всегда – исподтишка. Так и шла школьная жизнь Тою...

Как-то в самом начале дня – перед первым уроком – школяры, как обычно, толпились в коридоре возле раздевалки. Толклись кучками – по интересам. Хулиганская шобла занимала место у туалета, так как их паханы ходили туда покурить; остальные же оставались «на шухере», чтобы если в сортир направится кто-то из учителей – “шестёрка” могла быстренько метнуться туда и предупредить. В общем, мужской туалет, да как впрочем, иногда и женский, были безысходно напитаны табачным дымом. И поэтому учительский контингент предпочитал посещать служебные сортиры для кухонного персонала в столовой. Тем не менее, в ученические туалеты они должны были забегать для «процедуры и профилактики» – так велел директор школы. При этом все понимали, что «процедура» ни на что не направлена и соответственно ни к чему не приведёт, и уж тем более ничего не исправит. А потому – зачем в холод курить на улице, когда можно в тепле и ничем не рискуя. Учительская «профилактика» посещения туалетов могла быть и внеплановой – это когда мат и хохот оттуда начинал перекрывать общий зуд “муравейника” в холле первого этажа школы. Тогда «процедура» достигала своего результата, и заход педагога резко снижал слышимость происходящего в “курилке”.

Но, пожалуй, самым эффективным оружием директора была тётя Ньюша, служившая в школе уборщицей. Правда она – да это и понятно – руководствовалась исключительно прагматическим интересом. Её действия были всегда однообразны и предсказуемы, но одновременно и весьма действенны.

Вот и в этот день тётя Ньюша шла по коридору к туалету своим суетливым шаркающим шагом, неся наперевес лентяйку с хорошо смоченной тряпкой. “Шестёрка” естественно распахнул дверь предбанника “курилки” и завопил: «Атас, Ньюша!». Недокуренные папиросы в такие моменты даже не зачинаривались, а с проклятиями нарочно размазывались о стену или пол и обозлённые пацаны, подталкивая друг друга, вылетали из “курилки”, стремясь увернуться от мокрой гребаной тряпки тётя Ньюши. И если кому-то приходилось ощутить на себе этот влажный шлепок то его звук, облизавший тело бедолаги, слышен был даже в кабинете директора. Лёгкий хохоток пробежал при этом по всему скопищу потребителей знаний, ставших свидетелями этого зрелища. «Заснул, падла?» – с этими словами “шестёрка” получал незаслуженную затрещину. А незаслуженной она была потому, что дело состояло не в том, что “шестёрка” заснул, а в том, что – дабы избежать тряпки тётя Ньюши – нужно было просто обладать мальчишеской способностью уворачиваться. «Марш курить на улицу, приبلюдки» – гнусавила тётя

Нюша, оттесняла школяров к гардеробу и начинала медленно елозить тряпкой пол коридора. Во время этого действия и до самого звонка на урок в туалет можно было идти только – как в туалет.

Запаздывание же тётки Нюши к началу утреннего перекура было связано с тем, что в её обязанности входил также контроль над переодеванием первоклашек, у которых в раздевалке было своё небольшое отделение с низкими вешалками.

Полная же свобода курения наступала с началом большой перемены, потому что тётка Нюша тоже имела большой перерыв в работе и возвращалась в школу только к окончанию последнего урока. Жила тётка Нюша в соседнем со школой бараке и это позволяло ей работать на несколько ставок. Семьи у неё не было, и её одиночество заполнялось непрерывным трудом с небольшими паузами. На всю школу она была единственной уборщицей. В её обязанности по уборке входило почти всё: раздевалки, коридоры, туалеты, столовая, учительская и кабинет директора. Классы и спортзал «будущее страны» мыло самостоятельно; этот наряд действовал на все классы, начиная с седьмого. За каждым классом был закреплён свой кабинет. Обязанность следовало отправлять через день – три раза в неделю. Внутри каждого класса существовал свой график. В целом же, это было совсем не обременительно, а в ряде случаев даже вполне азартно...

Итак, тётка Нюша в тот день, как и обычно, привнесла упорядоченность в разбившиеся по интересам и возрастам компашки. Мат поутих и стал менее ярким, а в мелковозрастных стайках он и вовсе заглох.

Той стоял вместе со своей постоянной компанией. Она была очень стабильна и насчитывала пять человек.

Долговязый Фасоль (Фрол Солев) красноречиво жестикулируя, пытался травить старый всем известный анекдот, но как всегда с добавлением чего-то своего, по его мнению, усиливающего эффект. При этом он ужасно смешно выпучивал и округлял глаза, с придыхом загагивая концы фраз.

Толстый (Влад Тонков) и Тюль (Валерка Тюленев) безо всякого интереса ожидали окончания “номера” и весьма показно уклонялись от длиннющих падающих сверху вниз жестикуляций Фасоля.

Анастас (Антон Армяковский), надув щеки и сопя через нос, крайне заинтересованно внимал Фасолю, что ещё больше распаляло рассказчика и удлиняло анекдот новыми ещё более никчёмными подробностями.

– К шести на каток надо приходиться, – эти неожиданные слова Толя возвернули всех в состояние молчаливого внимания, – может с “карьерскими” сыграем. Ну, или если чё – между собой. Мячиком тока. Лёд уже уходит... да и вода на нём стоит. Анастас, мячик, говорю, не забудь!

Анастас хрюкнул, сдувая щёки, и послушно кивнул.

– У меня, блин, крюк у клюшки вовсе разлохматился, – виновато забубнил Фасоль и, опустив глаза, принялся отряхивать чистый рукав пиджака.

Все давно знали, что Фасоль – из-за своей нескладности – не любил хоккей, да и на коньках уверенно стоял лишь до первого хорошего виража, при въезде на который ноги у него разъезжались в разные стороны, и он становился совершенно неуправляемым собой. И в этом случае направление его движения зависело лишь от дефектов льда или помехи в виде игрока или сугроба, в общем, всего, что могло встретиться на его пути вплоть до полного приземления. И если это был игрок – не важно, свой или чужой – Фасоль заграбастывал его длиннющими руками и превращал в свою дополнительную опору, а учитывая вес и рост Фасоля – в опору ненадёжную и хлипкую. Исход же всегда был один – всё это, вместе с фигурным матом, обрушивалось на лёд, причём Фасоль непременно оказывался сверху, то есть ему всегда удавалось падать “на мягкое”. Разъединение “фигуры” после падения происходило не так быстро, как

этого хотелось бы “временной опоре”. Длинные конечности Фасоля, подгребающие под себя всё, что было на льду, составляли серьёзное препятствие для быстрого освобождения.

Той, зная и хорошо изучив эти “вяжущие” качества Фасоля, старался непременно привлечь его к играм между дворами. При игре же между своими Той позволял Фасолю либо стоять на воротах в валенках без коньков (в этом случае играли только мячиком), либо просто судить игру, и это было любимое амплуа Фасоля. Хотя, в принципе, судить игру Фасоль тоже не очень любил, потому что назначать штрафные нужно было с оглядкой на Тоя, а его отношение к назначенному штрафному не всегда просто было угадать.

– Надо бы у трудовика изоленты подтянуть, чтобы Фасолю клюшку уделать. Я присмотрел, где он её затырил, – Анастас раздёрнув улыбку, глянул на Тоя.

– Мастерская закрыта. Сегодня труда нет. Что-то другое придумаем, – сказал Той и косо-рыло прикусил губу.

– Сёдня у девятого “б” “дрочка” напильником... кажись четвёртым уроком. А Михеч с обеда “примет”... так он и вспомнит, что я не из “б”! – резонно возразил Анастас и хохотнул.

– Тогда возьми там ещё и кусок фанеры... где лобзики на стеллаже лежат... вот стока на стока, – Той пальцами показал размеры, – чтоб лишнего не пилякать! – утвердил он словами показанный размер.

– Да понял я, понял! – Анастас оглядел парней с видом победителя.

– Сделаешь всё минут за десять. Перед классом достанешь из рюкзака карты, войдёшь и скажешь: дома забыл новые контурки, бегал домой, вот, мол, и опоздал. Я сразу географичке затарабаню какую-нибудь херню, она про твой дневник забудет – со мной начнёт разбираться, – проинструктировал Той Анастаса.

– Да ладно. Мне чё. Пусть пишет. Мамка дневник уж сто лет как не смотрит.

Анастас жил без отца. Но как казалось парням при редких встречах с матерью Анастаса – она была весьма строгих правил. Нет, конечно, она его не охаживала ремнём за провинности, но наряжала работой по дому и сараю, а к этому Анастас был весьма ленив.

– Да ладно, парни, чё выдумывать-то. Я с этой “палкой” ещё хорошо смогу в воротах на валенках постоять, – попытался было Фасоль разрушить проговорённый план.

– Всё, решили! – закрыл обсуждение Той и дальше уже никому не следовало что-либо дополнять и уж тем более пытаться изменять.

И тут неожиданно засуетился Толстый. Сдвинув Анастаса, он втиснулся между Тюлем и Тоем, чтобы хорошо видеть заходивших в школу десятиклассников. «Большаки» всегда накапливались на крыльце школы и втягивались в обитель знаний только пред самым звонком. Толстый же расположился так, чтобы не пропустить Райку – предмет своего обожания. Райка, по мнению многих, включая и учителей, была самая красивая девчонка в школе. В неё были тайно влюблены многие парни и даже из седьмых классов, не говоря уже о девярых. Райка была сестрой Гешки, учившегося в классе Тоя и он, бывая в гостях у одноклассника, тоже недвусмысленно поглядывал на изящные чёрточки губ и глаз сестры Гешки. Райка тоже примечала Тоя, но с некоей снисходительностью взрослой девушки к симпатичному мальчишке. Их взгляды, встречаясь, взаимно удерживались друг на друге и порой неприлично долго, а разъединялись прохождением мимо друг друга, либо под воздействием окружающих, переключивших на них своё внимание.

Некурящая часть десятиклассников, уплотнившись и негромко переговариваясь как ледокол продиралась сквозь “мелкоту”, заполонившую весь холл, отодвигала эту “шугу” к стенам коридора и, высвободившись из толчеи, уже рассредоточено вползала на лестницу, ведущую к знаниям. Затем, расщелбанив по сторонам окурки, в школу влетали курильщики; они выхлápывали из себя остатки дыма и, при необходимости раздавая «мелкоте» подзатыльники, бежали к лестнице.

В компанию Тоя, затесавшись между Фасолем и Анастасом, прибил Хлюпа – одноклассник и хулиганская “шестёрка”. Той к нему не благоволил, но и не относился с категорическим неприятием. Он воспринимал Хлюпу как интерьер чужой квартиры – ну есть и есть.

Хлюпа что-то дерзил Анастасу по поводу его сестры десятиклассницы – прыщевой “серой мыши”, оступившейся на ступеньке и стоявшей теперь в нерешительности на лестничной площадке. Анастас натирал кожу на своих щеках желваками и, раскрасив их в малиновый цвет, тем не менее, продолжал молчать. Фасоль слушал этот трёп и хмылил улыбку, обозначавшую то ли презрение, то ли недоумение, то ли ехидство. А в результате у него получилась такая смесь стыда, коварства и сочувствия.

Той прислушался к Хлюпиной гнусавости и, резко взмахнув рукой, выбросил в него “раскидайчик”. Мягкий шарик, растянув резинку, торкнул Хлюпе по губам и послушно вернулся в ладонь Тоя.

– Ты чё делаешь, падла? – Хлюпа по-блатному набросил на рот оскал.

– Грызлы спрячь... вышибу! – Той несколько раз подбросил и поймал “раскидая”.

– Да пошёл ты в жопу! – тявкнул Хлюпа.

– Хорошо, готов, – невозмутимо продекларировал Той. – Штаны снимай. Щас решу – чем начать входить.

Компания Тоя гоготнула и приготовилась к продолжению разборки.

– Не всосал. Ты на чё намекаешь, Той?

– Ты предложил. Я согласился, – Той был совершенно невозмутим и серьёзен.

Перепалка образовала вокруг этого “междусобойчика” всяких интересующихся, непримувших тут же начать подначивать и подтравливать. Зуд в сторону Тоя призывал к продолжению “юмора”, в сторону Хлюпы – к драке.

– А с чего ты взял, что я тебя послал к себе в жопу? – подпитался поддержкой Хлюпа.

– А к кому?

Хлюпа опасливо заозирался вокруг.

– Да вон – к Каридихе, – захихикал Хлюпа, кивая в сторону самой худой и некрасиво-носатой девчонке в классе.

Сторонники Хлюпы грохнули ржачкой.

– Иди, договорись. Согласуй короче. Согласуешь, подходите вместе.

Теперь уже гоготали все. Хлюпу подталкивали, подпινывали и пытались даже тащить в сторону ничего не ведавшей Каридихи, которая лишь осознавала, что вдруг явилась центром внимания, а, просчитав, что ничего хорошего в этом точно быть не может, повернулась к парням спиной, вызвав тем самым ещё больший хохот и завывания.

– Чё, застремался? – Той угрожающе подбросил и боковым хватом поймал “раскидая”. – Забздел? Тогда фильтруй базар, босяк.

Той явно был зол. Хохот прекратился и перешёл в гул. И это был уже явный призыв к драке.

По своему физическому сложению ни Той, ни Хлюпа не обладали бойцовским видом. При этом лидерские качества Тоя, исходившие из его уверенности во всём, что он говорил и делал, были хорошо известны в школе; многие также видели, что иногда эта уверенность граничила и даже переходила в дерзость. Рассчитывать на то, что Той отступит было невозможно и в этом смысле зрелище было гарантировано. Толпе оставалось лишь понудить к драке Хлюпу, который имея статус «клоуна-шестёрки» не имел желаний к большому самоутверждению и, явно сожалея о том, что закусился с Тоем, пытался затесаться в стоявшую позади него толпу и тем самым миновать конфликт. Толчая же наоборот сомкнулась, выплеснув в передние ряды наиболее агрессивных и авторитетных пацанов, имитировавших пинки Хлюпе под зад и провоцировавших его на драку, выкрикивая весьма обидные для него определения. Завершил же приготовление к зрелищу Ермила (Вова Еремеев). Одноклассник Тоя, он считался одним из самых физически сильных парней в школе и мог успешно противостоять даже десятиклассникам. При этом он не был отчаянным хулиганом и никогда не шулял деньги, а среди шпаны пользовался уважением...

Наиболее отмороженные шуляльщики вымогали мелочь, собирая на бутылку, не только на улице и во дворах, но и в коридорах своей школы во время перемен. Это отребье не пользовалось авторитетом даже у “умеренной шпаны”, но их опасались все без исключения и старались не связываться. В школе Тоя шайка отмороженных шуляльщиков состояла из четырёх человек. Трое из них были младшими братьями посидевших за разбой ублюдков, могилы⁷ которых находились в прибазарных бараках. Хороводил шайкой Назмик – брат настоящего вора в законе, которого Тою пришлось однажды увидеть во всей красе: белой крахмальной майке, с расписанными от пальцев до плеч руками и огромными воровскими звёздами на плечах. Гребень – это была кличка вора – сидел на лавке перед бараком и, попивая водочку, о чём-то толковал с молодым парнем. Парень был в дорогом прикиде⁸, кепка у него была натянута на голову до самых глаз и ушей. Лицо парня было весьма примечательно: нижняя очень полная губа выпирала сильно вперёд, горбатый, ниспадавший от бровей огромный нос сильно принижал в размерах и так крохотные крысиные глазки. При этом на лице парня была скроена никогда не исчезающая блатная ухмылка. В сравнении с жёстко вырубленной мордой Гребня, скулы которого непрерывно наяривали мускулами, и, казалось, вообще не зависели от других частей его лица, а были как бы сами по себе, лицо молодого парня ассоциировалось в воображении Тоя с образом трусливого крохобора, который играя “в пристенок”, пытается незаметно подвинуть свою копейку указательным пальцем, чтобы средним пальцем достать монету другого играющего, и тем самым хлыздово выиграть её. Назмик сидел на лавке вместе с ними и, перемальвая во рту вар, периодически сблёвывал накопившуюся слюну. Эта картинка почему-то вдруг стремительно пронеслась в воображении Тоя, когда Ермила, возникнув из толпы, крепко прихватил за плечи повздоривших пацанов.

– В первую перемену – в туалете, – сказал он и, растолкав Тоя и Хлюпу в разные стороны, завершил неопределённость исхода ссоры назначением драки.

Толпа отреагировала удовлетворённым гулом. Всё стало ясно, справедливо и единственно правильно.

Отзвенел сигнал к началу занятий, перейдя в конце своего звучания в низкотоновое дребезжание.

Первым уроком значилась физика. Училка по этому предмету была совсем ещё молоденькая, вот только закончившая институт и появилась в школе всего два месяца назад. Она

⁷ могила – ночлег (жаргон)

⁸ прикид – одежда (жаргон)

была невысокого роста, худенькая телесами, с кунным личиком и особо неверным произношением числительного пятьдесят. Училка, как казалось Тою, умысленно и для выпендрёжа произносила: «Питсят». В школу она ходила в обтягивающей чёрной юбке – длиной ровно до середины коленок и толстой вязки светло-коричневом свитере с высоким воротом, упирающимся в подбородок и даже мешающем ему спокойно жить. Поэтому она периодически запускала ладонь между воротом и шеей и, отъездив туда-сюда, поднимала подбородок вверх, а ворот свитера одёргивала вниз. Тоя слегка возбуждали её сиськи, торчащие в разные стороны и плотненько обтянутые свитером. Они были очень пропорциональны всему остальному, причём оканчивались практически остриём. Правда, это было всё, что привлекало Тоя в училке и то – лишь из любопытства узнать, а как это будет выглядеть внатуре и наощупь, если всё это взять и заголить. Училке, наверное, тоже был симпатичен этот неуступчивый зеленоглазый школьник, который мог без закашивания взгляда сначала длительно уставиться ей прямо в зрачки и потом медленно опустить взгляд на её грудь, вынуждая молодую преподавательницу тут же на кого-нибудь прикрикнуть – якобы за невнимательность на уроке.

Урок физики на этот раз свёлся для Тоя к ожиданию драки и анализу происхождения белого пятна на оконном стекле. Физичка периодически и всегда безуспешно пыталась вернуть его в понимание эффекта интерференции света, но отчаявшись, подошла к парте Тоя и, чуть наклонив голову, откололила:

– Той, вы хоть что-нибудь из сказанного мной поняли?.. Или хотя бы слышали?

Тою такое внимание показалось чересчур назойливым и уж точно несвоевременным, и даже раздражающим. Недодумав про пятно, что само по себе было для него неприемлемо, он резко встал, хлопнул отворотом парты, демонстрируя тем своё недовольство, повернул голову в сторону училки, выкатил глаза и, затверждая каждое слово, отдекламировал:

– Вопросы по теме задают на следующем уроке, а не теперь.

Физичка вся как-то суксилась, звонко отстучала каблуками до доски, резко развернулась и, выбросив вытянутую руку, указывая ею на дверь, выкипела:

– Той, выйдите вон!

Класс, до этого момента онемевший, вдруг как по команде всеобъемлюще заёрзал, заскрипел чем попало, сопровождая это нарастающим гулом. Кто-то усилил эффект уже и гоготом в “запаренные” ладошки.

– Захватишь шмотки, – как мог громко, наказал Той своему соседу по парте; тот кивнул, подцокнул языком и, замутнив глаза, зыркнул на физичку.

Класс утих, наслаждаясь знаменитой, неспешной и вразвалочку походкой Тоя. А он, гипнотизируя взглядом плывущий под ногами пол, причалил к двери, остановился, постоял, приглядываясь к своим ботинкам, огладил волосы на затылке... ещё раз огладил и потом ещё раз... наконец, плавно, но широко отворил дверь, вышел из класса, очень медленно развернулся, подправил чёлку, внимательно поглядел на физичку и медленно-беззвучно прикрыл за собой дверь.

Училка рефлекснула поправкой ворота и подергиванием подбородка. Следовало как-то и что-то продолжить, но находчивость оставила и преподавательницу и класс. Всю эту неловкость спас Ермила, вкативший хлёсткую затрещину Гонзе, сидевшему на предстоящей парте. За что схлопотал Гонза – было не столь уж и важно. Да он впрочем, и не отреагировал на этот подзатыльник – видимо, впаяно было ему по делу. Но важным явилось то, что наступила понятность дальнейшего, а училка тут же нашла себе дело и отцокала каблукками до парты конфликта.

– Ермишев, вы, что себе позволяете? – взяла физичка ситуацию под контроль.

– Сами разберёмся, – буркнул Ермила и уставился на свои широченные кисти рук, сложенные друг на друга. И после этого действия Ермилы всему классу, кроме училки, стало ясно, что дальнейшего диалога между ними не будет.

– Ермишев, вы не слышите? Отвечайте, что у вас тут происходит?.. Вы будете отвечать?.. Встаньте, когда с вами учитель говорит!

Ермила заскрипел, зашуршал, заёрзал всем, что могло издавать какой-либо шум, согбенно поднялся, оттоптался с ноги на ногу и молча, уставился в темечко Гонзы. Но у училки, видимо, возникла маниакальная самоцель – выяснить хоть что-нибудь. Она с неподдельным упорством зачем-то продолжила попытки разговорить Ермилу.

Это развеселило и внесло интригу. Все понимали предстоящий исход и, разделившись на группы, стали подсказывать различные варианты действий для учительницы.

– Да, двояк ему вкатить... за поведёнку, – раззубатив рот, съехидничал Анастас, при этом хитро кося на “истукан” Ермилы.

– Родителей, родителей в школу – прямо на педсовет... не, лучше прямо к Акимичу, – клокотал Чирба, – в смысле – к директору, – поправился он, поймав недоумённый взгляд физички.

– Исключать из школы и прямо сразу... нет, прямо сейчас и вот тут! – выпрыснула из-под парты Наташка.

– Короче, Ермилу – в герои. За правду!.. Пожмите ему руку, товарищ учительница! Он защищал честь класса, школы, всех... вашу... честь, – правдоподобно и пафасно продекларировал Христик.

Девчонки прыснули, парни гоготнули, физичка отъелозила ворот свитера и, почуввав неладное, вернулась в реальность:

– Всё! Угомонитесь! Ермишев...

– Давайте дневник, Ермишев, – вторгся вялым голосом и закончил фразу училки Фасоль.

Сдерживаться тут было нелепо, да и невозможно и класс “ухнул!” и, видимо, на всю школу. Каблучки нарочито гулко откувалдили к доске, их ярость всё более наливаясь по мере хода, перекинулась на глаза училки и там закрепилась, а потом медленно, но неуклонно закоростила собой всё лицо.

– Не будем прощать эти наглые выходки, – писк вечно тормозного Вовы был теперь уже запоздалым и никак не писался с новым состоянием умов всех присутствующих. А могли ли они у кого-либо в этот момент разумно работать – это было большим вопросом.

Противостояние свершилось и забаррикадировало разумения в головах, причём каждому свои.

– Солев, подайте дневник.

Этот ход училки был ожидаем, но столь же, по мнению класса, и неудачен, если выбирать из всех предполагавшихся, потому как сопровождался безысходным и обречённо-тихим всеобщим: «Ррээх!». Фасоль достал из “запличника”⁹ дневник и, предвкушая, что ему вечером предстоят поучения от родителей – кстати, некстати преподавателей института – потащил свою “хорошистскую паспортину” для написания пасквиля или просто размашистой цифры радикально-красного цвета напротив графы «поведение».

– Жертва несправедливости, – сопроводил Чирба, проплывшее мимо его парты, согбенно-обмявшее тело Фасоля.

И Фасоля действительно было жалко всему классу, потому как была известна его неспособность к тому, что называется “морально-волевыми поступками”. Большой и мягкий увалень без своего мнения, нет вернее со своим, но только с мнением внутри самого себя и не всегда даже для себя, а скорее для других – вот именно таким его все и знали. И эта выходка Фасоля, а со стороны Фасоля это была именно выходка, так вот эта выходка была весьма неожиданна для класса и могла быть объяснена лишь его сиюминутным порывом, вызванным совсем несвойственным Фасолю младо-задиристым проявлением. Хотя тут, наверное, ещё и подмешалось

⁹ запличник – рюкзак

желание Фасоля не отстать и проявиться. Кстати, Той давненько уже примечал припухлость глаз Фасоля, когда тот поглядывал на Нинку Изотову. «Эх, ему бы “стержня” на этом проходе от парты до стола училки» – подумалось бы стороннему наблюдателю. Но, было – как было, и вяло-безвольная рука Фасоля вручила дневник в суетно-нервную руку физички.

Ермила тем временем, перестав уже быть причиной веселья, отошёл от исполнения роли “молча-мрачно-стоящего” и стабилизировался в положении “сплю сидя”. Впрочем, о нём в этот момент, скорее всего, вспоминал только Гонза, пытавшийся угадать: будет ли после урока что-либо дополнительно к затрещине или обойдётся лишь ею.

Что-то, предназначавшееся в дневнике Фасоля, подытожил прозвучавший звонок, сделавший уже никому не нужным продолжение всеобщего ехидства со злоторворящими импровизациями. Тем более что звонок всегда был запуском процесса перехода от шопотно-записочного обсуждения текущих дел к громкому перекрёстному кричанию. Это, казалось бы, приводило к какофонии и хаосу, но именно они и становились желанной атмосферой в классе. И не столько даже новенькая, а и любая другая училка или учитель оказывались уже вне процесса и, сказав больше глазами, чем голосом: «Урок окончен», покидали класс...

Парни, осведомлённые о предстоящей драке вместе с укоренившимися курильщиками, не растрчивая попусту время, метнулись в сортир первого этажа. «Старшие», поняв предстоящее, снисходительно покинули “курилку”, напутствовав негромким распоряжением: «Без поножовщины!».

Той, имевший “освобождение” от части урока, уже сидел на подоконнике, забывчивая глазами свои ботинки.

“Зрители” уплотнились по периметру, образовав посредине недостаточно просторный для драки пятячок. Стоящие же в первом ряду вообще рисковали получить что-либо размашистое, которое непременно вылетает из “молотиловки” при переходе боя в стадию “махаловки”.

Той спрыгнул с подоконника и вышагнул в центр шипящего нетерпением круга. “Ряска” подзуживающих тел тут же затянула всё свободное пространство между ним и батареей под окном. Круг сомкнулся и выдавил из себя Хлюпу, чуть не врезавшегося в Тою, и они оба оказались тесными со всех сторон нетерпеливо-требовательной толпой. Они были не в состоянии ни дубасить друг друга и даже не могли, прихватившись за грудки, молотнуть друг друга лбами. Был только один вариант – врезать коленом в пах. Именно это и попытался исполнить Хлюпа, но именно этого поджидал от него и Той, а потому он вовремя развернулся и перекрыл пах своим коленом.

– Стоп, стоп! Раздайся. Сдвинься, бл, кому говорю! – Ермила своими здоровенными лапами размазывал толпу вдоль стен сортира.

Не сдвинулись только компактно стоявшие “отмороженные”. Впрочем, Ермила по ним и не настаивал. У них был свой – понятный всем статус.

– До кровянки, – уведомил Ермила, сформировав достаточное для драки пространство.

– До пола, – возразил Назмик и сцыкнул воздух сквозь щелятые зубы.

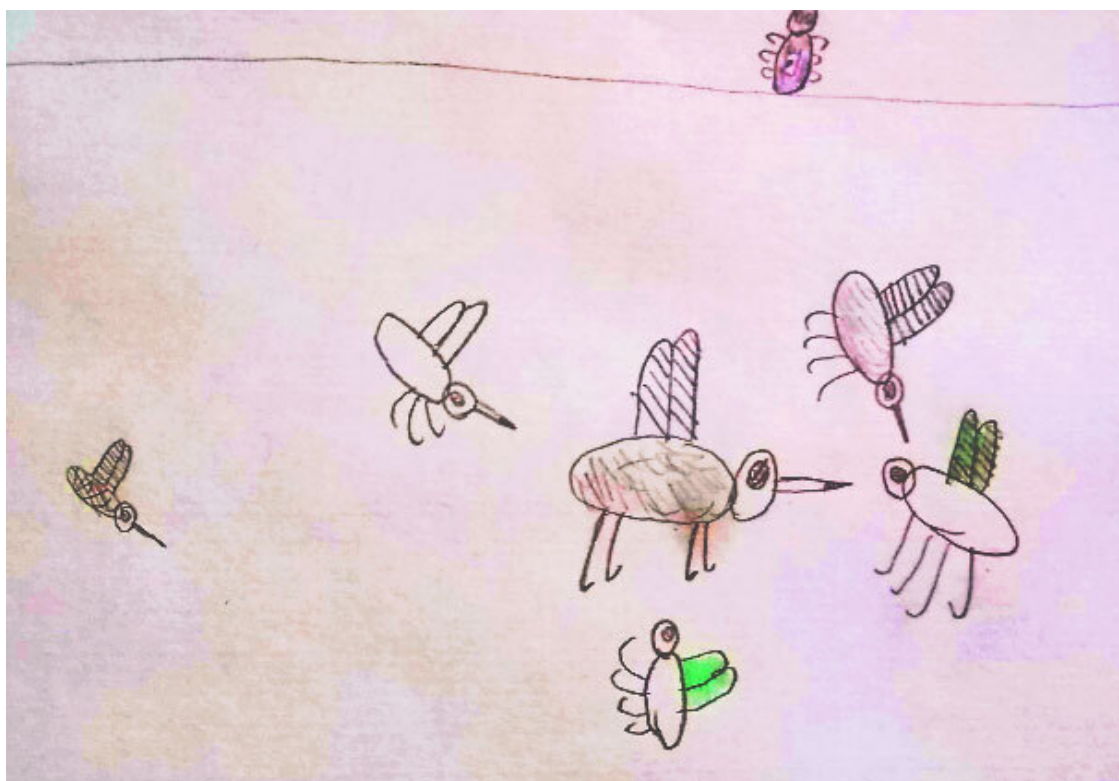
Толпа опасалась определяться с правилами и выжидала.

– Как пойдёт! – авторитетно поставил точку Агай. Он не принадлежал ни к какой хулиганской группировке. Он был всегда сам по себе. Его авторитет зиждился на огромной физической силе, которую он периодически демонстрировал “на физре”. Излюбленным номером всего класса было, когда Агай приседал у шведской стенки, на плечи ему вставал грузный Анастас, далее на плечи Атанасу взбирался Чирба, завершал всю композицию на плечах у Чирбы Гонза. И вот Агай, попружинив в приседе, вставал в рост, разворачивался в сторону охавших девчонок и стряхивал с себя “пирамиду”. Гонза при этом предусмотрительно заарканивался за шведскую стенку, чтобы не подвергать себя полёту с неприемлемой для него высоты. В общем Агай был не столько авторитетным, сколько сильным и с его мнением приходилось считаться всем, даже “отмороженным”...

Более медлить было нечего, да уже и позорно. Драка же началась как-то нелепо-сумбурно. Что Той, что Хлюпа – оба, стоя на месте, принялись молотить друг друга руками сверху вниз и слева направо. Вредоносность этого действия была весьма несущественна и лишь отдельные плотные “шмяки” слегка заводили толпу.

Компашка Назмика активно поддерживала Хлюпу и призывала его «работать ногами и бить по мудям». Сочувствующие Тою были менее активны и оживлялись только по результатам редко долетавших до лица Хлюпы ударов Тоя, но ограничивались лишь опасливыми поощрениями типа: «Вот так, бля!». В целом – шла бессистемная “молотилровка” с обеих сторон.

У Тоя уже слегка кровило в уголке рта, у Хлюпы подкапывало из носа. Исход драки для всех был примерно ясным и столь же неинтересно-удовлетворительным. Забить противника в пол было явно не суждено ни одному, ни другому.

Тоя уже сковывала обида от почти несуществующей поддержки и понимания недостатка своих физических возможностей для свершения перелома в драке и одержания убедительной победы. Хлюпа же страдал от необходимости постоянно утирать рукавом всё более кровивший нос и от наставлений Назмика, которые были скорее оскорблениями. Вскоре всё и вовсе перешло в разоринтированную “махаловку” по рукам, груди и плечам друг друга – драку безрезультатную и бессмысленную.

Звонок к уроку прикорешил остатки пыли драчунов, а возглас Ермилы: «Всё, хорош!» – оттолкнул их друг от друга.

– Хлюпик – трупик, – констатировал Назмик и, махнув рукой, повёл за собой на выход ухмыляющихся и цокающих языками подрастающих бандитов.

Хлюпа сморкнулся кровью себе под ноги, топотнул по-блатному ногами, предварительно выгорбив спину и, засунув руки в карманы, жёстко и неопределённо матюгнулся. Потом он выярил рожу с отвисшей нижней губой, каблучно развернулся и, вдруг обмякнув, пошёл за Назмиком.

Той созерцал всё это действие молча и весьма угрюмо. Он возвращал в себе сначала досаду на самого себя, потом, вскипятив её до степени самоунижения, коротко зыркнул на своих пацанов из-под свалившихся на глаза бровей, отвернулся к окну и принялся имитировать оправку своей одежды.

– Нормально ты ему вляпал... – начал распалиться Анастас, но сразу осёкся, увидев, как неприятно дёрнулось плечо Тоя.

– Ладно Той, пошли уже, щас ещё Эмка начнёт гнобить за опоздание, – отбубнил Фасоль (Эмкой парни кликали училку по немецкому языку).

– Не, лучше ваще уже не ходить, – внёс предложение Тюль. – Пошли, пока не застучали, пересидим на “стадике”... в теплушке. Потом чёго-нибудь наврём... Ну, к примеру, что у Фасоля резко случился понос.

– И вы всё это черпали ведрами, – не оборачиваясь к парням, нервно выпалил Той. – Идите в класс. Бегом я сказал! Уя... отсюда! – Той развернулся, он смотрел мимо всех и не просто зло, а по-волчьи: заостенело-пронзительно. – Пошли вон! – добавил он злости.

– Ну и чорт с тобой! – Тюль досадно сплюнул и двинулся к выходу.

Парни, помявшись и немного помешкав, возможно ожидая перемены в поведении Тоя, но, не выявив даже признаков таковой, теперь уже даже чересчур поспешно выбрались из “курилки”...

Той отёр рукавом жёсткого школярного пиджака глаза, слегка обводнившиеся обидой, сплюнул прямо на пол сгусток крови, зло затоптал его ботинками и, скверно выматерившись, пошёл на выход. У самых дверей он натолкнулся на Акимича – директора школы – так его за глаза называли буквально все: от двоечников и второгодников до отличников и идейно-фальшивых активистов.

– Почему не на уроке? – Акимич дерзнул прихватить Тоя рукой за плечо, но, не рассчитав резкого отскока пацана в сторону, сам качнулся вперёд, поймав жилистой ладонью лишь ничего не подозревавший прокуренный воздух. – А ну стой! Подойди сюда, – Акимич снова попытался цапнуть Тоя за плечо.

– Некогда, итак опаздываю, – умышленно и максимально грубо залепил Той и, выскочив из “курилки”, хлопызнул дверью об косяк, да так, что этот долбяк надёжно перекрыл попытку Акимича завязать дискуссию.

Той же ничуть не мешкая, был уже на втором этаже. Отстучав по коридору башмаками, он вкоптылся у нужной ему двери, огладил причёску, внимательно осмотрел и что-то оправил в форме, взялся за ручку и, резко открыв дверь, буквально возник возле стола училки немецкого. Эмка от неожиданности сглотнула очередной плюсквамперфект и он, застряв где-то в гортани, совершенно лишил Эмку возможности что-либо говорить, но зато необыкновенно выпучил ей глаза. Класс, как обычно, слегка гудевший, тоже присёкся и приступил к анализу явления.

В общем, Тою подфартило оглядеть всё сборище в полной тишине. Из его компании в классе не было никого, даже Хомеля, хотя тот скорее был «периодически примыкавшим» и чаще вёл “дикую жизнь”, общаясь исключительно с боксёрскими перчатками. Учился Хомель, в отличие от остальной компании Тоя, плохо и весьма трудно, впрочем, немногим хуже Анастаса.

«Всё-таки не пошли... Нормально!» – решил про себя Той, не успев строгостью взора прикрыть вылезшую на его лицо улыбку-удовольствие.

– Чё за чудо, Эм Мудистна, – порвал тишину Гонза и умышленно за счёт гнусавости переиначил отчество немки (паспорт величал её, как Модестовна). – Кому-то чё можно, а кому-то ни чё... не надо!

Он, конечно, не преминул кольнуть “немку” за её постоянные упрёки к нему, свершаемые Эммой из урока в урок со стабильным звучанием: «Вам Газновский, видимо, вообще ничего не

надо!». Но следует отдать должное – эти упрёки были, в общем-то, обоснованными, потому как единственным познанием Гонзы в немецком языке и одновременно шедевром, признаваемым всеми без исключения, была неустанно озвучиваемая им фраза: «Ихь (по-немецки “я” – озвучивалось с сильным выдохом) стегаю (произносилось безапелляционно и жизнеутверждающе) кобылацён (это слово восклицалось победоносно с исторжением наружу глазных яблок)». Этот симбиоз дремучести познания и безграничной дерзости Гонза изрёк на одном из уроков, когда немка попросила его сформулировать хотя бы одну простую фразу по-немецки. Шокированная учительница, под захлёбный хохот класса и сама-то едва сдерживая смех, смогла лишь резюмировать:

– Вам, Газновский, от моих уроков ничего не прибывает... (далее по тексту упрёка немки в адрес Гонзы на каждом уроке)...

На Гонзу шикнули с разных сторон и класс, молча, воззрел на Эмму, пытаясь предугадать её действия. Немка же, демонстрируя беспомощность, всматривалась в Тоя и ни к чему не склонялась. «Ничего себе её выпучило. Вот это глазищи. Хотя, нет – ничего особенного» – мгновенно обдумал всё Той и обглядел училку от причёски до туфель.

– Ермила, мои парни не приходили, или выгнали уже?

– Не, Той, не были.

– Вы, может быть, объясните, что здесь происходит? – проявилась вдруг училка.

– Да всё нормально, зашёл вот проверить... И уже ухожу. Всё – ушёл!

Той развернулся и направился к двери, но тут – путь ему преградил Акимич, буквально вонзившийся извне в дверной проём.

– Во как! А мы вас как раз ждали. Я, собственно, и иду пригласить вас. Ведь, правда, Эмма Модестовна? – Той посторонился и, склонившись, плавным движением руки пригласил Акимича пройти поглубже в класс.

Директор не въехал в происходящее, но ещё более изумившись отвисшим губам заколоченной неожиданным развитием событий немки, а также из привычки иметь перед собой пустое от всех прочих пространство, машинально прошёл вперёд, предоставив Тою свободу дальнейших действий. Составленная же Тоем мизансцена из заключительного акта “Ревизора” вполне его устроила. А “обалдевшая массовка” из учеников класса тоже вполне себе удалась. И Той лишь на секунду задумался о том, стоит ли в завершение... взять, да и вляпать в “произведение” какую-нибудь отсебятину... Но верх взяла обидная укоризна за неудачную драку, прочитанная Тоем в глазах Ермилы.

– Ну, что вы так засмутились, Эмма Модестовна? Это наш директор – Ашурков Кирилл Миронович.

– Пришли проинспектировать процесс образования? – обратился Той к совершенно охреневшему директору. – Располагайтесь за моей партией – вон там, – Той указал рукой в сторону одного из свободных мест. – Чирба, сдвинься уже к окну! Директор долго ждать не будет.

Прозвучавший в полной тишине плавно-учтивый монолог Тоя завершился столь же благородным выходом его из класса и претворением двери. И этой гробовой тишины, а, следовательно, и внутреннего комфорта, хватило Тою, чтобы миновать коридор и выбраться на улицу. «Предстоит» – заключил он, прикинув один из вариантов последствий произошедших событий, но решил не вдаваться в подробности и переключился на другое. «Вроде они хотели идти на “стадик” в теплушку» – припомнил он и направил туда ставшие вдруг унылыми свои стопы.

Сразу за углом школы, как уже повелось, ему преградил путь не в меру огромный тополь. «Что-то и с ним происходит нето» – определил Той, внимательно вглядываясь в дерево. Он всегда ощущал этого долгожителя другим: дерзко-самоуверенным, а не тем, что предстало сейчас перед Тоем – это было какое-то умиротворённое спокойствие. «Что не так? В чём подмена?» – Тоя явно зацепила необходимость познания произошедшей с тополем перемены и он, заточив взгляд сужением век, заискрил им от вершины до корней... «Вот! Вот оно!» –

чуть не воскликнул Той, оперевшись взглядом в снег, укрывавший низ ствола аж на самый метр от земли. «Конечно, вот где утратилась его “хватка”! Вот – чем он другой!». Той прикрыл глаза и погрузил себя в воспоминание: в лето, шелестящее тёмно-зелёной листвой, уютно-свободное от уроков в школе. И этот тополь стал, в сей момент, спасителем для Тоя, изгнавшим из его подсознания нагнетавшуюся где-то внутри опаску за неизбежный разбор с отцом всего случившегося сегодня. Той смотрел на этого исполина, возвышавшегося над обителью, воспитывавшей раболепие перед ложными для него идеалами, и отчётливо осознавал, что не всё вокруг представляет собой “серую одинаковость”, а есть и отличия, свободные от удобной покорности и эти отличия самостоятельно распоряжаются своей жизнью. «Да! Я хочу быть, как он!». Той отступил на несколько шагов от этого гиганта, чтобы всмотреться в него всего, целиком и этот образ навсегда остался в его сознании, как уважительное превосходство и ненасильственное покровительство всему слабому... Той прикрыл глаза и снова стал крутить картину лета... Ствол тополя с множеством отходящих от него ветвей мужественно располагал на себе рытвины-шрамы, чередовавшиеся с огромными вздутиями-шишками, возникшими в результате преодолений природных напастей и злобных действий бездушных людей. Но эти боли нисколько не умаляли его силу, а лишь подчёркивали её. Земля, пытаясь освободиться от тополя, расслабила себя и выкорчевала над собой его коряво заплетённые толстые мускулистые корни. В этой борьбе с тополем она избрала себе в помощники ветер, вынесший часть её вон из-под корней и тем заголивший их крючкато-уверенную силу. Притворное же расслабление земли только добавило желания тополю скрепить ее и он, густо закудрявив отростки-когти, так сжал и подгрёб под себя землю, что она совершенно отказалась от дальнейших попыток отторжения и поддержала монолит дружбы с тополем. Так они совместно и затвердили свою красивую силу, периодически приглашая ветер, чтобы передать людям смысл своего бытия через шероховатый шум листвы, скрип ствола и похлопывание веток друг по другу...

Восприятие реального вернули Тоя колючки холода, втиснутые ветром под брюки. Первоначально они обкололи голени, потом быстро добрались к коленям и там выпустили дополнительные, ещё более острые иглы.

Толчок в спину тут же оброс голосом Анастаса:

– Парни – в теплушке, а я вот за сигаретами бегал. Решили, что на сёдня уже хорош... обучаться, – Анастас усмехнулся, хлопнул пару раз ладонями друг о друга и о грудь, копытнул ботинками по гулко смёрзшемуся снегу, осклабил рожу и спросил. – Может чё придумаем или чё натворим?

Той, не желая вступать в разговор, нахохлился, имитируя защиту от ветра и молча, направился в сторону катка. Анастас, что-то непрерывно трендя, шёл рядом с Тоем. При этом узко натоптанная дорожка обязывала Анастаса правой ногой постоянно попадать в снежную целину, непредсказуемая бездна которой провоцировала Анастаса на столь затейливый мат, что Той, невольно сбросив задумчивую серьёзность, выдохнул облегчивший его настроение хохотун. В теплушку они ввалились уже в улыбках по самые уши. Парни, видимо, травили анекдоты, потому что при открывании двери – её буквально швырнуло на Тоя взрывом хохота.

– Вот ещё короткий. Внешность обманчива – сказал ёжик, слезая со щётки, – с разочарованием произнёс Тюль, правдиво изобразив на лице обиду за ёжика. Парни вновь грохнули смехом.

– Нафталин, – сказал Той, но всё же предварительно рассмеялся и даже скорее всего не над анекдотом, а над убедительностью рожи Тюля.

– Лучше всё пробовать, чем не делать этого, – заключил Анастас.

– Один попробовал надпись на заборе, да дрын сломал, – парировал Толстый и сам же вознаграждал себя узкоглазым хохотом за собственную находчивость.

– Другая тоже попробовала и родила, – встрял юмором Хомель.

– Все что-то пробуют, кого-то пробуют, кем-то пробуют, у кого-то пробуют, об кого-то пробуют. В общем – школа жизни, граждане учащиеся, – сказал Той, обустроиваясь на скамейке и было неясно, сказал он это серьёзно или в шутку.

Идей для дальнейших действий никто не обнаруживал, поэтому расположились вяло-бесцельно. Хомель откинулся к стене и массал ладонью резиновое кольцо. Толстый и Тюль “мыли кости” училке по физкультуре, обсуждая её «задницу как орех и классную фигурку». Толстый при этом аж шурился от удовольствия и причмокивал, рассказывая о, якобы подсмотренном им, переодевании училки. Анастас тихорил, натирая рукавом телаги какую-то металлическую хрень. Той что-то про себя думал и молчал.

– Так вот! И когда она повернулась уже, когда натягивала трико... – с придыханием рассказывал Толстый.

– Онанисты хреновы! Хорош уже трепаться, – перебил Толстого Хомель. Он всегда неровно дышал, глядя на физручку и его вступление в “обсудилровку” тут же погасило этот трёп.

Тюль приступил было к анализу “буферов” Зинки, но его живописание было прервано в самом интригующем месте возгласом Тоя:

– Пацаны! Там у них в школе остался всего один урок. Пошли в сторону Гешки.

Но никто даже не пошевелился после произнесённого Тоем, а даже наоборот – все парни демонстративно сосредоточились на своём замедленном ничегонеделании. Той осмотрел каждого отдельно и весьма внимательно. И никто из испытуемых не выявил никакого желания к вступлению в диалог или хотя бы даже в контакт гляделками. «Как с утра не задалось, так и едет. Скорей бы он уже закончился этот чортов день» – хмуро размышлял Той, направляясь к выходу из теплушки. Безысходная бесцельность ближайшего дальнейшего подкачала Тоя злости, и эта корявая стерва, возникнув в обестолкóвевшей голове, сползла на правую ногу Тоя и та, посоветовавшись с разумом, прямо пыром, со всего маху вмазала двери чуть выше её порога. Дверь от неожиданности грязно ухнула и, заскрипев одновременно петлями и пружиной, оттопырила проём, куда неловко и теперь уже хромонобо встрял Той. Пружина двери, осознав своё назначение и дабы пресечь борзость гостя, особо резко и со всей своей сволочной пружинностью жახнула створкой охромевшему Тоя в плечо, вытряхнув из него стóль изысканное словцо, что учащиеся зажмурились от гогота. Впоследствии воспроизвести это сочетание букв во взаимосвязи с интонацией, отдирижированной ударом створки, не удавалось никому из парней. Той же лишь катал желваки при просьбах парней повторить этот «натуральный изрыг». Но, как бы там ни было позже, а сегодня Той всё же более-менее благополучно вырвался на свободу из объятий двери, назидательно хлопнувшей по косяку в завершение отношений. Мысль хлестануть её напоследок пяткой, едва возникнув, тут же была изгнана протяжной жалобой пальцев пострадавшей ноги. Инцидент был исчерпан и расстояние между повздоровившими начало неуклонно-хромонобо увеличиваться... Ни цели, ни желаний, ни мысли... Серость, ветер, снег, холод, блин... и эта чортова боль в ноге...

На самом выходе со стадиона позади Тоя вдруг рыхло затопали шаги. Той недовольно оглянулся. Пацаны молча, шли сзади без намерения с ним поравняться. «Без них сейчас тошно! Чё прутся за мной? – злóбил себя Той. – Пошли бы все на...! – взрыв его эмоций нарастал, боль в ноге не спадала. – Нехер делать и прутся. Щас я им, бл!»). Той остановился и, не разворачиваясь, забычился глазами в забор стадиона, определяясь со своими дальнейшими действиями. Всё полотно деревянного ограждения было исписано краткими названиями человеческих органов, а в ряде мест – их картинками, благо, что рядом была школа и недостатка мела для росписи забора “художники” не испытывали. Цвет забора давно уже был тёмно-серым, поэтому ярко мелованные произведения весьма убедительно контрастировали с “холстом”. Периодически с этим видом “искусства” велась непримиримая борьба, но количество заборов в стране, а также упорство “художников” на порядок превосходили возможности народного хозяйства по производству заборной краски. Неубедительным оказывалось и

качество самой краски, потому как уже через сезон, причём неважно какой (зима ли, весна ли и т. п.), краска, кучеряво надувшись пузырями, просто спрыгивала с заборов, подставляя всю свою необъятную возможность под новые предназначения и жизнеутверждающие схемы. В общем, выходило так, что преодолеть это творчество было возможно лишь уничтожением всех заборов, искоренением их как класса мольбертов. Ровно это и было взято на вооружение в рамках непрерывного совершенствования социализма, которое сопровождалось началом строительства пятиэтажных домов – хрущёвок. Эти кирпичные коробки не требовали заборов и сильно уменьшали их площади. Но даже такие рельефные изменения были неспособны преодолеть “художнические рвения” мало – и среднелетних созидателей нового совершенного общества. Эти строители тут же освоили и каменные “мольберты”. Правда, в зависимости от фона “твёрдой” стены наряду с мелом начал активно применяться также и уголь, коего было тоже в избытке, так как замкнутые пятью-шестью домами дворы обязательно обустроивались угольными котельными. Особо одарённые “художники” могли предварительно загрунтовать стену соответствующей краской. «Достать» же краску на предприятии или в учреждении стало к тому времени гораздо проще. И это было неопровержимым доказательством преимуществ социалистического метода хозяйствования. Проще стало и школяру: он мог незаметно изъять часть краски из возрастающих домашних записок. Неизменным оставался только тематический подбор рисунков и слов. Всё будто замерло в осознании, восприятии и неизменной концепции...

Той смотрел на надписи на заборе, не читая их и не вникая в нарисованное. Он подбирал слова, чтобы развернуться и взорваться ими в пацанов. «Какого... чё... идите вы... устались...» – пытался он конструировать “взрыв”, но фарт¹⁰ явно не шёл. Взгляд Тою от недовольства собой разбычился и стал воспринимать забор забором, а меловые иероглифы – словами.

Стоявшие за спиной Тою парни и тихо трендевшие ни о чём, вдруг со свистом хватанули своими глотками морозного воздуха из-за треснувшего их по ушам колотого смеха Тою. А тот по-прежнему стоял к ним спиной и как обухом топора коротко б́ухал сгустками выбрасываемого изо рта пара. Это, пожалуй, был даже не столько гулкий смех, сколько взрывной “ик”.

– Спрыгнул с катушек, – изрёк Тюль, вышагнув в сугроб, чтобы глянуть Тою в лицо.

– Чем ты так забрало? – легонько постучался Хомель в спину Тою.

– Той, ты чё? – Толстый уже стоял перед Тоем и тряс его за грудки.

– Посторонитесь, учащиеся! – Той унял свой “икучий топёр”, наколовший кучи морозного пара и отхлопнув руки Тóлстого, развернувшись спиной к забору, затрубил с невероятным пафосом. – К торжественной линейке становись!

После этого возгласа Той манерно залапал в правую руку шапку, предварительно сняв её с головы Анастаса и вытянув эту руку вперёд и чуть вверх, создал на себе лицо верного ленинца, взывающего к всеобщему подвигу.

– П..., спятил! – Анастас вырвал шапку у Тою и впаял её себе на голову по самые брови. Он, видимо, хотел ей прикрыть ещё и глаза, но глубины шапки не хватило; впрочем, и его лоб оказался для этого высоковат.

– Воспряньте к разуму! Отрекитесь от дерзости своей – пережитка тёмного царского прошлого! – Той воздел руки к чёрному небу, которого и видно-то не было. – Выполните и осознайте, наконец, требовательные призывы нашей любимой и направляющей! Не буду уточнять: чего и куда. Это вы и сами должны знать, изучив всю эту мораль нашего “строительного кодекса”. Тем более что плакат с этими премудрыми словами вы видите ежедневно. И если кто-то ещё проходит мимо, так и не удосужившись его изучить, напомню, что вывешен он на стене первого этажа нашей средней школы аккуратно наискосок от уборной... Не смейте ничего уточнять! Наискосок от туалета, а не от сральни. И не следует ржать, Анастас. Этот “талмуд”

¹⁰ фарт – удача (жаргон)

завещан нам нашими отцами и прадедами!.. А к мудям, Анастас, эта эпохальная вещь никакого отношения не имеет... И не спорь – это не тождественные понятия.

Тирада, произносимая Тоем, на самом деле, не была прервана ни вмешательством какого-либо слова, ни нетерпение какого-либо тела. Парни лишь хитрили глазами, предвкушая развязку. Настроение у всех явно шло в гору ещё и потому, что парни видели – Той “отошёл”.

– Отщепенцы! Своей ленью и главное своим равнодушием к делу нашей партии вы отключили себя от источника, пропихивающего в вас знания. Нам всем уготовано светлое будущее! Пусть и с не очень приятными ощущениями в пути. Но цель – дойти, пусть даже и доползти... и победоносно... умереть. Но чего бы нам и вам это ни стоило, мы суровой рукой, а зачастую и ногой всё же заставим вас туда идти... хотя большинство из вас и сдохнет на этом пути!

Той снова ловко сорвал шапку с головы Анастаса, развернулся, высвободив весь простор расписанного забора и размахнувшись, со всей дури вбабахал шапку себе под ноги, потоптал снег вокруг неё и молча, воззрел на пацанов.

Парни стояли с недоумёнными минами, готовые уже усомниться в том, что Той “отошёл”. Похоже, в них заселялась догадка, что Той после разборок с дверью “дошёл” или скорее действительно “спрыгнул”. Явное разъединение намечавшегося контакта продолжилось новым действием Тоя. Он сорвал шапку теперь уже с себя и с возгласом: «Двоечники!», метнул её в забор. Шмяк шапки о доски привлёк к месту удара уже очень тревожные взоры парней.

Первым выхлопнул изо рта хохотливый пар Тюль. Он весьма музыкально клацал своими, безусловно, лошадиными зубами и из этого прищёлкивающего “гейзера” ещё и ритмично извергалось: «Ооох... уеть, ооох... уеть». Толстого с Фасолем “ковырнуло” почти одновременно. Да так, что они, заметавшись до гопака, завалили в сугроб почившего в раздумьях непонимания Хомеля. Однако его ханский нрав и монгольский хват немедленно, но беззлобно приземлил на уже весьма затоптанную перину этот танцевальный дуэт. Барахтанье танцоров в снегу торкнуло тормозное состояние Анастаса и как будто бы инициировало работу его мозга, который мгновенно искривил мимические мышцы лица и задвигал кадыком как поршнем, начавшим выбрасывать вовне звук, напоминающий одновременно и кашляющий лай и лающий кашель. Сузившиеся до щелок глаза Анастаса органично довершили эту маску рассерженного удивлением дворового барбоса. Окончательное осознание действительности довершилось мудрым восклицанием Хомеля:

– Карманьдень какая!

На заборе, аккуратно на самом освещённом месте и нарочно под фонарём ярко-белой краской было бесстыже-актуально выведено: «Слова КПСС». Происхождение краски явно указывало на неоспоримые преимущества советского военно-промышленного комплекса.

Той удовлетворённо наблюдал за всё разрастающимся шабашем и подкочегаривал его хлёсткими залпами глоточной пушки:

– Пятилетку выполним за 2–87 года, на крайняк – за 3–62¹¹! Перекуём лоботряса в орало и кричало! Вдарим книгой знаний по башке учащегося и высечем из неё искру осознания конца тьмы! Верной дорогой брёдите подростки!

¹¹ стоимость бутылки водки в те времена

Бесившуюся толпу парней резко насторожил тихохонько потухший свет в окне первого этажа стоявшего наискосок деревянного барака и ёрзнувшая за окошком занавеска. Той сразу окоротил буйство и жестами окучил парней вокруг себя.

– Сука вохровская пасёт за нами, – Той затылком отмахнул в сторону барака, – не пяльтесь туда! – пресёк он разворот взглядов пацанов на барак.

– Щас продолжайте кучковаться и орать. Анастас, загни коленце, – сказал Той и пошёл в сторону грузового гаража.

– Б.....! – со всей глотки заблажил Анастас.

– Это уж чересчур, да и громковато, – обернувшись, сделал замечание Анастасу Той.

– На.....! – добавил, тем не менее, громкости в свои захрипевшие динамики Анастас.

– Береги горло матершинник. В кутузке лекарства не выдают... – эти слова и далее уже что-то неразборчивое скрылось вместе с Тоем за углом гаража.

Толпа парней, улюлюкая и подначивая друг друга, побрела вслед за Тоем по нещадным сугробам снега. Мат, хрип и топ-шлёп через несколько секунд обв́атились в тёмной нише гаражных боксов и в округе наступила тишина. Пропась сомкнувшегося покоя углубил шёпот Тоя:

– Шас эта сука притащится. Будет фиксировать падла место кончины их партийных ценностей. В общем, решим так, малолетние преступники: просто завалим в сугроб этого бдительного горожанина и слегка намнём ему бока... Бока, Анастас... Не лицо, Хомель, а только бока! – поучал Той заулыбавшихся парней. – Хотя, если побл́азнится, что это будет не лицо, а морда, впрочем, нет – собак, как кобелей, так и сук мы уважаем! А вот уж ежели привидится рожа, то тут я возражать не могу – можно и вдарить. Один раз... Хомель, один раз и средне-сильно. ВОХРа ведь к побоям непривычна, они – суки сами в этом упражнялись... Итак, быстро роняем его в снег, тихо метелим и сразу валим в сторону моста. И не базлайте, даже пасти не открывайте – эта падла по голосу может опознать. Анастас, Тюль и Хомель – со стороны барака, чтоб не сбёг падла; мы с Толстым – из-за забора, через дыру его отсечём... А по сугробам этот алкаш не набегается, – пресёк Той возникшее возражение Толстого. – Фасоль на своих ходулях его мигом... – Той заулыбавшись, продемонстрировал пару шагов на широченно расставленных прямых ногах при согбенной спине и с загребающими по-медвежьи руками.

Парни, зажав рты, тихо прыснули смехом. Фасоль надулся.

– А, может, он ещё и не выйдет, – выразил сомнение Тюль.

– Некуда ему деваться. Для этой падали и день прожить невозможно, если не стукануть на кого-нибудь, – завершил подготовку Той и осторожно, предварительно утопив голову в шапку по самые глаза, только их и выставил из-за угла...

Минуту спустя, он отпрянул от гаража и, придвинувшись к ребятам, тихо сказал:

– Идёт.

Той кругообразно рукой напомнил Хомелю с группой их манёвр и вернулся к наблюдению за происходящим на месте будущей облавы. Удача явно шла в руки и даже предварительно напудрила свою мордочку – сторож в гаражных боксах погасил свет и оставил лишь одну задрипаную лампочку, которая тем более не могла ничего поделывать с привычно грязными стёклами окон гаража. Той прищкнул от удовольствия языком, пригнулся и быстро перебежал в теперь уже тёмное пространство между гаражом и забором. Выглянув через какое-то время из-за дощатого укрытия, он махнул парням, приглашая их проделать то же самое, но поодиночке.

Свершилось. Ничто не нарушало плана возмездия и никак не насторожило ВОХРу. Парни подобрались к заветной дыре в заборе и, следуя примеру Тоя, зарыли свои лица в шарфы, оставив открытыми только глаза.

ВОХРа находился буквально в десяти широких шагах от нагонявших в себе злость притаившихся парней. Он, ничего не чуя, как видно, изучал написанное на заборе. Его пьяно-косорылый рот выражал гнилое удовлетворение, а яркий свет единственного фонаря брезгливо отлетал от двух золотых коронок, затесавшихся в частоколе острых, хищных и явно дурнопахнущих зубов. Гбистский кожан ВОХРы был безобразно расстёгнут, а из-под разодранной у ключицы тельняшки выпирала часть какой-то наколки. Ширинка его галифе была зачалена лишь на верхнюю пуговку, а сами форменные штаны, засаленные на грязных допросах, нагло впрыгивали в великолепные мягчайшие белые “самокатки”, которые никак не могли примириться с прочей спецодеждой этой гбшной твари. Своей непорочно-пушистой белизной “самокатки” как бы просили извинения за вторгшийся в них порок. Сверху этот упырь был накрыт серой каракулевой шапкой с огромной и явно не по форме кокардой. Узенький лобик пьянчуги с трудом отделял густо-торчливые брови от такого же густого ёжика его шевелюры. Высокая же шапка, нахлобученная на затылок, настолько усиливала контрастность содержащегося под ней мозгового вещества, в сравнении с массивами выпиравших в стороны желвачных скул,

что в этом существе явно угадывались лишь жвачно-мрачные помыслы и такие же умственные возможности. Непропорционально длинные крюковатые руки ВОХРы были всунуты в карманы галифе, дополнительно растопыривая не застёгнутые пуговицы на срамном месте, подчёркивая и усиливая природное хамство этого гэбья. Мелкие горошинки глазных дырок ВОХРы, прилепившиеся к узкому кривому и приплюснутому внизу шнобелю¹², последовательно засверливали слова, читаемые им на заборе.

Видимо, всё же одолев смысл написанного, ВОХРа выцикнул сквозь гниль зубов такую же ядовитую жёлто-склизкую слюну и, выбортовав скрюченными пальцами из галифе свой тщедушный член, принялся поливать невинный снег смесью желчи и самогона, мерзко пахнувшей даже на расстоянии.

– В самый раз, – громко сказал Той и, предельно круто наклонив лицо вниз, двинулся из тени в сторону ВОХРы.

Парни, закручивая полукольцо, последовали за ним.

ВОХРа, не успев изрыгнуть из себя всю накопленную смердь, да и не справившись с парковкой пипки, набухшей от напора слизи, быстренько мобилизовал свою генетическую трусость и, поливая галифе нечистотами, шаркнулся в сторону барака.

– Милиция! Убе... вают, – пьяно заголосил он.

Той нагнал ВОХРу у самых ворот в заборе, опоясывавшем весь стадион, и ему оставалось лишь молотнуть падлу по башке, чтобы сбить его с ног.

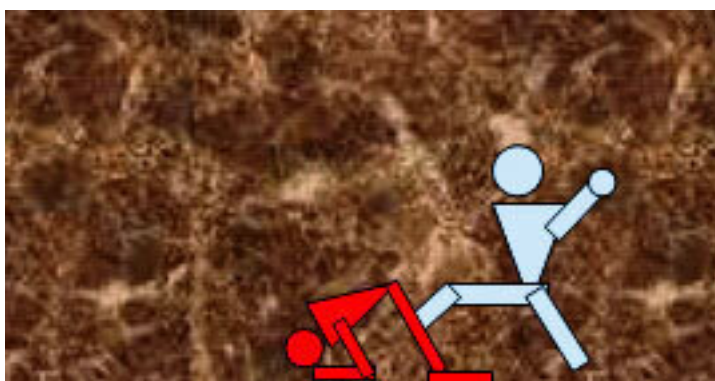
– Мили... – так и не закончив призыва, гэбист смаху ткнулся мордой в сугроб.

Той шмякнулся сверху на ВОХРу, налетев на подножку Хомеля, не успевшего убрать свою лошадиную копытину.

– Бл, сука! – сорвалось у Тоя в нарушение договорённости о безмолвном свершении возмездия.

Правда, брезгливость немедленно водрузила Тоя на ноги. Он правым ботинком поглубже вдавил башку падлы в сугроб и пару раз молотнул его пыром левой ноги по рёбрам.

– Не уби... – не дозвучав утонуло внутри каракулевой шапки, плотно нахлобученной на харю гэбэшника умелой рукой Хомеля. Но предварительно, как это было и положено, ВОХР-Ровская образаина, перед надеванием “намордника”, была помечена увесистым ударом кулака Хомеля, который перекрыл почти всю правую часть рыла падлы.

Помолотили «падлу» в полной тишине и с удовольствием, но без фанатизма и жестокости. Завершив воспитание испытанием, ВОХРу поставили раком, и каждый малолетний преступник приложил вертухаю подсрачник. Гэбист при этом лишь мычал и плевался, но вопить уже осторожничал, видя валявшийся рядом с его рылом каракулевый “намордник”.

¹² шнобель – нос (жаргон)

После окончания экзекуции Той махнул рукой, закругляя операцию и указав в сторону моста, перекинутого через железную дорогу, хватко двинулся туда напрямик – через сугробы. Парни ёрзнули за ним гуртом и лишь Анастас, подзадержавшись, смачно дважды плюнул на обмундировку ВОХРы... потом постоял и, плюнув ещё разок, побежал догонять пацанов.

Когда отмахали до моста, Той оглянулся и обнаружил, что падла уже стоял на ногах и в шапке. Он что-то жестикулировал своими граблями в сторону тускнеющего в стене барака окна. Той хотел было рвануться назад, но, видимо что-то взвесив, лишь очень скверно ругнулся и пошёл дальше. Парни, обогатывая эпизодики наказания, плюхнулись за Тоем в загустевшую темень подмостья.

Лампочки на улице имени очередного большевика были отстреляны из рогаток при играх “шелупени” на деньги. Как правило, шло по три копейки с носа за каждую сбитую “светилку”. Стрелять ближе двух пролётов считалось стрёмным. Лампы отстреливали обычно через две – «ну чтоб не совсем уж...», но если заедал азарт, то – через одну, а уж если закусились не на шутку, то – и все подряд... Правда, за “подряд” можно было схлопотать от старших пацанов – «потому как свет какой-никакой должён быть...». На перекрёстке улиц, поименованных пого- нялами большевиков, “правила отстрела” были явно превышены, но в данный момент парней это нисколько не раздражало. Выбравшись из-под моста, “шайка” теперь уже совершенно без- молвно и как бы раздумчиво двигалась по улице верного ленинца в сторону “седьмого” – так именовался единственный в ближайшей округе и таким образом самый популярный объект – магазин № 7. Неимоверно скользкий тротуар в этой безлампочной темени оказался совершенно враждебным Тою, усугубившись ещё и втемяшившейся ему в голову брюзгой сомнений о правильности «подбития им пацанов на молотиловку».

– Анастас, не знаешь, кто сбеспредельничал? Разберись с этой “шелупенью”. Двадцать щелбанов каждому. Это наша улица. Кто тут... – не дорубив последней фразы, Той поскольз- нулся и жестко хлопнулся на жопу.

– Это не наши. “Сизун” мне позавчера ещё шепнул, что “парковские” повышибали, чтобы мусоров на наших науськать, – Анастас подхватил Тоя под руку и помог ему встать.

– И чё, наши после этого не могли раз... и у них всё подряд? – выдохнул Той обиду, удобренную болью задницы.

– Дак у них – это не наша деревня, там на каждые три дома – мусорской опорный пункт. Город...

Весь город тогда делился на зоны, контролируемые той или иной группировкой пацанов. Зоны контроля были очень чётко очерчены. Размеры зоны зависели только и исключительно от числа активных кулаков, которые могла выставить та или иная группа. Зоны контроля, как и сами группы, носили, как правило, названия улиц или кварталов: “Малышевские”, “Парков- ские”, “Центральные”, “Вокзаловские” и т. п. Массовые драки между группами, обыкновенно, происходили в дни народных гуляний после демонстраций или на танцах в “домах культуры”, или на катках, или в заранее оговорённых местах, но это когда “главные”, предварительно где- то повздорив между собой, договаривались о «выяснении конкретно». Такие разборки закан- чивались картиной сильно поредевшего штaketника палисадников перед бараками и заплё- ванными кровью путями “отбёга”, активированного воплем стоящих на стрёме парней: “Атас! Мусора!”. При этом пацаны, только что дравшиеся между собой, могли бежать все вместе и в одну сторону, правда, потом конечно разбегались, но уже без “махаловки”. “Шайка” Тоя лишь однажды участвовала в подобной драке и то только потому, что она произошла совершенно спонтанно и по “гнилости” Назмика, но это было много раньше...

Той отmaterил боль, не покидавшую его ягодицу и закутался в кóконе опустошенного угрызения совести, которое причиняло ему такое же неудобство, как и остро выточенная заноза. «И чё мне далась эта ВОХРа?» – внедрялось прямо под кожу сверло вопроса. «Сам ведь захлебнётся когда-нибудь в своей блевотине!» – долбаное сверло упёрлось в ребро Тоя,

жухнуло и, вызвав озноб, вышибло из глаза Тоя солёную каплю. Какая-то горечь, сгустившись во рту, прервала его размышления. Той сплюнул всё это трижды и, как оказалось, – вместе со всеми сомнениями. ВОХРу ему было не жалко, и жалость здесь даже не взвешивалась. «ВОХРе выпало поделбм» – эта мысль окончательно уравновесила Тоя...

4

*«Насильно мил не будешь»
мораль не для рабов.
Из самых страшных чудищ
насильная любовь.
Россией володея,
Нас взяли в удила
насильные идеи,
насильные дела.*

Евгений Евтушенко

ВОХРа появился в школе Тоя в начале 60-х годов. Его сразу пристроили одновременно и завхозом и сторожем по совместительству. В бараке рядом со школой он получил отдельную большую комнату. Сторожем он “работал” очень своеобразно: закрыв школу на замок, он уходил пьянствовать к себе в барак вместе с такой же, как и он ВОХРой и блядьми. Семьи, возможно, у него не было никогда. Как поговаривали: зачастую перепив, ВОХРа хвастал, что он в лагере мог «любую бабу из любого барака “закуканти”». «И никакой дополнительной пайки этим сукам я никогда не давал» – орал он, распаяясь.

Старенькие “ходики”.
Молодые ноченьки...
Полстраны – угодники.
Полстраны – доносчики.
На полях проталинки,
дышит воля вольная...
Полстраны – этапники.
Полстраны – конвойные...

Роберт Рождественский

Кем была эта тварь по родословной – в школе толком никто не знал. Было лишь известно, что он демобилизовался из ДальЛага после его расформирования и прибыл к новому месту

стукачества с капитанскими гбшными погонами. Из персонала школы с «падлой» близко никто не общался, за исключением директора, однако и тот – лишь по долгу своей работы. ВОХРа своим наглым поведением указывал всем на то, что он и именно он является самой важной персоной в «этом заведении» и за такое его паскудство он был демонстративно не любим школярами, а учителя, руководствуясь инстинктом самосохранения, публично никогда не демонстрировали свою нелюбовь к нему. Точнее так: большинством учащихся он был презираем, а большинством сотрудников – поклоняемо-незамечаем.

«Налаженные отношения» у чекиста были только с буфетчицей школьной столовой. Постоянно пребывая в лёгком подпитии, он иногда открыто тискал буфетчицу за жопу и без особых на то возражений со стороны «кормилицы» – так ВОХРа называл её, пошло оскаливаясь при этом своим рылом. Муж «кормилицы» – спившийся вхлам фронтовик не мог иметь никаких претензий-возражений к совместно проживающей с ним жене, так как уже очень давно она фактически являлась просто его соседкой по коммуналке. И лишь крайняя бедность населения страны советов, а также тяжелейший квартирный вопрос, спровоцированный полным отсутствием этих самых квартир, приводили к невозможности разрыва “сожительства” этих индивидуумов. Так они и влачили своё бремя: он пребывал в постоянном кайфе, она – в статусе «сладкоевшей защищёнки» – жены фронтовика.

Грудасто-жопасто-губастая «кормилица» привлекала к себе плюгавого чекиста и как «видная бабёнка» и как «хранитель – распорядитель хавки». Комфорт отношений у них был явно взаимным. Нквдшник одновременно имел и похотливую “мочалку” (нечета ему) и халявный прикорм. «Кормилица» же своё отвращение к низкоросло-носатому чекисту в полной мере компенсировала безопасностью в обладании сладко-достаточной кормёжкой. Терпилами¹³ же этого союза были учащиеся, наблюдавшие отъезд за пределы школы в сумках буфетчицы недовложений в их законные порции, что во многом и возвращало нелюбовь к «чекистско-поварской чете».

В общем, «Моральный кодекс строителя коммунизма» (да хотя бы для начала и социализма), красовавшийся на стене аккуратно напротив сортира, по факту вообще никак не влиял на персонажей образовательного учреждения. «От каждого – по способностям, но всякому – по его возможностям» – намалевал кто-то над унитазом в девчоночьем туалете. Этот антинародный и вражеский выпад в адрес советских людей был немедленно уничтожен завхозом и по совместительству сторожем. Однако удаление со стены надписи не привело к монолиту и единению в отдельно взятом образовательном заведении. Для некоторых всё осталось по-прежнему: планы одних были бессмыслицей для других и, по всей видимости, алаверды...

«Фу, бл, нашел, кого жалеть! Мало ему врезали. Яйца надо было козлу отбить» – окончательно определился Той, остановился и произнёс вслух:

– Яйца забыли козлу отбить!

Пацаны скучковались вокруг Тою и снова принялись, перебивая друг друга, воспроизводить картинки научания чекиста.

– Всё парни. Закрыли и забыли, – более чем серьёзно сказал Той. – Эта падла так просто всё это не оставит. Будет рыть сука. Поэтому – дело сделали и всё! И не было ничего. И давайте договоримся, что в это время мы были в дровянике у Анастаса. Играли в святцы¹⁴ – в буру, – Той достал из кармана колоду карт (откуда она вдруг у него взялась – никто не мог понять). – Я остался в итоге в выигрыше, – Той погромел мелочью в кармане. – Если вдруг что, то сейчас мы идём в “седьмой” – купить конфет, – сказав это, Той не смог не улыбнуться, пацаны гоготнули, а Той продолжил. – Более не вспоминаем. Эпизод – преступный. Если кто заикнётся хоть где...

¹³ терпила – пострадавший (жаргон)

¹⁴ святцы – карты (жаргон)

хоть когда... может не считать меня своим другом, – уже совсем серьёзно закончил Той. Парни явно прониклись и дополнительно скучились.

– Трави, – Той толкнул Фасоля в бок.

– Чего травы? – боднулся головой Фасоль, не врубаясь.

– Анекдот травы, почти уже выпускник усреднённой школы!

– Дак надож... подумать... припомнить.

– Припоминают кому-то и за что-то. А ты – травы! – Той убедительно ткнул Фасоля в грудь на слове “ты”.

– Во! Заходит Зяма к Абраму в его комнату... Не встречай, Тюль, у них комнаты в коммуналке... Да, вот так без стука – вошёл и всё! Короче, видит, что Абраша сидит, надев на свой дрын шерстяную варежку. Что случилось Абрам, ты заболел и де твоя Сара? – спрашивает Зяма. Я её на мороз на полчаса отправил – отвечает Абраша. Зачем Абрам? Ты таки заболел головой? Да мы с Селечкой, как хорошие соседи, справим тебе с Сарочкой излечение на больничке, а за комнатой вашей присмотрим в лучшем виде. Я давно хотел тебя спросить Абраша: сколько метров будет ваша комната?.. Не беспокой себя и Селечку по этому вопросу на ваши обе сердечные мышцы, нето вас обоих хватит удар – говорит Абрам. А я, Зямочка, – продолжает он, – сейчас на практике проверяю закон физики, говорящий, что при нагревании тела расширяются, а при охлаждении – сужаются.

Закончив повествование, Фасоль разлепил свои полные губы и, не разжимая большеватеньких жеребьячьих зубов, загыкал через нос.

– Практично, – заключил Той и добавил. – Толстый, а ты повтори этот эксперимент и отчитайся перед коллективом, но пойдй дальше: данные эксперимента предоставь в конкретных цифрах. Фасолю, как человеку знающему тему, поручим сами замеры и обработку результатов, потому как Толстый результаты нагревания сильно приврёт.

Тут уже грохнули все и неимоверно гулко.

– Поттише, тимуровцы. Не следует ржать на улице имени товарища блямаркса. Это может к едренефене сорвать планы соединения пролетариата, – через смех проговорил Той, потом вышвырнул улыбку в сугроб и запел. – Вставай проклятьем заклеимённый...

– Весь мир голодных и рабов... – подхватили все хором и заскользили в сторону “седьмого” по неприглядно-тёмной улице светлого имени борца за права пролетариата. И в этом певучем ходе явно угадывалось желание вдруг повзрослевших школяров купить в магазине сладостей.

“Фуражки”¹⁵ возникли перед Тоем и Толстым, шедшими впереди “колонны”, столь неожиданно, что парни даже не успели оценить произошедшее. Похоже, что мент и два дружинника вывернулись справа – из небольшого проулка-тупика имени глашатая революции. “Погоны”¹⁶ задорно повязали юных продолжателей дела Ленина-Сталина, которые мобилизовали на пение партийного гимна все свои силы и не смогли оказать хоть какого-то сопротивления.

– Кто был ничем... – последнее, что удалось исполнить хору, и на этой фразе насилие властей вероломно прервало озвучение мечты миллионов.

– Руку сломаешь! – заорал Той и, прихватившись за мента, обвиснув мешком, вместе с ним повалился на землю, одновременно пытаясь подножить “шкафоватого” дружинника, который вознамеривался зацапать шедших позади Фасоля и Тюля.

“Шкаф” увернулся от подножки Тоя, но зацепился ногой за голову мента, придавившего Тоя и вдарился мордой о ботинок Толстого, закреплённого к асфальту вторым дружинником. Получив коленом в бёшку, мент выдохнул столб пара с хорошо поставленным матом. Спирто-

¹⁵ “фуражки” – милиционеры (жаргон)

¹⁶ “погоны” – милиционеры (жаргон)

вое облако, удобренное селёдкой под лучком, вылетело из глотки правоохранителя и, коротко пощупав ноздри Тоя, медленно клубясь, прошествовало в сторону “седьмого”. “Шкаф” тоже отметился “трёхэтажным” матом как по поводу разбитой о ботинок губы, так и по причине неудачи в собственноручном задержании какого-либо из хулиганов, потому что в этом случае и при хороших раскладах ему мог светить ещё один дополнительный отгул плюс денежная премия.

Остальные же пацаны, не имевшие намерений облагодетельствовать борцов с преступностью, стремительно зашмыгнули в непроглядную темень Пролетарского переуллка, а оттуда, если чуть покуролесить по дворам, уже было и рукой подать до улицы Коммунистической с разваливающимися от старости и частично сгоревшими продовольственными складами. Найти в этих бывших закромах что-либо или кого-либо было не под силу даже всей отаре дружинников района.

Через короткое время свалка людей на скользком асфальте усилиями служителей закона была отремонтирована в конвойную колонну. И как оказалось: неудача “шкафа” в свершении задержания была ему компенсирована удивительным везением второго дружинника, захомотавшего Толстого. Этот удачливый активист ухитрился, придавливая Толстого коленом, ещё и прихватить за карман ватника Анастаса, а дёрнув карман на себя, он лишил Анастаса опоры на скользкой дорожке города. Швы кармана ватника треснули и разошлись, показав его пустое нутро, а враждебный покат скользкого пути доставил тело свободолюбивого Анастаса прямоком в объятия, корячившегося на коленях “шкафа”. Тот матерно-торжественно ткнул Анастаса кулаком в бок и, недружелюбно облапив его, поднялся вместе с сорванцом на ноги. Всё было готово к шествию в участок. По мнению Тоя не хватало лишь объяснений.

– Вы, наверное, ошиблись, товарищ майор, – обратился Той к обладателю погон, отчётливо при этом понимая, что тот был лишь младшим лейтенантом с одной и очень маленькой звёздочкой, да и та была на “просвете”.

“Майор” не посчитал необходимым вступать в диалог с Тоем и лишь дыхнул на него селёдочным ароматом.

«Бочковёго посола, свеженькая» – определил Той, сглотнул и засмаковал во рту сладенькое воспоминание о толстом куске свежего чёрного хлеба с хрустящей корочкой и возлежащем на нём шмате малосольной бочковой селёдки, источающем из себя жир и очищенном от костей. Всю эту роскошь следовало держать левой рукой; потом полагалось степенно, невероятно широко раззявить рот и запахнуть в него этот, выделанный отцом, огромный кусок наслаждения, который прямо-таки немедленно преобразовывался шамкающими от удовольствия зубами в возмутительно вкусную кашу; эту усладу хотелось как можно дольше задерживать во рту, но желудок, почуявший столь желанную добычу, быстренько отдавал команду «глотать» и вся эта благодать отправлялась в его ненасытную прорву. Правая же рука, повинаясь инстинкту усиления вожаемого вкуса, обязана была немедля подать ко рту чашку с горячим сладким чаем и тем самым довести наслаждение до озвучания ртом: «шптличсь, выхх... мнямть... шптличсь...». Через два-три гигантских откуса следовало поставить чашку, взять вместо неё луковицу и, обмакнув её в соль, поджечь во рту небольшой костерок, и тут же притушить его сладким чаем. И так, пытаясь очень медленно, но всегда максимально жадно, уминался этот, казавшийся поначалу таким огромным, но такой маленький кусочек наслаждения. «Жрать хочется, аж неволю» – осознал Той и ещё раз сглотнул, но тем только усилив желание что-нибудь смурлять¹⁷

Озабоченные всяк своим, но в одной “компании”, колонна двинулась попарно-подручку в сторону улицы имени старого большевика – красного террориста. Той понял, что скорее всего их доставят в “Опорный пункт”, который совсем недавно был оборудован в новом доме,

¹⁷ смурлять – съест (жаргон)

построенном рядом с его “хрущёвкой”. «Там закрыть¹⁸ будет негде. Но оттуда по телефону они могут вызвать “патрульку” и увезти в райотдел. В общем, перспектива на ночь – не очень. Но как эта падла гбшная так быстро сумел стукнуть?.. И надо было нам пойти в “седьмой”?.. ещё и с таким “ором”... вместо того, чтобы просто разбежаться по домам или запать к кому-нибудь домой. Ладно, есть – как стало» – закончил он свои рассуждения.

“Прогуливали” школьников в целом без пинков и тумачков, но весьма плотно “привязанными”. Лишь разок перепало Анастасу заворачиванием его руки к его же затылку. Сопровождавший его “шкаф” объяснил эти репрессии тем, что мат подростка был чересчур громок и откровенен в отношении добровольной народной дружины.

Той очень корректно стал разъяснять “шкафу”, что «мрачное наследие царских времён преодолено ещё не всеми и не в полной мере; однако свет в конце намечено пути уже виден, так как изменения к лучшему налицо, а заключаются эти изменения в том, что слуги закона просто не имели возможность слушать монологи Анастаса в те времена, когда он учился в первом классе». Анастас же действительно был весьма талантлив в подборе, а самое главное в конструировании неожиданных словосочетаний в предложениях, состоящих исключительно из междометий и мата с невообразимыми приставками и непредсказуемыми суффиксами. Выпусти его в нужное время и в нужном скоплении ненужных людей, и он смог бы достойно свершить желаемое действие с непредсказуемыми последствиями, но с немедленным результатом для лица, выпустившего оратора в “массы”...

Семья Анастаса была перекошена в сторону немужского пола. Мать – женщина тихая, приученная к полнейшей покорности без излишних размышлений, прошедшая эту выучку у мерзавца мужа – буйно-запойного алкоголика. И полная копия матери – старшая сестра Анастаса, впитавшая эти правила “семейной жизни” через уединённое сидение под кроватью в процессе “воспитательно-поучительных” наущений отца. Наущения эти в отношении матери выполнялись как словом, так и делом; в отношении же дочери всё воспитание происходило исключительно словом, так как лезть под кровать и выволакивать оттуда чадо – пьяному отцу было непосильно. Сам Анастас отца не помнил вовсе, так как тот своевременно и вполне прозорливо повесился в дровянике, перепив “тройнушки”¹⁹. Менты, вынимавшие из петли отца Анастаса и фиксировавшие прекращение его мучительной жизни, были поражены отчаянным упорством этого человека. Они обнаружили на “столе”, организованном из старого ящика, целых пять пустых “бабаев”²⁰ и маленькую, слегка обсосанную корочку чёрного хлеба. Анастас по отцу никогда не скорбел, не вспоминал его, да и на кладбище не ходил. Среди «баб» он держал себя главным, но без особой грубости, а обходился простыми мужицкими словами. В целом в семье не было ни идиллии, ни отчаяния, а были безысходные серые будни – стабильное сосуществование...

Мент никак не раскрывал ни своих намерений, ни своего настроения и он вновь проигнорировал высказывание Тоя, хотя по идее должен был что-нибудь твякнуть, ну, например: “Молчать!”.

В итоге “дружная компания” завалилась в “Опорный пункт”. “Учреждение” состояло из одной маленькой комнаты, весьма загаженной и очень настырно прокуренной. Справа от входа устало обвисла совершенно раздолбаная дверь, которая никак не могла обеспечить конфиденциальности унитаза – ядовито-жёлтому от стыда за неопрятных пользователей. Напрямки от входной двери стоял письменный стол о двух совершенно исцарапанных тумбах. На столе валялось несколько грязных папок с частично оборванными завязками. Свободные от папок места

¹⁸ закрыть – задержать, арестовать (жаргон)

¹⁹ “тройнушка” – Тройной одеколон (основной продукт косметики для мужчин в СССР, выпускавшийся во флаконах ёмкостью 200 граммов)

²⁰ “бабай” – 200 граммовый флакон Тройного одеколона

были сервированы гранёными стаканами и съестными припасами, разложенными на обрывках газет. Соблазнительный вид бочковой селёдки не мог всё же управиться с сутью общего отвратного духа этого помещения. Стол отгораживал пространство комнаты от окна, криво завешенного занавеской из плотной ткани говённо-коричневого цвета; эта ткань была гордостью и одним из последних и ярких достижений советской лёгкой промышленности. Судя по всему в сортире “учреждения” действующими нормами не предполагалось наличие полотенца, как впрочем, и мыла, чему были свидетельством характерные отметины на многострадальной фактуре занавески. Складывалось впечатление, что образ мыслей и стиль жизни в этом “заведении” всё же немного отставали от достижений, излагаемых в передовицах газет. Справа от стола – в самом углу комнаты – одновременно в пол и стену вцепился пего-тёмно-зелёный сейф – символ и обязательный атрибут секретной серьёзности “учреждения”. Сверху сейф был прикрыт столь же обязательным гипсовым бюстом “железного Феликса” – вдохновителя и организатора неотвратимого возмездия всем без исключения, но за всё. Справа перед столом кособочился табурет, накосо прибитый к полу здоровенными гвоздями и соответственно убеждающий “приведённого” в том, что это седалище может быть использовано только по своему прямому назначению и безо всякого самоуправства в отношении дознавателя. Слева от стола – вдоль стены – располагалась скамейка примерно на пять посадочных мест. Спинка скамейки была пригвождена к переборке этого своеобразного кубрика, правда, сделано это было без излишних заморочек и аккуратности.

Вошедшие расположились в узилище как-то сразу по ранжиру, будто они лишь пару минут назад ненадолго выходили за сигаретами. Той, вдохнув среду обитания, нисколько не удивился судьбе самоубийц – тараканов, валявшихся вдоль плинтуса в прискорбно-высушенных позах и имевших неосторожность забрести в сие назидательное учреждение; правда, скорее всего, тараканы были насильно принесены сюда “майором” из дома в складках его объёмной форменной шинели.

Начальник узилища тем временем сгрёб со стола стаканы и, обчёкивая ими, упрятал их в нижнее отделение святая-святых – в сейф. Остатки еды, не упаковывая, он просто сгрёб в центральный ящик стола, который выдвигался с характерным сальным писком.

Дружинники хмуро подпёрли стену своими торсами и, явно сожалея об окончании «посиделок с пойлом и селёдкой», подготавливали свои огрубевшие в борьбе души к как можно более законному выяснению, выявлению и лучше бы к немедленному исполнению. В целом, их рожи в сочетании с отчётливым “выхлопом” алкоголя не добавляли Тою оптимизма и уверенности в будущем.

Процедура пошла вполне себе стандартно и точь-в-точь как в фильмах про беспризорников, но с той лишь разницей, что все трое правоохранителей непрерывно курили и не “Герцеговину флор”, а “Прибой”. И этим количеством и качеством дыма можно было прикончить даже клопа – достаточно было лишь заставить его хотя бы пару раз сделать полный вдох этого курева. Правда эти твари вовремя адаптировались и, проживая в складках постельного белья и мебели обивки, использовали оные в качестве противогазов. Человек в этом смысле был более радикален и иным способом боролся с ядовитыми продуктами вдыхания “Прибоя”, безжалостно губившими всё и вся вокруг – он просто уходил от этого самого дыма, причём уходил в буквальном смысле слова – человек, пусть и преждевременно, уходил из самбй этой жизни. А вот теория Дарвина – через эволюцию клопа – получила дополнительное и весьма веское подтверждение...

Опер бесцельно-бессмысленно принялся перекладывать по столу грязно-белые папки с засаленными одиночными завязками, периодически сурово поглядывая на задержанных. Лицо его при этом занятии было выжидающе-простофильным с лёгкой одутловатостью под глазами, видимо, являвшейся неустранимым следствием регулярного приёма “горькой”. Судьба этой физиономии представлялась Тою вполне предсказуемой. Всё это неизбежно должно было пре-

вернуться в красно-роже-синеносую, блюдецобразную и без единого намёка на возможность мыслить голову, являвшуюся продолжением такого же рыхлого туловища. «Один-в-один ментовской капитан в отставке со второго этажа – алкаш Сашка» – завершил Той анализ достопримечательностей облика мента, а также исследование образа его кабинетной жизни.

– Ну и где были, молодые люди? – наконец проявился мент, откинувшись на спинку стула и скрестив на груди руки; при этом он, конечно, постарался “заорлить” глаза, но это потянуло лишь на “закосить”.

“Шкаф”, злобствовавший скулами у стены, утратил контроль за своими габаритами и, сменяя опорную ногу, двинул плечом своего подельника по отгулам с сохранением заработной платы. Тот, подчинившись законам физики, немедленно передал колебательное движение стоявшему рядом сейфу, который на поверку оказался настолько хилым, что предательски звякнул внутренними стаканами и уронил стоявший сверху козлообразный бюст. Имитация “железного Феликса” отплатила “хранилищу вопиющих фактов” хлёстким ударом, но, не рассчитав собственные возможности, сама разделилась на три равноценные части: нос, ббольшая часть бороды и “всё остальное”.

Опер вскочил и, гейзируя хорошо подобранными и весьма обидными для добровольных помощников характеристиками, сдобренными профессиональной ментовской феней, настоянной на брызгавшей изо рта слюне, приступил к воспитательно-разъяснительной беседе. Характер мента и его должностное положение обязывали его гортань неуклонно повышать уровень звучания наставлений, доведя его до той черты, за которой применение берушей²¹ (по санитарным нормам) было для слушателей обязательным.

Той извлёк из-под пальто шарф и, медленно аккуратно расправив, заблокировал им уши, повязав под подбородком. Восприятие назидательной беседы сразу стало для него более комфортным, хотя снижение уровня пронзительного визга не добавило понимания смысла этих наставлений, которые, впрочем, вполне можно было уложить всего лишь в два слова мента: «разье... и долбоё...». Но велик и могуч необъяснимый язык советского охранителя права от прав строителя коммунизма.

Минуты через три после начала спича мента “шкаф” согнул руку в локте и, выторчив большой палец несколько раз ткнул им в направлении потолка. При этом на лице его напарника сляпалась крайняя озабоченность, которая быстро перемялась в предчувствие беды.

Опер, будто что-то вспомнив, напряг рожу и выплёвывая очередное определение «долбоё...» попытался сглотнуть его назад, но возвратил лишь слюну; сбитый с толку организм, подержав всё это пару секунд внутри, выикнул всё назад в пространство узилища. После этого милиционер вернулся в реальность и даже выказал общим обликом своего тела возможность к более-менее здравому рассуждению. Он даже что-то вспомнил и, похоже, чем-то озаботился. Раболепски дрожащими руками он попытался как-то составить обломки и возродить идола. Но приставленная ко “всему остальному” и как-то ещё державшаяся борода в отсутствии носа, который дополнительно развалился на несколько частей, столь сблизило это ваяние с обликом горного животного – самца, что Той издал одобрительный звук, отдалённо похожий на призыв к горной самке.

Столоначальник, поняв тщетность своих попыток всё слепить, а ещё больше опасаясь доноса “товарищей по борьбе” на столь неудачно-хорошую лепку, воровато сгрёб все составляющие красного террориста и бережно упрятал их в стаканохранилище. После этого у “майора” наступило некоторое прояснение в забальзамированном спиртом мозге. И оно было без сомнения вызвано осознанием великой опасности, заключавшейся в возможности утраты командования над этим столом – символом власти. Опасность же исходила от самой дислокации присутственного места. Именно в этом же подъезде, но двумя этажами выше, очень ответственным

²¹ беруши – мягкие тампоны для защиты органов слуха от шума

квартиросъёмщиком был аж сам секретарь парткома сборочного цеха, конечно же, военного завода, на котором вкалывало почти всё население района. И району и заводу было присвоено имя, являвшееся погонялом²² одного из старейших большевиков. Секретарь был совершенно освобождённым от работы, которой все другие занимались в этом цехе. Связано это было с тем, что численность работников этого цеха соответствовала тому нормативу, при котором партийных секретарей следовало освобождать и сосредотачивать. И это, несомненно, было мудрым решением, потому как даже исходя из законов животного мира: стадо баранов должно быть обязательно направляемо взросло-грамотным козлом. Необходимо было также учитывать, что далеко не все работники цеха были одухотворены имением партийного билета. Да и те, которые записались за великой целью, всё же нуждались в постоянном подпирании, а в ряде моментов даже и поправки. Вот поэтому задача “освобождённых” состояла в том, чтобы весь этот неразумный люд окружать, загонять и, в конечном итоге, сплавлять в однородно-одобряющую массу с вкраплениями конструктивно-дозированной критики. Правда доза этой критики, как и сама критика, вырабатывались исключительно самими “освобождёнными”. А происходило это на встречах с совершенно уж свободными и “заключёнными за высокой стеной древнего зодчества”. Каждый “неосвобожденный” партийный секретарь, продравшись к “освобождению”, делал свой первый шаг к вожделенному “заключению”. Но на этом пути угождения и подставления некоторых своих мест следовало исхитриться и миновать возможного исключения – соблазнов то становилось ого-го. Уметь “нюхать воздух” и “жопой чуют” – вот главные качества, которые требовались, чтобы достичь “заключения”...

Так вот именно опасность того, что зоркие уши секретаря могут побудить его партийный долг к написанию “документа”, захлопнула пасть нецензурному лектору. Мускулы ярости на его лице атрофировались и заместились кожными складками плебея. Офицер плюхнулся на стул, издав задницей вонючий звук.

Той зажал пальцами нос и отгнусавил что-то типа: «Может, проветрим?».

Мент переменял рожу на дознавательскую и положил перед собой замызганный лист бумаги.

– Где были? Что делали? – спросил он, обмакнув перьевую ручку в чернильницу.

– На каникулах мы с отцом пару раз ездили на рыбалку. Мы даже пытались поймать щуку на живца, однако нам...

– Ты чё несёшь? – дознаватель зло хлопнул ладонью по столу. – Я тебя про сегодня спрашиваю! – он уже заранее определился с тем, кого следует “колоть” и, нагнувшись над столом, уставился на Тоя.

– Это конкретней. – Той настроил воспоминательно-сморщенную рожу, прищурил глаза и продолжил. – Встал я как обычно в шесть тридцать, размялся, но, правда, не шибко...

– Ты что специально издеваешься? – мент остановил рукой и вернул к стене двинувшегося к Тою “шкафа”. – Тебя про сейчас, про вечер спрашивают! – сузил время исследования мент.

– Тогда начнём от пяти или от шести? Хотя часов-то у нас нет. По солнцу – никак. Его тоже сегодня не было – всё тучи и тучи. Зима, блин, надоела уже, товарищ майор, – Той снова пробил мента на “подхалимку”.

– Ты рассказывай, что и где вы делали два часа назад и до момента задержания, – подобрался к теме офицер.

²² погоняло – кличка (жаргон)

«Видимо, всё таки – за то» – подумал Той и решил помолчать, используя паузу для оттачивания легенды.

– Фамилия, имя, адрес места жительства, – формализовал процедуру участковый.

Той сообщил свои данные, предварительно испросив, требуется ли назвать отчество. Жил Той в соседнем доме и мент сразу про себя это отметил в тот момент когда записывал адрес.

– Дата и место рождения, – не унимал своего любопытства участковый.

– Складывается впечатление, что это допрос. Тогда по какому поводу? Что случилось? – загрубил свой голос Той.

Толстый при этом напрягся и покраснел. Анастас хмыкнул безо всякой заинтересованности и, откинувшись на спинку скамейки, закрыл глаза.

– Не допрос, а опрос, – уточнил опер. – Допрос будет потом, – подлю-мягенько произнёс мент и схитрил рожей.

– Тогда давайте конкретно, товарищ майор, – не унимался Той. – Мы – комсомольцы! И конечно, всё, что нам известно конкретно о конкретном, доведём до вашего сведения со всей присущей комсомолу ответственностью и...

– Ты что здесь цирк устраиваешь? – теперь уже кулаком вдарил по столу алкаш в погонах. – Хочешь, чтобы отца твоего привели? Где он? Что сейчас делает? – сформулировал угрозу начальник.

– Скока время? – очень спокойно спросил Той.

– Полвосьмого, – явно не догоняя, ответил опер, поглядев на часы.

«Хороший ремешок!» – отметил про себя Той, глянув на руку опера.

– Отец уже поужинал и сейчас вслух читает маме передовицу в “Правде”. А когда я вернусь после школы и немного отдохну, мама перед сном изложит мне её основное содержание. Мы не можем оставаться в стороне от неуправляемого движения всего нашего...

– Прекратить эту бредятину! – мент явно начал выходить из себя. Он кляксно что-то чиркнул на маленькой бумажке, толкнул её в сторону красноповязочников и, глянув на “худого”, вынул из себя. – Веди его отца! Скажи, что вызываю.

ДНДшник²³, потеряв бдительность, хватанул цидулю, испачкал пальцы о непросохшие чернила, матюгнулся и неохотно отправился на задание. Опер, утерев план допроса, туповато устался на Тоя.

– Что вы имеете в виду, товарищ начальник? – не унимался Той. – Вы хотите сказать, что в главном печатном органе партии – бредятина? Да это никак не укладывается... у нас в головах! – Той присоединил к своему возмущению и пацанов, демонстративно обведя их глазами, и продолжил. – Наши учителя в школе принуждают нас понять, что доблестная милиция тоже является передовым отрядом нашей партии, – Той упорно нагнетал пар в уже закипавший котёл злости мента. – И можно испытать глубочайшее разочарование, когда и если утверждения наших преподавателей будут разрушены отдельными необдуманными действиями отдельных...

– Сиди и молчи, – вышипел мент и скроил харю, которая убедила Тоя взять паузу в политинформации.

«Вот падла, послал таки за отцом, – размышлял Той. – Не задался день... Похоже, и вечер будет не лучше. Сука ментовская. Как и что ты будешь доказывать? Да, если что, то надо будет требовать, чтобы сразу привели этого гэбиста... а, может, он уже где-то здесь? Да нет, он же был в жопу пьяный. Во, точно! Хер ты нас теперь возьмишь! – Той накиннул на лицо ухмылку, приняв решение о том, что и как будет дальше. – Надо только не дать базарить пацанам, нето они могут всё испортить...». Но Той так и не успел додумать свой план, потому что дверь резко пошла враспашку.

Отец Тоя вошёл в комнату по-россомашьи свирепо. Проходя мимо сидевших на скамье хулиганов, он остановился и врезал Тою массивный подзатыльник. «Блин, чорт меня дёрнул снять шапку!» – хапнув боли через край, укорил себя Той.

– И ты здесь? – отец Тоя грубо глянул на Толстого, но не стал отвешивать ему “леца” по склонённой к коленям голове, а лишь замахнулся и рубанул ладонью вонючий воздух узилища.

Анастас был обойдён каким-либо вниманием вообще, так как даже не открыл глаз для наблюдения за происходившими событиями. Он очень правильно вошёл в роль и решил для себя: «ничё не было... ничё не помню... ничё не знаю... я тут не при делах и не приставайте ко мне».

Михаил Иванович (а Мика Карьялайнен так и не привык к этому имени – к этому нельзя привыкнуть – он лишь приспособился, как приспособляются к негодным условиям жизни) по-хозяйски подошёл к столу, снял с головы шляпу и, оглядевшись, с паузой возложил её на

²³ ДНД – добровольная народная дружина (один из атрибутов советского строя)

стол ближе к его середине. Мент невольно подгрёб к себе сальную папку, образовав достаточное пространство между ней и шляпой. После этого он встал и протянул “вызванному” руку с потной грязью под ногтями. Отец Тоя заклепал охранительную длань своей особенной хваткой, которая буквально прессовала кости. Эта хватка была натренирована кайлом и лопатой на колымских стройках. Офицер из-за неспособности противодействовать силе силой, согнулся от боли в поклон и задёргал рукой, испрашивая возможность её освобождения. Отец Тоя ещё чуть придавил совсем размякшую кисть, тряхнул её и выкинул обратно менту. Офицер облегчённо шмякнулся на стул и надёжно запрятал руки между колен. “Михаил Иванович” удобно расположился на стуле, стоявшем возле стола, хорошенечко рассмотрел каждого из пацанов в отдельности и вопросительно-осуждающе уставился на участкового. Тот, в свою очередь, заёрзал глазами и окончательно утратил план расследования, да, собственно, и сам смысл предстоящего разговора. «Чортова работа, чортов день, чортово происшествие, чортов паскуда – сторож, чортовы дружинники!» – только и исключительно это гонял в своей безыдейной голове мент.

Вонючий воздух “разбирательного кабинета” никак не располагал к длительному молчаливому психоанализу и кому-то нужно было хоть что-нибудь начинать. Тогда отец Тоя взял выяснения под свой порядок:

– Что сотворили эти мерзавцы, тарих начальник? – обратился он к менту, сократив слово “товарищ” и зашкүрив слово “начальник”.

“Начальник”, по-школярски затупив глаза и голову, начал хитрить разговор:

– Сообщение получили об избиении... дерзкой провокации в отношении заслуженного человека, – здесь мент показательно воздел глаза в потолок и замолчал, проверяя реакцию отца Тоя и закосив на него змеючий глаз. Но никакой обеспокоенности или тем более чего-то ещё он так и не дождался. Генетическая память к допросам запластилинила на лице “Михаила Ивановича” враждебно – непонимающе – выжидательное выражение. Кисть руки бывшего зэка, растопырено лежавшая на столе, медленно собралась в каменный кулак, натянув кожу и выярчив наконечник в виде морского якоря. Этот кулачище мгновенно пресёк желание мента к эксперименту по психоанализу и заторопил его в объяснении сути происшествия:

– Заслуженный человек, сотрудник органов, – загибая пальцы, излагал участковый. – Владимир Генрихович Склизов – заведующий хозяйством школы... Активный партиец, незаменимый помощник директора школы по части сохранения и защиты государственно имущества! – закончив перечисление заслуг ВОХРы, мент пронзительно выпрямил спину и продолжил. – Вот этот человек был безжалостно и цинично избит группой хулиганов сегодня... в промежутке от шести до семи часов вечера недалеко от своего дома... Потерпевшему были нанесены тяжкие телесные повреждения лица и других участков тела.

– Госпитализирован? – задал уточняющий вопрос отец Тоя.

– К счастью, нет... обошлось, – заюлил словами и глазами мент.

– Побои-то сняли? Зафиксировали? Подтвердили в больнице? – продолжал наседать “Михаил Иванович”.

Участковый суетливо вытянул из кармана грязнувший платок и, упрятав в него половину рожу, принялся по-актёрски сморкаться, пытаясь этим “запаучить” разговор и явно о чём-то размышляя.

– Хотелось бы прочесть справку о характере повреждений, тарих начальник, чтобы понять: чем и как наносили... а это поможет узнать: кто и когда, зачем и почему в тоже время, – отец Тоя обернулся и строго всмотрелся в ДНДшников, которые под этим взглядом вытянулись в натуральный рост.

Опер распечатал рожу из платка и отрыгнул дурной воздух, которым пропахла его замызганная утираловка. Из лужёной глотки мента при этом вырвался и букет смеси запаха спирта и селёдки.

Отец Тоя вначале невольно-брезгливо уклонил свой нос от этой вонючки, но распознав запах водки, развернулся на стуле, расправил ноздри и вполне заинтересованно уставился на охранителя порядка.

– Да, да, товарищ младший лейтенант, извините, не перебиваю, слушаю вас внимательно, – пригласил он участкового к повествованию, далеко выпихивая из себя каждое слово, и приготовился к восприятию сути и “духа” рассказа мента.

Той отчётливо осознал, что отец что-то для себя понял и уже нечто решил. Всё это совместно с болью от оплеухи окончательно его успокоило и убедило в неизбежном благополучном исходе свершённого. «Бог шельму метит. Всё-таки правильно мы ему наваяли. ВОХРа позорная!» – прогнал Той сквозь себя эту мысль и не без труда нацепил на рожу глубокую скорбь.

Толстый, накосе обозрев подёрнутое трауром лицо Тоя, зажал свою пасть ладонями и запрятал под веки смеющиеся глаза. Его обуял хохот, но он искусно перекроил его в пронзительный кашель, не преминув при этом руками сигнализировать: “Да тут хоть топор вешай от смрада”. И всё у него получилось очень даже убедительно.

Спас неприятную для мента ситуацию вдруг вернувшийся из небытия Анастас:

– Время скока? Может, пора по палатам, в смысле по камерам? Чё-то спать охота, – вытрубил он, захватив ладонями свой затылок и смачно потягиваясь.

Всё “собрание” тут же воззрело на бывшую мумию, а ДНДшники гавкнули коротким смешком. Мент тут же их окоротил поднятием кулака и снова впал в ступор, заперебирая в папке какие-то никчёмные бумажонки.

– Язык твой – враг твой. Доведёт он тебя... и твоим поведением... в данный момент, – отец Тоя надавил на слово “данный” и поглядел на Анастаса недобрый взглядом. – Нам с товарищами, наверное, всё же придётся задать тебе ремня... в воспитательных целях! – завершил он угрозой и обвёл взглядом правоохранителей, как бы ища одобрения.

Мент ответил за всех отказом – отрицательно мотнул головой и прицокнул по-блатному.

«Тот ещё перец! Наблатовался на работе. А, может, и сам такой» – заключил для себя отец Тоя.

– Штаны-то у самих на жопе удержатся? – начал было задираться Анастас, но узрев необыкновенно ласковый взгляд Тоя, тут же вновь оуклился.

«Вот падла! Так и зырит на меня. Носом так и внюхивается, тварь эковская!» – размышлял мент, делая вид, что он изучает бумажку в папке, которую выправил так, чтобы никому более не было видно, а есть ли на этой бумажке вообще хоть что-нибудь. «Нахер я только его вызвал? Законник ё... И этот мудака тоже хорош – нажрался “вдупель”. Сними с него побои. Его было впору в вырезатель доставлять. А, может, правильно они ему вломили? Может сам и залупился?.. А, может, не они? – мелькнула у мента спасительная мысль, которая быстро бы всё решила. – Да как же не они?.. Этот-то точно участвовал, – утвердился в дознании опер, оторвав взгляд от “Дела” и взглянув на Тоя, который заинтересованно наблюдал за театром одного актёра. – Этот точно был... Пожалуй, он и главарь у них... А как тут что докажешь? Очную ставку не проведёшь... Этого козла – потерпевшего, пожалуй, уже и не разбудишь. А даже если разбудить и привести, то не ясно – чем всё это закончится... И кого в этом раскладе вообще придётся доставлять... и куда. Нет, этот зэк такого говна может наворотить! Себя только на разбор поставишь... А что собственно есть?.. Заявления “терпилы” нет. Он и говорить-то спяну не мог, нето что писать... К утру очухается, так может и совсем ничего не вспомнит. А если и вспомнит... то, как он всё объяснит?.. На меня настучит? А резоны? Эти балбесы ДНДшники подтвердят: в каком виде он сюда подгрёб... Да, кстати, надо будет с них письменное подтверждение отобрать, – мент зыркнул на заскучавших дружинников, которые сразу почуяли в этом взгляде начальника что-то недоброе. – Получается, что лучшее – это просто взять и выпнуть их всех отсюда. Отобрать с них какие-то объяснения... любые – всё

равно будут врать. А вот потом, если что – прищучить их за это же... А эта, блядь, пыль лагерная – так и вынюхивает, паскуда. Зря я тебя сюда приволок!.. Но тебя, падла, я и опрашивать не буду. И хер ты дополнишь протокол своим грёбаным мнением. Вон, вижу: уже формулировочки гоняешь. Да ни чё у тебя не выгорит, вражина!» – опер окончательно утвердился в плане своих действий, захлопнул папку, вяло поднялся со стула и со словами «посидите пока», протопал в сортир. Там продолжительно пополивало а, учитывая переменчивое звучание, то частично наверняка пополивало мимо унитаза. Потом в сортире захлёбно отурчал сливной бачок и вступил в обязанности водопроводный кран, поначалу начавший плеваться. Слышно было как мент, слегка обдав руки водой, несколько раз бурливо прополоскал свою пропитую глотку.

«Запах этим не убьёшь и мне понятно, что они точно тут “накатывали”» – удовлетворённо подумал отец Тоя.

Дверь сортира отскрипела и вместе с запахом мочи выпустила участкового, отиравшего на ходу руки о свою задницу, обтянутую форменными галифе. Опер вернулся к месту, дававшему ему право на дознание и даже право на допрос и это право подтверждалось, пусть и плохонькой, но всё же настольной лампой, стоявшей на краю стола. Продолжая елозить ладонями по жопе, мент “запетушил” правым глазом поочерёдно на каждого из преступников. Однако эта попытка гипноза не имела никакого смысла, потому как каждый из “пациентов” был занят исключительно собой.

Анастас цинично дремал, приоткрыв в nirване рот, и чуть пускал слюну со стрелки губ. Толстый, склонив голову, казалось, рассматривал свои ботинки и периодически поднимал то один, то другой носок. Но если приглядеться повнимательней, то становилось очевидным, что он вытопывает какую-то музыку. Той очень тщательно следил за всем, что делает опер и скорее сам пытался его приручить.

– Итак, приступим, – настроился мент, уселся за стол и достал из верхнего ящика почти чистый лист бумаги.

– Почему нарушаете тишину и мешаете спокойному отдыху граждан? – вдруг переименовал тему встречи участковый. – Почему орёте прямо под окнами трудящихся, мешая их отдыху после трудового дня? – усилил он степень ответственности.

“Михаил Иванович” недоумённо посмотрел сначала на «трища начальника», а затем на Тоя.

– В этом дело-то что ли? А что ж вы про... драку какую-то? – спросил отец Тоя, удовлетворённо закинул ногу на ногу и уплотнился в спинку стула. – Да и ясно ведь, ну как эти хилые парни могли... да и зачем?.. напасть, а тем более справиться! с этим верту... – отец Тоя не договорил и умышленно подавился кашлем. – Да там явно орудовала шайка взрослых преступников с ясным смыслом и умыслом, – отец Тоя, окончательно поняв, что беда миновала, решил взять инициативу и завершить присутствие в этом затхло-смурном заведении. – Вам нужно прямо сейчас, – убедительно продолжил он, рассматривая мента и теребя свою шляпу, – организовать опрос всех возможных свидетелей. Провести облаву и “шмон” на “малинах” для изъятия вещдоков... Он был ограблен? Время дорого и давайте, не будем его терять!

– Прекратите уже! – взорвался негодованием опер. – Это всё и даже большее давно уже делается, – он исподлобья глянул на офанаревших от его слов дружинников и вдарил ладошкой по столу.

– Мы не это здесь рассматриваем! Вопросы здесь ставлю я!.. согласно общей так сказать обстановке на районе... всех происшествий... случившихся. И независимо! – рявкнул опер и снова зыркнул на начавших что-то соображать ДНДшников. – Ваше дело... всех! – он ткнул указательным пальцем в каждого из присутствующих в узилище. – Каждого! Сообщать и признаваться во всём, что было и стало вам известно. Дать показания обо всём, что вы увидели, пусть и случайно, а лучше когда увидели неслучайно, а из бдительности, – сурово назидал

мент. – Вы не имеете права ничего скрывать! – почти уже орал дознаватель, подобострастно возрев в потолок и теперь уже явно желая быть услышанным в известной квартире. – Мы калёным железом выжгем... вообще всех, которые имели или будут иметь...

– Давайте по делу, гражданин начальник, – достаточно грубо пресёк отец Толя монолог мечтателя о гбшних погонах.

Опер от неожиданности захлопнул пасть и, вылупив свои зырки, сделал попытку включить мозг. «Тварь антисоветская, – попытался размышлять мент, правда, его не вполне “серое вещество” имело весьма ограниченные способности. – Пыль лагерная! Доходяга, блядь!.. Всех вас там надо было кончать!.. Тогда и этих выродков не было бы. Ничего, вернётся наше время. Ещё встретимся... но тогда кровью харкать будете. Жалко, сука, что они не вмазали этим придуркам – дружинникам. Хоть случайно лупсанули бы... тогда щас бы захерачил им нападение на представителей власти. На “малолетку” запёр бы этих говнюков... ну уж под надзор – точно. Каждый вечер, суки, отмечались бы у меня. А этого на работе бы... товарищеским судом. Да хер бы тебе, а не профсоюзные путёвки!.. И матерям ихним – то же самое!» – на том мыслительный процесс офицера завершился, и пришло осознание бессилия в дознании чего-либо, которое совокупилось с дьявольской злостью вообще ко всему вокруг, и родилась ненависть. Желая нагадить по максимуму он ткнул ручку в чернильницу, собираясь что-то записать, но от чрезмерного усердия сломал перо.

– Блядский рот, – выbleвал опер и, доставая сломанное перо, выпачкал пальцы в чернилах.

– При детях прошу не выражаться! Вы всё же как бы там ни было, а вы представитель власти, – спокойно и безо всякой ехидны, но очень твёрдо и с лёгким вопросом в конце фразы вколотил в воздух узилища отец Толя.

Опер решил загладить оплошность процессом театрального оттирания пальцев от чернил. Он пониже опустил голову, и казалось, пытался даже обнюхать каждый очередной отёртый перст... но, укосив глазом нетерпеливо тюкающий по столу указательный палец “Михаила Ивановича”, весь изнутри пошёл на излом и выдавил из себя:

– Прошу прощения. Это случайно... Вырвалось.

– Попрошу впредь вести себя сообразно!.. при детях! – отец Толя победно ещё раз продемонстрировал морской якорь на запястье сжатого костоломного кулака.

«Твари!.. Паскуда!.. Сволочь! Учить вздумал. Ты кого учишь, гниль антисоветская? Я тебе докажу, сука...» – накачивался ненавистью представитель власти и пытался соорудить на своей роже нечто волчье, но сподобился он вылепить лишь морду шакала... а кровь, прилившая к его лицу от взрыва эмоций, залила всё это красным и особо тщательно – глаза. Его ненависть прибрала к рукам все силы организма и оставила голосу только тонюсенько-сиплую возможность, которой он и затыкал:

– А вы знаете, что они орали на улице? Что горланили эти... Что они устроили прямо под окнами? Что вы орали?! Говори! Говори, я тебе говорю!.. – мент просто задыхался от желания истребить словом всё вокруг.

«Сейчас кончится. С такими-то нервишками, да на такой работёнке... Уймись, не катит тебе сегодня. Ничё у тебя не вышло, да и не выйдет... И пора разбегаться... Зато побухаете под селёдочку. Да, селёдочка классная. Щас бы кусманчик с хлебцем. Жрать охота! Хотя бы просто кипяточку... с сахарком... а потом яишню на сале... с чесночком... можно даже просто кусочек салыца на хлебушек, да хлебушек чтоб потолще... и горяченький» – Той хлебнул слюны и впитал лишь окончание реплики Анастаса, разбуженного тонким лаем опера.

– Ты чё разорался? Решай чё те надо и от...! – тут Анастас замялся, глянул на отца Толя и решил не зазвучивать слово до конца.

– С тобой вообще пока не разговаривают! Сиди и помалкивай! – фальцетом строчил офицер. – Я тебя спрашиваю, что вы там орали? – мент упёрся в Тою своими красными выпученными глазёшками.

Отец тоже вопросительно посмотрел на сына и, сжав зубы, взглядом призвал его к ответу.

– Не орали, а пели... “Интернационал”. Как вообще можно орать партийный гимн?.. Мы его пели! – сказано это было Тоем совсем негромко, но очень ответственно.

Рыло опера как-то сразу вытянулось и стало напоминать удивленное свиное. Отец же Тою скорее озадачился, нежели удивился. Он давно уже привык к пируэтам, которые мог выкатывать в разговоре его очень любимый сын. Он даже гордился тем, что Той при редких застольях с близкими приятелями отца мог неожиданным аргументом «вообще из другой оперы» склонить на свою сторону мнение присутствующих, дискутирующих о нравах современной молодёжи.

– Мы не просто пели, мы репетировали! – неожиданно встрял в разговор Толстый. При этих словах он распрямился и сидел с абсолютно прямой спиной: так как и положено сидеть отличникам на фотографиях с “Доски почёта”.

Анастас, конечно же, открыл “бесстыжие” глаза и приготовился к спектаклю, который был теперь предрешён.

Той выстроил лицо “правофлангового”, дотошно подправил чёлку, встал со скамьи и, приняв туловищем позу “непримиримого активиста”, приступил к развёрнутому ответу на вопрос, поставленный представителем власти:

– Как всем, наверное, известно: не далее чем через некоторое и очень короткое время должна состояться знаменательная дата, которая явилась неизгладимой бороздой в жизни товарища... – тут Той произнёс кличку первого пришедшего ему на ум большевика. При этом он ясно осознавал то, что никаких серьёзных рисков это за собой не несёт. Ведь, во-первых, точной даты он не называл. Во-вторых, что там должно было отмечаться – это тоже он не указывал. В-третьих, в жизни любого видного партийца было столько наворочено всяких прославляемых свершений, что, в крайнем случае, порывшись в биографии фигуранта, можно было накопать какое-либо событие и представить его весьма значительным, хотя бы даже и «для себя лично». И наконец, сама произнесённая кликуха исключала вероятность того, что будет задан вопрос: «А что за дата будет отмечаться?». Но даже если бы такой вопрос и вырвался из башки похмельного “конвоира в светлое будущее” – Той немедленно ответил бы убивающим наповал вопросом на вопрос: «Неужели вы не знаете о жизни и деятельности самого товарища...?». При этом Той конечно же выпучил бы глаза и общупал бы ими каждого по очереди. Тут свою роль (а Той в этом был убеждён на все сто) должны были сыграть пацаны: они несомненно продемонстрировали бы превеликое удивление в отношении этого вопиющего аполитичного незнания того, что не знать – преступно.

Однако опер благоразумно не стал уточнять – чего там должно отмечаться и, чтобы не обнаружить никаких своих реакций, приклеил взгляд к бесцельно лежащему на столе листку бумаги. Записывать ему было определённно нечего, да теперь уже и не для чего. «Чортов ублюдок! Чортово всё!» – жевал он своей единственной извилиной и не понимал того, как бы всё это поскорее прекратить.

– Мы на собрании нашей небольшой комсомольской ячейки, – продолжал развёрнутый ответ Той, чуть развернувшись в сторону пацанов, – решили предложить бюро комсомола школы программу празднования знаменательной даты... – в этом месте Той сделал паузу, а парни одобрительно закивали головами, наложив на свои хитрющие рожи маски торжественно – патриотической озабоченности, и Той продолжил. – Важным элементом апофеоза... – после слова “апофеоза” Той снова сделал паузу и уточнил склонённому к столу мозгу офицера, – то есть завершающим элементом, который должен вобрать в себя всю суть... так вот, апофеозом митинга должно стать всеобщее пение “Интернационала”. Товарищ... – Той скороговоркой оттарабанил погоняло инициатора массовых расстрелов, – частенько заканчивал свои речи

перед трудовыми коллективами пением партийного гимна. Но, как мы могли выходить на бюро, даже не отточив стройности хорового исполнения в своей, пусть и небольшой, но очень спаянной ячейке? Разве это по-комсомольски?

Пацаны дружно хмыкнули и твёрдо кивнули головами. ДНДшники грязно матюгнулись глазами, вытянули руки с растопырено – напряжёнными пальцами по швам и заскрипели зубами. “Михаил Иванович” удовлетворённо, но с лёгким недоверием, задержал взгляд на “монументе” сына, который зафиксировался в вопросе, а его взор был обращён на “независимого судью” – мента, который уже стал даже не подранком, а убитым наповал сизоклювым вороном.

– В школе надо репетировать или в ДК или... ещё там где-то. А не ора... – офицер присёкся и, наигранно кашлянув, продолжил более чем примирительно, – не организовывать репетиции, мешая отдыхать людям, – букву “г” он весьма искусно и предусмотрительно проглотил.

«Вот и ладушки!» – решил про себя Той и, взяв команду “вольно”, снова заговорил вслух:

– Это промашка... Недодумали... Недооценили. Порыв преданности затмил. Но выправим! Подработаем. Выводы будут сделаны! – Той назидательно-осуждающе уставился на пацанов, а те, в свою очередь, скорбно склонили головы, укрывая нагло-хитрющие смеющиеся глаза.

«Вот тварь! Выскользнул змеёныш. Ну да ладно, не всё ещё закончилось. Теперь возьму тебя на заметку!» – решил для себя участковый и приступил к ритуалу закрытия “Дела”. Он теперь уже аккуратно и по протоколу обмакнул перо в чернильницу, стряхнул с него каплю чернил, накотивших на кончик и, написав что-то на листе, прикрыл всё это от любопытствовавшего взгляда отца Тоя.

– Михаил... – опер приоткрыл лежавшую на столе папку, коротко глянул туда и продолжил менторским тоном, – Иванович, я официально объявляю вашему сыну предупреждение о необходимости соблюдения закона в целом... А в частности: о необходимости соблюдения тишины и порядка на улицах города в вечернее и ночное время. Конституцией нашему народу предоставлено право на заслуженный отдых после напряжённого трудового дня. И мы не можем и не имеем права... даже основываясь на чём-то... нарушать! Учитывая то, что сидящие подростки, – мент властно тыкнул в каждого пальцем, – подвергнуты приводу впервые, а совершённое правонарушение ими осознано и деятельное раскаяние высказано! – вынес вердикт опер. – Основываясь на том, что правонарушителей есть кому вручить в настоящий момент!.. – тыкать пальцем в отца Тоя мент не решился и лишь старательно-уважительно наклонил голову в его сторону. – А это, в свою очередь, исключает возможность повторения правонарушения. Я проявляю своё настояние в том, чтобы ответственное лицо препроводило их к месту постоянной прописки и вручило их взрослым членам семьи с обязательным уведомлением последних о вынесенных мной в их адрес предупредительных причинах, обязавших вынести это предупреждение.

Мент заглох и вопросительно-просительно уставился на отца Тоя, который утвердил просьбу участкового кивком головы и затвердил это шлепком ладони по столу. Воодушевлённый своей мудростью офицер продолжил наставления:

– Вас, Михаил Иванович, я лично! прошу провести профилактически – воспитательную беседу с сыном. И может быть даже воспользоваться правом отца и – правоохранитель рубанул воздух ребром ладони и слепил из своего рыла морду ехидны.

– Вы имеете в виду, что я должен его избить? И до какой степени? – по лицу отца Тоя забугрились желваки и это было ещё большей угрозой, чем наколка.

– Ни в коем случае! Что вы, что вы! Я имел в виду только меры воспитательного характера: беседы... напоминания... конвоирование, вернее говоря, контроль при прогулках... и так далее. Словом всё, что присуще советской семье! – произнося это, мент непрерывно ёрзал на стуле, стараясь отчётливо пропечатать каждое слово. – Иными словами: так, как нам и необ-

ходимо! – завершив откоряк, он смело хлопнул кулаком по столу и встал, символизируя окончание разбирательства и жалую свободу бывшим подозреваемым.

«Так! Никакого меморандума по итогам встречи мы ни писать, ни подписывать не будем» – удовлетворённо отметил про себя Той. Оставалось лишь дожидаться решающего слова его отца, на которого все и воззрились. Но он медлил, видимо, что-то про себя смекая. Через несколько секунд он встал, поднял со стола свою шляпу, медленно общупал её поля, водрузил головной убор на положенное ему место, несколько раз переиначил его оседлость и, обретя выражение лица сообразно обстоятельствам и обстановке, вынес окончательный приговор “помилованным”:

– На выход. Всем ждать на улице, – взмах тыльной стороны кисти указал парням направление выдворения.

Пацаны исполнили всё точно и с энтузиазмом; также восторженно они прихлопнули за собой дверь. Правда, традиционно, но хорошо, что уже за дверью отличился Анастас:

– Этот сучонок телату мне порвал, падла! – донеслось из-за двери, не отличавшейся звукоизоляцией.

Дёрнувшиеся было к выходу ДНДшники, были остановлены окриком гражданина начальника:

– Стоять! Сидеть!

“Падлы”, громко протопав подошвами по полу, плюхнулись жопами на скамью и зазлбились. Искру возможного рецидива разбирательства загасил вовремя стукнувший из-за двери голос Тоя:

– На выход с вещами, какие есть.

Однако “падл” это, конечно же, не примирило с “сопляками”. Мечта свершения возмездия стала для них ещё более желанной и “падлы” молча, приступили к планированию акции, обмениваясь взглядами в комплекте с соответствующей мимикой и ”распальцовкой”.

«Недержание этого охломона может ему дорого встать, да впрочем, и всем – за компанию» – вывел итог наблюдения за ДНДшниками отец Тоя, а вслух сказал:

– Спасибо за доверие... и принципиальность, – зачем-то добавил он и пригласил мента к рукопожатию.

Офицер же, памятуя о клещевом хвате, нашёл блестящий способ уклониться от предстоящей психофизической травмы, которая повторно будет нанесена ему при подчинённых. Он как бы не заметил протянутую руку, выскочил из-за стола, предстал перед дружинниками и в чисто ментовских традициях решил отыгаться на самых слабых на сей момент. При этом опер заблаговременно исключил возможное дальнейшее общение с отцом Тоя. Полуобернувшись к нему, мент, насколько он был на это способен, произнёс:

– Извините, Михаил Иванович, мы тут должны разобрать свои срочные внутренние вопросы, – и, не дожидаясь реакции отца Тоя, мент отвернулся от него и немедленно приступил к выяснению. – Что вы себе позволяете?.. при исполнении, – злобно шипел “мусор”, но, явно не желая выносить его же из избы и настолько же и тихо, чтобы разбор можно было бы услышать из-за двери. Дальше понеслась обычная ахинея, присущая всем без исключения партийным и комсомольским собраниям, постоянно созываемым для «искоренения отдельных недостатков», которые впрочем, это действие не только не выкорчёвывало, а наоборот взбадривало и стимулировало к дальнейшему росту и мимикрии.

Отец Тоя легонько хлопнул участкового по спине, согбенной для назидательной беседы и утвердил протокол встречи в целом:

– До свидания, товарищи!

Мент взъерошил своё тело от неожиданного и прищемляющего его достоинство панибратства, но его нарочно замедленный разворот застал лишь конечную стадию аккуратного претворения за собой двери отцом Тоя. Находясь уже в коридоре, “Михаил Иванович” услы-

шал ярко окрашенный матом возглас товарища начальника, который сильно контрастировал его недавнему змеиному шипу. Отцу Тоя показалось, что в этом выхлопе гадости было что-то, имевшее отношение непосредственно к нему. Он чуть размереннее, чем обычно, сделал несколько шагов от “гадюшника”, что-то про себя решая, но затем резко развернулся, плюнул воздухом в сторону кутузки и быстро вышел на улицу.

Пацаны стояли у подъезда плотным кружком и что-то обсуждали между собой, не выпуская вовне никакого смысла. Снаружи можно было услышать лишь “гурканье”, но и для этого следовало мобилизовать слух.

– На инструктаж, – активировал внимание парней отец Тоя и тщательно притворил за собой дверь подъезда.

Парни, плотно сомкнувшись, встали напротив “Михаила Ивановича” на расстоянии чуть больше вытянутой руки. Голову никто из них к сапогу не клонил, но и смотреть в глаза отцу Тоя желания не изъявлял.

– Прежде, чем что-то сказать, подумай. Чем больше слов – тем больше вреда. Лучше всего – молчать! – отец Тоя сделал шаг вперёд и влепил подзатыльник Анастасу.

А тот неожиданно для парней просто заложил руки за спину и наклонил голову. При этом всегда вспыльчивый Анастас не только не окатил обидчика матерным возмущением, но и не хмыкнул и даже не скроил на своей роже пренебрежение как он это обычно делал в зависимости от обстановки и обстоятельств.

– Сам... когда один... ты можешь для себя что хочешь решать – это твоя жизнь и твой выбор. Но здесь были твои товарищи и надо думать, что говорить и кому говорить. Ты только злишь этих... – отец Тоя мотнул головой на “опорный пункт порядка”.

– Я понял! – выдохнул Анастас. Но было неясно: прозвучало ли в этом утверждении осознание ошибки или сокрытие затаившейся обиды. Тогда никому не дано было этого понять. Каждый плыл своей Рекой и это был выбор каждого.

– Это не совет. Это моё к тебе требование... когда ты вместе с моим сыном, – строго уточнил отец Тоя.

– Да понял я! – в возгласе Анастаса выявилась злость и возможно не на себя.

– Молчи лучше, – цыкнул Той на приятеля.

Анастас прикрыл ладонью рот и, озлив бледно-голубые глаза, зыркнул на Тоя.

– Ничего ты не понял. Но жизнь научит тебя понять... А впрочем... – отец Тоя поправил шляпу сообразно морозцу, придавившему к ночи.

Сейчас он пожалел о том, что надел именно шляпу, а не шапку, когда за ним пришёл этот “плюгавик” – так он сразу охарактеризовал ДНДшника. Выслушав причины визита дружинника, “Михаил Иванович” решил надеть именно шляпу – для «солидности и впечатления». Он был уверен в том, что нет там никакого преступления, ведь Той для этого совершенно не предназначен. Он размышлял: «Возможно, они что-то и натворили, но точно без криминала и корысти. А коль так, то – “напоруки” и шляпа здесь очень даже уместна». Также обязательной деталью одежды отца Тоя был галстук. “Михаил Иванович” повязывал его на шею всегда, когда выходил из дома, хотя бы даже и когда просто спускался в магазин, расположенный в этом же доме на первом этаже. Рубашка при этом могла быть любого цвета и качества ткани, в том числе и шерстяная. Галстуков у отца Тоя было три. Два из них требовали завязывания, и он выполнял это действие как хорошо отлаженный автомат. Третий галстук был “суперсовременный” – на резинке. Этот галстук был подарен “Михаилу Ивановичу” по какому-то поводу и обзывался им: «для безруких». Но так как он очень почитал принцип: «дарёному коню в зубы не смотрят» – этот предмет имел на равных с прочими галстуками свою справедливую очередь в применении. Галстуки отец Тоя начал постоянно носить сразу после освобождения из лагеря. Что и почему подвигло его к этому никто не знал да и выспрашивать это никто не решался. Близкие же принимали это как непрременную данность.

Друзей у родителей Толя не было вообще. После освобождения из лагеря и получения паспорта, давшего возможность выезда на “материк”, семья полностью изолировалась от окружающего мира и никого не подпускала к себе ближе вежливого «здравствуйте» и «до свидания». Понятия “гости” для родителей Толя не существовало. И до самой смерти Мика не было ни одного человека, которого можно было бы причислить к близкому кругу семьи. Сослуживцы и те бывали в их доме крайне редко и то лишь в тех случаях, когда избежать «приглашения из вежливости» было невозможно. Также редко и лишь в исключительных случаях матери Толя удавалось вытащить мужа в гости. Подготовку к этому походу она начинала заранее и, как правило, за три месяца. На семейных застольях отец Толя немедленно пресекал любое упоминание, а тем более обсуждение действий партийно-советских органов власти. При этом он произносил всегда одну и ту же фразу:

– Прекратите! Стены тоже слышат.

Эта фраза звучала как требование, но не как просьба. Той понимал, что отец после освобождения из ДальЛага больше всего боится вновь оказаться там. Сам же Мика уже был научен тем, что друзья, приятели или просто знакомые могут “стукнуть” из любых своих соображений и корысти, а поэтому он устранил эту возможность как таковую – он не имел ни друзей, ни приятелей, ни просто знакомых. Он никогда не задерживался на работе по “неформальным” поводам. Вся его жизнь протекала по точно установленным им правилам: на службе он должен находиться от и до, а всё остальное время – среди своих близких (в квартире, на рыбалке, в лесу за грибами, ягодами или шиповником). Лагерный рацион сильно «подсадил» его печень и он определил для себя лечение – отвар шиповника, который и пил, причём и вместо воды и вместо чая. Той знал, что отец опасался «неблизких» всю свою жизнь. И лишь после появления во власти Горбачёва Мика стал позволять себе не только слушать, но и выражать собственные суждения «по политическим вопросам». Но это было намного позже, и такова была его Река...

– Сейчас быстро и нигде не задерживаясь, бежите домой, – обратился “Михаил Иванович” к “подельникам” Толя. – Мы постоим здесь... пять минут, чтобы ваши недруги не решили вас проучить... за бестолковость, – отец Толя глянул на всё ещё хмурого Анастаса. – Дома расскажете, что и как было. Ясно?

Парни кивнули головами.

– Не слышу. Ясно!?

– Да! – отметил Толстый пониманием задачи.

– Да ясно, – буркнул Анастас и опустил взгляд.

– Пшли!

Прозвучавшая команда активировала физические возможности парней до такой степени, что не прошло и мгновения, а след их уже взбороздил снег на углу дома.

Мика сделал шаг в направлении Толя и, положив ладонь ему на плечо, спросил:

– Это ты сделал?

Той немного помолчал, принимая важное для себя решение.

– Да, я! – ответил он твёрдо.

– Зачем тебе это было надо?

– Потому, что он ВОХРа!.. А ты знаешь, что он вместе с этой буфетчицей ворует продукты из нашей столовой?! – Той начал распалиться и его голос невольно приобрёл агрессивное звучание.

– Тихо. Ты хочешь это судить? Ты можешь это победить?.. Тебе свернут голову, как несмышлёному птенцу и окажешься...

– Но па, его никто не любит... его все ненавидят!

– Не все.

– Все! Все! Я знаю!

– Сын, ты сделал это в первый и последний раз. Это не совет... И мне не требуется твоих обещаний, – отец Тоя был более чем серьёзен.

– Я должен подумать, – попытался уклониться Той от столь неприемлемой для него категоричности.

– Здесь нужно исполнять, а не думать. Ты не понимаешь, чего ты можешь накликать. Ты просто не думаешь о том, что смыслом жизни может стать только одна цель – выжить... Выживать каждый день, каждый час, каждую минуту... Постоянно знать, что у них есть законное право тебя убить...

Той никогда в своей жизни ничего подобного от отца не слышал. Он смотрел в его глаза, ставшие ему совершенно чужими и испытывал неимоверное отвращение ко всему и вся: к этому чортову дню, к этой ВОХРовской падле, к этому пьянчуге офицеру, к этой говённой двери подъезда этого долбаного дома, к этой гадской темноте на улице и к этому хрёнову морозу, который добрался до самой подложечки.

– Ты не знаешь что это такое, когда единственными наслаждениями в твоей жизни являются минуты, когда ты нашёл возможность чуть-чуть согреться и когда ты получил свою пайку хлеба и кипятка... Ты не можешь так! себе сделать... нам с матерью... Ты не должен... – отец Тоя замолчал, он стоял и всматривался в лицо сына. «Какой он стал. Я ведь всё это пропустил. А ведь он – уже совсем “не поперёк лавки”... Поздно... Его уже не приладишь. Да и надо ли? Но как сделать так, чтобы... это его миновало? Можно ли теперь это как-то сделать?.. Он – совсем другой... Боже праведный, помоги ему и образумь его!» – закончив свои размышления, Мика хлопнул сына ладонью по плечу и потрепал по шапке, надвинув её на лоб Тою по самые брови.

– Пойдем, сын, домой... поздно уже, – сказал он с тёплым придыханием и глаза его сверкнули как гладь озера перед самым закатом солнца.

Той, не успев всего этого осознать, продолжал стоять, глядя в удаляющуюся спину отца.

– Ну, что стоишь? Пойдем. Холодно! – развернувшись, сказал Мика и остановился, поджидая сына.

Той с усилием сделал шаг в сторону отца, потом остановился и, секунду поразмышляв, будто отцепляя что-то прочно удерживавшее его на месте, встряхнул головой и быстро зашагал к отцу. Дальше они шли вместе, доверительно касаясь друг друга плечами как настоящие мужики – без лапанья и ручканья.

Этот разговор не был для них ни переломным моментом, ни неким рубежом. Каждый понимал то, что он будет плыть своей собственной Рекой. И они оба были убеждены в том, что попыток принудительного убеждения – «грести туда, куда я знаю» – уже никогда не будет ни с той, ни с другой стороны и что очень важно – в абсолютно равной степени. Но до конца они убедятся в этом намного позднее.

Пужинали наскоро. Мать, определив по виду мужиков вредность любых расспросов, быстро подогрела картошку и, укомплектовав стол квашеной капустой и хлебом, ушла «немного почитать перед сном». Мужчины поели быстро. Как обычно “вылизали” хлебом тарелки, сгребли со стола все до единой крошки хлеба и опрокинули “приварки” в рот, запив отваром шиповника.

– Прибери тут, – отец указал Тою рукой одновременно и на стол и на раковину, потом добавил. – Устал я что-то сегодня, – и вышел из кухни.

«Какой-то бестолковый выдался день, – размышлял Той, машинально выполняя поручение отца. – Хотя, если разобраться, что уж сильно такого плохого произошло?.. В школе?.. Нет, мы там просто слегка не сошлись во мнении с... да, с несколькими... людьми... Ну, запись в дневнике. И чё? Могут, правда... Ну так что теперь... Отцу объясню, мать, скорее всего даже не узнает... ВОХРу?.. Тут ни каких сомнений – так и надо было сделать... Мент?.. Тот вообще

обломался, алкаш!.. Отец?.. Вот главное – отец всё понял! Классный у меня батя!.. Хороший выдался денёк! Отличный!».

Уснул Той быстро и сразу как только надавил головой на подушку. В ту ночь ему ничего не снилось...

5

*Ложь есть источник и причина вечной смерти.
Епископ Игнатий (Брянчанинов)*

Снег даже не мело, а выстреливало откуда-то сверху как шрапнелью и это, пожалуй, был даже не снег, а вихрастые кусочки льда. Прелестная пушистость этих снарядиков обнаруживалась только уже на одежде парней, стоявших у “качливого” штакетного забора. При попадании же в лицо, эти “прелести” оборачивались злобной колкостью. Такое природное действие никак не располагало к уличному общению, и пацаны разбежались по домам. В полутьме улицы остались Той с Тюлем и то лишь для того чтобы докурить передаваемую друг другу сигарету. Курили по-очереди – по три затяжки. «Добить сигарку» решили только потому, что зачинаривать не хотелось – слишком резкая вонь от окурка надолго задерживается в кармане и это не добавляет комфорта самому себе, а вот выбросить только начатую сигарету было уж и вовсе стрёмно. Поэтому парни подняли воротники телогреек и, поручив противостояние ледяным зарядам своим мобилизованным одеждам, без спешки и с удовольствием потребляли продукт, произведённый братским болгарским народом. Сигареты “Шипка”, только-только появившиеся в продаже, были много приятней при вдыхании нежели “вырвиглазовый” отечественный продукт.

Смакуя курево и не контролируя, что происходит за их спинами, парни пропустили тот момент, когда из двора, широко раскидывая пьяные ноги в стороны, вывихлял Фаза. Он сначала и сам “не въехал” в происходящее, когда ткнулся опущенной вниз башкой в спину Тоя.

– Что, бл? Кто, блядь? – наискивал понимание ситуации своими мутными зенками Фаза. – Шелупень, чё тут трётся?! – забасил он на пьяном диалекте.

Той терпеть не мог этого недоумка, превратившего себя в конченого алкаша к своим двадцати двум годам от роду. Пил Фаза, по мнению Тоя, ежедневно. По-крайней мере Той не мог припомнить ни одного случая, когда бы он видел Фазу в состоянии “неподпития”. Лишка перехлебав горькой, Фаза непременно отправлялся искать конфликтов. Он прочёсывал соседние дворы в сопровождении такой же, как он сам, бестолковой, неухоженной псины лохмато-угрожающего вида. Ходили слухи, что он, лакая в своей халупе горькую, мог макнуть кусок хлеба в водку и пахабно предложить его собаке, сопроводив это рыком: «Жри, падла, и радуйся». Пёс, подсев на спиртное, при отсутствии очередной дозы становился крайне агрессивным. Бывало, что эта пьяная кобелина не делала исключений и для своего хозяина-собутельника.

Вот и на этот раз водки на двоих видимо не хватило, потому что неопрятное животное держало морду в постоянном оскале и ерошило шерсть на загривке.

– У, коззлы. Бысра па палтнику... скинулись. А то, бл, щас... – Фаза прихватил Тоя за ворот телеги и прижал его к забору.

– Не лапай! – Той отбил руку Фазы и тот, качнувшись, выдохнул в Тоя прокисший перегар какой-то дряни.

Псина среагировала на резкое движение Тоя щелчком зубов и пропитым лаем.

– Ты чё, говнюк?! В куски... паррежу! – Фаза сделал пару неустойчивых шагов назад, но всё же удержался на ногах и, сгорбатившись, принялся шарить по своим карманам. – Парешуу козлов... Ф... рраеры дешёвые. Век воли не видать! – орал он, координируясь с собачьим лаем, перешедшим в чахоточный кашель.

Перо²⁴ – наудачу Тоя – Фаза так и не надыбал, а может промыслом Божьим и вовсе без него вывалился из своей “конуры”, ненавидимой соседями за постоянный запах чего-то скисшего, настоящего на собачьих экскрементах.

Жил Фаза в барачной “однушке”. Отец его чалился²⁵ по четвёртому сроку в Мордовии. Мать много лет назад тихо прекратила свою жизнь в силу её бесцельности и ненужности ей самой. Свою собственную жизнь Фаза даже не проживал. Он исполнял процедуры своего бытия, вколоченные им же самим в собственный мозг. Его пребывание на земле состояло из простых ежедневных действий: утром следовало опохмелиться, днём отфилонить грузчиком на базе и “вмазать”, а вечером “добавить” и прошманаться. Ночь предназначалась для того, чтобы побуяннить и забыться, а иногда оторваться с кошёлкой²⁶, но к утру непременно украсить её голову – напрочь лишённую передних зубов – бланшами²⁷ под оба глаза. В общем, он выбрал для себя типичную жизнь пролетария в стране развитого социализма.

– Козлы... уроды... – выпалил Фаза, не найдя ничего в карманах, сделал качливый шаг вперёд и вдарил Тою в грудь левой рукой. Его размах, усиленный массой пьяного тела, завалившегося в сторону движения кулака, вывел Тою из равновесия, и он удержался на ногах лишь благодаря штaketнику, который предотвратил его падение на спину. Шаткий забор спружинил и бросил Тою в сторону Фазы, который и сам уже падал вперёд, потому что его ноги, оставшись на месте, не поддержали порыва его туловища. Фаза упёрся своим рылом в живот Тою, вцепился лапами в его телогрейку и с трудом удержался на ногах, переставив их поближе к опоре своей башки.

– Ах, ты убл...людк! – вырыгнул Фаза и распрямился, демонстрируя свою тупую рожу, унавоженную обильной слюной, истекавшей из его вонючей пасти от усердия в желании удерживать положение “стоя”.

Он вновь толкнул Тою на забор левой рукой и – со всей пьяной дури, размашисто – решил кончить дело одним ударом. Но Той очень своевременно, резко откинувшись назад и вниз, отпружинился от штaketника именно в тот момент, когда не нашедший цели и упора кулак

²⁴ перо – узкий нож (жаргон)

²⁵ чалиться – отбывать срок в тюрьме (жаргон)

²⁶ кошёлка – спившаяся проститутка (жаргон)

²⁷ бланш – синяк (жаргон)

Фазы, промелькнув перед глазами Тоя, по инерции завалил тело алкаша вбок и Тою осталось лишь лёгким толчком добавить ему ускорение для неизбежного падения.

Пёс, осаждавший Тоя справа, так и норотивший хватануть его своими жёлтыми клыками за колено, не предвидя столь неожиданного “провала” своего хозяина, принял всю мощь падавшего тела на себя. Всё случилось так, что колено и локоть Фазы со всего маху вдарили по собаке в весьма уязвимые для боли места. Тело псины крикнуло от негодования, налилось свирепостью и инстинктом отмщения. Лохматая зверюга не мешкая выскреблась из-под Фазы, рожа которого прочно закопалась в сугробе. Возмездие стало свершаться немедленно и неожиданно-беспощадно. Кобель рвал своего собутыльника очень старательно, осознанно выбирая те участки тела, которые были прикрыты наименее толстой одеждой. Фаза вопил, изрыгая звуки, смысл которых невозможно было понять. Он перекатылся со спины на живот, пытаясь подняться, но вошедший во вкус расправы пёс мастерски валил его, прижимал всей своей лохматостью к земле и рвал... и рвал.

Тюль, отойдя подальше от этой свалки, поглядывал на Тоя не понимая того, что тот примет в этой ситуации, но и, не решаясь что-либо посоветовать. Той же упаковал руки в карманы телогрейки, чуть сгорбился под поднятым воротником и оценивающе-заинтересованно наблюдал за процессом ссоры между собутыльниками, периодически сплёвывая слюну в этот клубок злости.

Снег под борцами утратил свою прелестную белизну и слегка порозовел. Фаза начал кровоточить где-то между коленями и поясом. Псины же, хлебнув кровушки обидчика и уверовав в своё полное превосходство, остервенилась до такой степени, что принялась вырывать огромные куски ваты из плотной телаги Фазы, пытаясь добраться до самой сути его орущего тела.

И тогда Той, оценив такую стратегию собаки как явный перебор в выяснении отношений, решил развести стороны. Он подошёл вплотную к месту схватки и смаху пнул псину, усердно свежавшую тушку хозяина. Удар пришёлся пыром – ближе к местоположению причинного органа. Пёс хлипко взлаял, торчком взгорбатил загривок, упёрся в выставленные вперёд лапы, забычил морду, напряжнив её назад и уже готов был одним прыжком сшибить Тоя с ног, но его нападение было упреждено ударом палки прямо промеж глаз...

Исход всего происходящего был теперь уже очевиден Тюлю – молчаливому наблюдателю событий. Он-то и приметил, что Той, направившись разнимать драку собаки с хозяином, благо-разумно вырвал из забора полномерную штaketину – штатное оружие против бродячих собак, коеи по весне, собираясь в стаи, бывали весьма агрессивны.

Заборная палка, сухо хрястнув, вышибла всю злость, бурлившую в собачьем сердце и авторитарно убедила псину в бесперспективности любых дальнейших попыток нападения. Образа жалобно-заискивающе завывала и, поджав хвост, метнулась в сторону базы “Главторгкожхозснабсбыт”. Но, судя по лаю, который вдруг там возник, приём, оказанный дворовыми аборигенами базы, оказался явно негостеприимным и нежелательный дополнительный едок был изгнан и преследуем аж до проулка Луначарского – не так давно имени товарища Маленкова, ранее, правда, имени товарища Троцкого. В безыдейные времена кровавого царского режима этого закоулка не было и вовсе; там был просто сосновый бор, прозывавшийся в народе «Светлый лес».

Той приладил штaketину к забору, воткнув её одряхлевшие отверстия в ржавые гвозди. Правда получилось это достаточно шатко, но привычно терпимо, а главное – готово к новому применению, да впрочем, и дыра в штaketнике смотрелась бы много хуже.

Фаза улёгся на живот, распластал руки в стороны и пьяно причитал. Встать он уже не пытался. Ватник Фазы был изуверски разодран, штаны на жопе почти отсутствовали, представляя собой клочья материи, перемешанной с кровью и снегом.

– И чё с этим теперь делать? Куда его? – Тюль подошёл к Тою и слегка попинал руку Фазы ногой, пытаясь привлечь его внимание.

- Есть предложения? – спросил Той и зло сплюнул на забор.
- Дак замёрзнет... или вон – кровищей изойдёт.
- Предлагаешь в больницу доставить? Или сразу – путёвку в санаторий?
- Я чё? Я говорю, что он подохнуть тут может.
- Давай, жалея... Медбрат. Поднял и поволок тогда! Чё встал-то? Ну, поднимай!
- Ты чё разорался-то? Сказать нельзя... Я спросил, ты ответил. Но... – Тюль тормознул,

раздумывая, что и как сказать.

– Шумни вон, – Той мотнул рукой в сторону барака, нагнулся, поднял голову Фазы за волосы, недолго поглядел на его пьяно-сопливое рыло и, жёстко потянув вверх и в сторону, заставил того хрюкнуть от боли и перевернуться на спину.

Фаза забуянил руками и ногами, но и это не позволило ему осилить перевод туловища в состояние сидя. Той замахнулся ногой, намереваясь пнуть «шакала» куда-нибудь в район пояса, но, видно, что-то взвесив, лишь слегка пожурил носком ботинка.

- Шуми, – бросил Той Тюлю и, развернувшись, вальяжно пошёл в сторону своего дома.

Тюль всё исполнил очень буквально. Он несколько раз беспринципно молотнул дверью барака, да так, что стёкла окон – комнат соседних с дверью – отжаловались своим хозяевам на незавидную свою судьбину. Барак тут же отреагировал внутренней суестью и разбуженным матом. Тюль же, свершив поступок, недостойный «борца за дело...», промчался мимо мычавшего Фазы, не преминул на ходу плюнуть в эту кучу ворчащего говна и, быстро догнав Тоя, зашагал, чуть отставая от него.

- Пока, – Той развернулся и протянул руку Тюлю.

- Может, перекурим? – Тюль вынул из кармана мятую пачку “Шипки”.

– Через одну, в очередь, – согласился Той, отступил с тропинки в снег, достал спички, чиркнул и, заладонив пламя, дал Тюлю прикурить.

Смолили, молча, затягиваясь в полный размер. Дым выбрасывали из себя словно из паровозной трубы. Докуривали сигарету до обжигания губ и последней табачинки. Той, как и положено по пацанским понятиям, завершил затяжку «на посошок», плюнул на ладонь и, затушив в слюне чуть тлевший остаток папиросной бумаги, выкинул его в снег, закончив всё действие “ладушками”. Парни “поручкались” и, «ПОКАкакнув», разошлись, ухохлив шеи в поднятые воротники телог...

А умер Фаза не в этот раз. Загнулся он чуть позже, насадив своё пьяное тело на перо более удачливого “оторвы”. По слухам, правдивую историю его собачьей смерти рассказывала «девушка Кислуха», но делала она это исключительно по-пьяни. Это была девица без возраста и обоих рядов передних зубов. Глаза её – в редкие дни, когда она была трезва – производили впечатление ангельского создания, а шамкающий рот и одутловатое лицо указывали на невероятную древность всей конструкции. Вся спившаяся мужская часть запойного коллектива микрорайона периодически навевалась к безотказной «девушке Кислухе». “Хотелец” должен был обязательно принести с собой хотя бы “бабая”, но она предпочитала, чтобы это был шкалик водки – и тогда “общение” проходило с меньшей продолжительностью вступительного мата. Так вот, эта «девушка Кислуха» с той или иной степенью трагичности рассказывала, что «этот подонок Фаза завалился к ней, когда они с Вовкой-путом намеревались идти подавать заявление на брак».

– И этот козлина, – слюняво гнусавила она, – пьямо пи ём нацал лапаты мия за сиськи. Потом этот угод сташил с мия плате и прислоился. Дак рази намальный музык, кода послулся, будет это тепеть? Он и х... ему...

Вовку-пута посадили, и больше о нём ничего не было слышно.

Пёс Фазы, намыкавшись без еды и водки, через пару дней вернулся к бараку хозяина. После “тёплой встречи”, Фаза заманил “дружка” в дровяник, подвесил его за ошейник и ста-

рательно зарезал. Спасти беднягу соседям не удалось, так как пьяный, но предусмотрительный Фаза, хорошенечко задраил дверь дровяника изнутри на толстенную задвижку.

«Девушка Кислуха», недолго поскорбев по “жениху”, вновь пустилась под всех и во все тяжкие. Однако через некоторое время и ей, как она всем говорила, «пощасливило бабе щасте». Она приютила у себя “откинувшегося” в очередной раз с кичи²⁸ мелкого щипача²⁹ – рецидивиста, не располагавшего абсолютно никакой жилплощадью. Клюв – таково было погоняло сожителя – расторопно одарил «девушку Кислуху» гонореей и туберкулёзом вдогонку. После чего, а также вследствие неожиданных заболеваний триппером нескольких местных алкашей, совместное проживание «девушки Кислухи» и Клюва стало образцом супружеской верности, но уровень межличностного общения по-прежнему оставался матерно высоким...

Обо всём этом Той узнавал невольно и безо всякой заинтересованности, а в силу правил распространения информации: от всё знающих бабок со скамеек во дворах. Они были всегда в курсе: что, с кем и почему произошло. Той же предпочитал никак не относиться к тому, что становилось ему известно. Пережёвывание деталей чужих жизней он пресекал всегда очень грубо:

– Если прёшь на “гнездо”, то делай это сам и никого не впутывай. Разорь, коль решил... и если знаешь за что! – при этих словах Той закладывал обе руки за спину и, не мигая, смотрел на “говоруна”.

Той грёб так, как решил сам и туда, куда сам решил. Он был убеждён в том, что каждый должен сам проплыть свою Реку, и это было для него самым сущностным правом каждого. Он не лез в чужой поток, но и в свой никого не намеревался пускать. В этом была суть построения его суждений об обязанности и необходимости всего для всего. Был ли он прав и в чём, был ли неправ и когда – Тою ещё только предстояло осознать и принять это или отторгнуть. Но это будет намного позднее...

Еловые лапы заметно провисали под снежными шапками, и кое-какой из них удавалось сбросить с себя эту мягкую гирию, которая падая, издавала последний томный «бпух» при воссоединении с таким же пушистым ковром. Сосны прелестно благоухали под ледяными лучами яркого солнца, их раскидистые ветви тут и там были задрапированы искрящимися белыми комьями. И даже берёзы прикрыли свою наготу колючим инеем... Зима – пора строгой красоты...

Последний школьный Новый год отмечали у Лизы. Она хоть и была на класс младше, но входила в “круг” по причине “амуров” с Толстым. Предки её отгребли справлять ёлочно-игрушечное действие в свою компанию. Таким образом, свободное от надзора пространство грех было не задействовать в процесс удовлетворения пробудившегося взаимного интереса парней и девчонок.

Девичий состав компании особо не обсуждался и сложился как-то стихийно и по каким-то непонятным для Тою критериям. В общем, так: “шайка” Тою в полном составе и примерное равновесие “кудряшек”.

Состав спиртного Той установил лично и без обсуждения: одна “бомба”³⁰ шампанского – для порядка и процедуры, красное из расчёта 0,75 на троих “баб” и по пол с небольшим пузыря “беленькой” на брата. Лимонад, с целью экономии денег, был замещён варением, растворённым в воде с последующим процеживанием через марлю. Эта смесь, составленная по вкусу, была благоразумно-предварительно охлаждена на балконе, который очень кстати имелся в квартире Лизы и до начала банкета также предусмотрительно и своевременно извлечена из

²⁸ кича – тюрьма (жаргон)

²⁹ щипач – карманник (жаргон)

³⁰ “бомба” – бутылка вина ёмкостью ноль семь литра

“холодильника”. «Дабы исключить необходимость сосать, а сохранить возможность испить» – вывел вердикт Той, отправляя Анастаса с Фасолем на балкон за напитком. И на возглас оттуда Анастаса:

– Да пусть ещё постоит. Ещё не очень охладилось.

Той разъяснил:

– Несите уже, двоечники. Учитывать следует не только температуру – это лишь один из факторов. Бытие, которое нам предстоит, весьма коварно. А всё потому, что вскорости это наше бытие затмит ваше сознание и вступит в свои права фактор забывчивости. И вот тогда извольте уже или лизать, или сосать, или грызть – тут уж кому как доведётся.

Это убедительное обоснование – под всеобщий хохот – обеспечило доставку с балкона плодово-ягодного нектара и руками “сомелье”, сомневавшихся в достаточности охлаждения, было водружено на подоконник.

– Вот тут и дойдёт. Цветы придвиньте к кастрюле... Ближе... Ещё ближе, пусть и свежачком напитается, – утвердил Той местоположение “лимонада”.

– Мечите! – Той глянул на девчонок, которые всё ещё смаковали между собой “компотную тему”. – Сервируйте и тут же мечите... чем Бог послал. А ты, Толстый, немедля к сумке. И тут же водружай. Да, и предварительно откупоривай.

Все и всё пришло в движение, как обычно немного суетливое, но вместе с тем приятно-предвкушающее. В этой бесцельно-упорядоченной суете и заключается вся синтетика будущих событий: кто кого чаяно подтолкнул, подцепил, прихватил; за какое место это было сделано и каким органом осязания; кто кому что-то дал попробовать с ложки и потом слизал с неё остатки; кто кому заискрил глазами и чуть дольше необходимого этот взгляд задержал. В общем, все ближайшие предпочтения и желания проявляются в этой разболтанной суете. А на самом деле именно эта процедура и есть вершина удовольствия от праздника. Всё дальнейшее – это лишь движение к задуманному, с той или иной степенью успеха. Суета же – это определение желаний и поиск подтверждения будущего свершения.

Той же избрал для себя самую сложную и ответственную задачу, и без её решения всё дальнейшее могло смахивать на беспредметно-бесцельную гульбу. Он подошёл к наряженной ёлке и, что-то сосредоточенно обдумывая, перевешивал то одну, то другую игрушку. Убедительности в необходимость таких его действий добавляло и то, что некоторые игрушки он перевешивал и дважды, и трижды. Глубинный же смысл перемены мест видел только он сам и если в этом был хоть какой-то смысл, то в чём именно он заключался – знал только Той.

– Чё фигнёй занимаешься? – бестолково встрял Анастас, грохнув на стол огромную тарелку с дымящейся картошкой.

Той сделал шаг назад, несколько времени понаблюдал с этой точки за очередной перевешенной игрушкой, сделал шаг влево и вновь чуть постоял; затем снял игрушку в виде слоника и перевесил её чуть-чуть ниже и левее.

– А если так? – спросил он Анастаса.

– И чё? Чё поменялось?

– А если так? – спросил Той, вернув игрушку на прежнее место.

– Чё дуркуешь-то? Какая разница?

– Разница не в том, что ты видишь в целом. Сосредоточься на маленьком, избранном...

И не ставь горячую тарелку на клеёнку. Ставь на дощечку и тем ты сохранишь убранство этого гостеприимного дома.

– Ну, ты ваще! – Анастас подхватил тарелку со стола и, обжигая пальцы, дождался того, пока на стол не положили газету, сложенную в несколько раз.

– А вот так? – обратился Той ко всем, кто находился в этот момент в комнате и снова перевесив очередную игрушку.

– Лучше.

– Хорошо.

– В тему.

Отметились своим мнением пожелавшие его выразить, но особо даже не приглядевшись.

– Нет, не то, – пробурчал Той сосредоточенно и снова что-то перевесил. Впрочем, на это уже никто не обратил внимания. Все лишь ещё раз утвердились в том, что Той занят чем-то весьма важным и уж точно крайне необходимым. Углубляться же в понимание этой необходимости было нецелесообразно. Существовало простое решение – он сам знает: что надо и зачем оно надо. Той же продолжил свои занятия, одновременно изучая детали суеты и слушая суету.

Когда всё было на столе устроено и наиболее щепетильные девчонки лишь подправляли общий результат, Той уже точно представлял себе: кто к чему и кто к кому благоволит. Устойчивый “амур” был лишь один, и он был заранее известен. Остальное, как кратковременное приключение, могло сложиться или не сложиться. Компания была сборной и без долгосрочных целей, но и без явного антагонизма. «В общем, будет веселуха без фанатизма и поножовщины» – заключил Той, оглядывая стол.

Закуска в полной мере соответствовала событию и финансовым возможностям участвующих в праздновании. На стол было выставлено всё сразу и всё что есть. Пирог с картошкой и любовно подрумяненной корочкой – для её умягчения – был слегка обмазан сверху сливочным маслом и от этого он вкусно лоснился. Это чудо кулинарии как горное плато стояло в центре стола, и было рассечено “трещинами”, которые делили эту гору вкуснятины на равные квадратики. Пирог источал парок, напитанный таким ароматом, что рот Тою переполнился слюной. С этим надо было что-то делать и Той, не проявив ненужного по его мнению восторга, просто сглотнул это искушение безо всяких эмоций на лице и что особо важно, – он надёжно упрятал под подбородок свой хоть и невыразительный, но задвигавшийся при этом кадык. В обворожительном соседстве с шедевром пекарского искусства остановилось объёмное сооружение салата “оливье”. Сразу было понятно, что оно нарублено с учётом – «останется на утро», потому как ему было суждено раскладываться по тарелкам первым, а, следовательно, в уважительно-маломерном количестве и с неременной присказкой: «спасибо, достаточно». Хотя по сути объёма этого блюда и его сытности, только и исключительно этой еды было бы вполне достаточно, чтобы “встретить” и довести “встречу” до апофеоза, который звучал: «пора бы и по домам». Но, несмотря ни на что, а даже скорее вопреки всему, салат “оливье” во всех советских семьях было принято делать именно с никак не объясняемым «учётом на утро». И эта привычка подкреплялась вдобавок проверенной практикой: утром это месиво, извлечённое из холодильника, очень благоприятно взаимодействовало с рецепторами полости рта, переиспещёнными “основополагающей праздник жидкостью”. Освобождённая от костей селедочка была нарезана на кусочки, лежала на большом блюде и была закружавлена кольцами лука, а также слегка сдобрена постным маслом. Эта обязательность любого праздничного стола расположилась рядом с варёной картошечкой, упакованной до времени вместе со своей тарой в плотное полотенце. «Горячее будет» – ввернула какая-то из девчонок, пригладив немного топырившуюся материю.

– Мочалочкой попользовали или только побрили? – спросил Той ни у кого конкретно.

– Чево побрили? – не прокусила подвоха Марина.

Той указал пальцем на блюдо, на котором упокоилась наломанная на куски варено-обжаренная курица. Но даже эта двойная поварская обработка не помогла этой доходяге освободиться от своего синюшного “прикида”³¹. Явно выраженные последствия систематического голодания в процессе возвращении этой птицы закладывали обоснованные сомнения в бесспорных преимуществах колхозно-совхозного способа ведения хозяйства.

³¹ “прикид” – одежда (жаргон)

– Я лично её опалил на газу, – обратил на себя внимание Фасоль и восклицательно поднял указательный палец вверх.

– Инквизитор! Следует уважительно относиться к последнему желанию замученной голодом твари Божьей, – это произносилось Тоем с выражением лица “небездарного философа”. – А последнее желание оной страдальницы было: наконец-то помыться дочиста и естественно... после этого выбриться... начисто. Хотя бы даже и посмертно.

Все прыснули. Кто-то – открыто и громко-зубоскально, а кто-то – втихушку и кулачок.

– А ты-то почём знаешь её последнее желание? – на полном серьёзе спросил Тюль.

– Вещь нехитрая. Никаких таинств и магии: как чёрной, так и белой. Суть же, будущие новаторы производства, заключена в общих принципах содержания птицы и доведения её до стола. Вот здесь-то и обнаруживаются отдельные недоработки, а в ряде ещё более отдельных случаев – даже халатность. Попробуйте подойти ближе километра к сощобщезитию этого основного поставщика белка для строителей коммунизма. Да! Именно запах немытого и нечесаного тела! Запах и постоянный крик, вызывающий о предоставлении обещанной еды и минимальных санитарных условий для жертвенной птичьей жизни. И вот так: от рождения и вплоть до... стола, – Той огладил воздух над блюдом с курятиной, а девчонки в этом месте лекции изобразили брезгливость на лицах, но Той продолжил своё повествование. – Какое же последнее желание возникнет у тебя перед преданием себя на обеденный стол советского человека? – Той укоризненно посмотрел на Тюля. – ...Окажись ты на месте этой страдальницы, способной к самопожертвованию! – Той воздел глаза к абажуру и правой рукой изобразил нечто подобное пионерскому салюту. – Да! Именно тщательно вымыться и начисто выбриться!.. Покурить, конечно же, напоследок.

Вот тут всех пропёрло по-полной. Выхлоп смеха качнул оранжевый абажур и, возможно, именно его мощь захлопнула открытую форточку.

– Постыдился бы! Опалил на газу... самолично... Прощения хоть попроси. Хоть это-то сподобься сделать, – Той развёл руки в стороны и глядел на Фасоля.

– У кого? – машинально выпалил Фасоль.

– У кого, у кого. У жертвы инквизиции. У кого же ещё, – Той прискорбно скосил глаза на тарелку с курятиной.

– Тьфу ты чорт! Хватит уже! – обиделся Фасоль и надул губы.

Дальнейшее представлялось неинтересным и все вновь засуетились, расставляя стулья вокруг готового к раздаче стола.

Той продолжил заинтересованно изучать предстоящее меню, явно мешая и ограничивая возможности создания “рабочих мест”. Остальной ассортимент пиршества был более чем традиционен. Квашеная капуста соседствовала с солёными огурчиками. Особого внимания Тоя удостоились грибочки, разбившиеся на две примерно одинаковые площадки: в первой, сконцентрировались солёные грузди и бычки, в соседней – маринованные маслята и красноголовики. Ближе к центру стола стояла эмалированная кастрюля – предмет невероятной роскоши для советской семьи – она была наполнена гречневой кашей. Чуть левее на гранёном стакане как на пьедестале стояла баночка “шпрот”. «Шиканула Лизка. Явно у предков из загашника вымела. Нагорит ей, – размышлял про себя Той. – Интересно, а на всех-то хватит этой вкуснятины?» – завершил он осмотр дефицита, пытаясь вычислить количество рыбок в баночке, но спутался и прекратил. Отдельной роскошью восседала на столе массивная ваза из штампованного хрусталя; импозантности ей придавала высоченная и толстенная ножка, вцепившаяся в столешницу всей своей растопыренностью. Содержимое вазы очень точно характеризовало неустанную заботу партии и правительства о вверенном им населении. В «стране вечнозелёных помидор», к коей относилась большая часть СССР, мандарины были пределом мечтаний и олицетворяли своим присутствием фруктовый рай. Поэтому именно они и находились в самом престижном предмете быта советского человека – предмете гордости и символе достатка. И

неважно, что эта ваза имела на себе неизгладимые следы неудачных падений; эти последствия были толсто преодолены клеем, всегда имевшимся на очень оборонных предприятиях страны.

Мандаринами одаривали трудящихся к новогоднему празднику, и это было доброй традицией властей. В каждом выдаваемом подарочном наборе было от одной до трёх мандаринок и это количество очень точно и справедливо должно было соответствовать статусу получателя набора. Отдельные же категории трудящихся: такие как герои социалистического труда, кавалеры всяческих орденов, не говоря уже о партийных, советских и хозяйственных начальниках, они, конечно же, не чета “работнику обыкновенному”. А поэтому их отоваривали через спецраспределители, и единицей измерения там был не “набор”, а более привычные для этих категорий людей килограммы. Ведь это же было бы не по-советски, когда и если бы деньги являлись мерилем возможности. Только статус человека может и должен определять количество и качество еды. Родители же участников сегодняшнего новогоднего застолья не принадлежали ни к какому из статусных тейпов, а, следовательно, итогом такого положения дел являлось то, что в штампованном хрустале развалилось чуть меньше десятка мандаринок с неудавшейся судьбой их хранения. Тут и там между мандаринами были уложены шоколадные конфеты “Весна”, которые Той терпеть не мог за их приторно-тягучую начинку. На самый низ вазы (для имитации объёма) были насыпаны карамельки в сахарной пудре, выпускавшиеся пищевой промышленностью без фантиков.

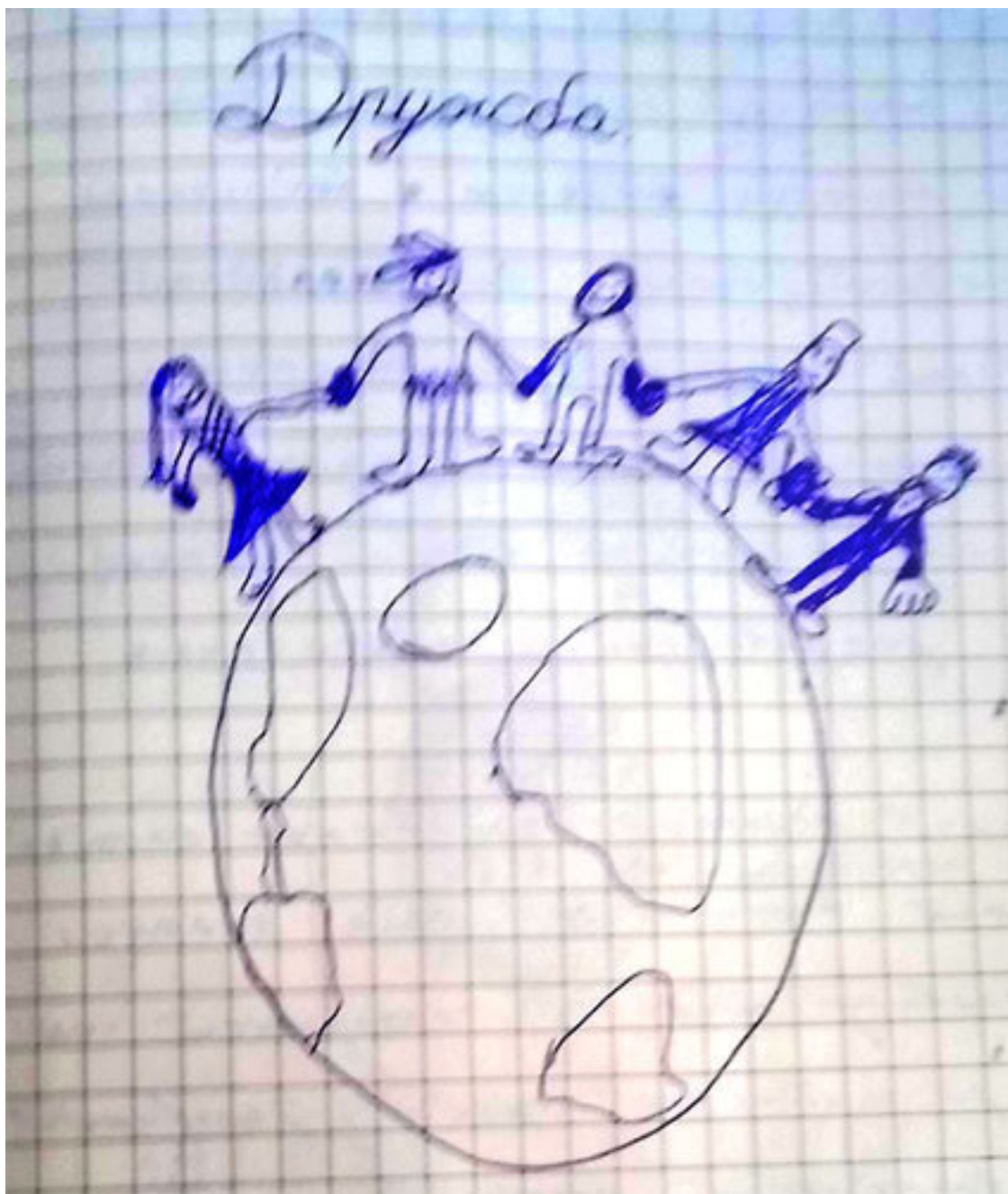
Той шумно-демонстративно втянул воздух ноздрями, чуть склонил голову к вазе и, удовлетворённо крякнув, изрёк:

– Традиции нового года в запахах вполне себе удались. Время не ждёт. Пора. Старый надо оценить, выдать справку и выпроводить, – сказав это, Той глянул на часы, придвинул стул и сел за стол.

Видимо, получилось так, что он сел как-то “не к месту” или кто-то подумал, что он должен был сесть лицом к ёлке, ну или уж хотя бы ещё как-то, но точно не так. А поэтому все продолжали стоять, примериваясь.

– Ты бы вон туда что ли, – предложил Фасоль и указал рукой на стул по центру стола.

– Не манерничай, – скороговёрил Той, придвинул ближе к себе ещё один стул и, указав на него пальцем, очень по-доброму улыбнулся Фасолю. – Садись рядом.

Всё тут же разрядилось и пришло в толкучую суету. Фасоль устроился рядом с Тоем, но прежде он почти насильно всадил в стул возле себя Нину, которая слегка потрепыхавшись, уступила его “мослатой” силе. Анастас попытался было занять место с другой стороны от Тоя, но тот захлопнул ладонью, стоявший рядом стул и очень логично упорядочил все последующие рассадки:

– Разрядитесь. Как разливать будете? Мальчики будут наливать себе, девочки – себе? Это неправильно! Девочки должны наливать мальчикам... С целью контроля и в ряде случаев даже – экономии. Хозяйка, садись сюда, – Той прочертил рукой путь Лизы к стулу возле себя.

Всё дальнейшее было несложно и свершилось к общему удовольствию.

– Парни! Вопреки сказанному мной ранее и чувствуя вашу окрылённость в благородном порыве, прошу налить и даже наполнить бокалы, какими бы стаканами они не были, – дал отмашку Той началу застолья.

Первый разлив был свершён чрезмерно церемонно: с вопросами глазами и словами об объёме зелья, заливаемого в стаканы. Но всё кончается, а потому завершилось и это, а наступило, как это обычно и бывает, лёгкое молчаливое замешательство с поглядыванием друг на друга и всех на всех. Той внимательно разглядывал водку в своём “бокале” и... молчал. А ведь витало какое-то предположение, что начать должен именно Той. И вся эта тягомотина завела к тому, что тут и там стали возникать тихонько шушукующиеся междусобойчики. Всё двигалось к хаосу, и признаком этого была парочка попыток Анастаса «опрокинуть первую». Но, запаркованная рядом с ним Марина весьма эффективно и столь же ненавязчиво, а лишь силой своего временного междометия и совершенно без рукоприкладства, гасила логичный порыв неокрепшей души алчущего. Томление готово уже было превысить порог терпения, когда и вовсе для всех неожиданно жажнул по застолью Тюль:

– Предлагаю, спровадить! – очень членораздельно произнёс он, предварительно встав со стула и подняв стакан на уровень своих глаз.

– И всё? Может, ещё что-то скажешь? Разовьёшь... Раскроешь тему, – требовательно-иронично завесила вопрос Лиза.

Дальше вразной последовали предложения от многих и ни от кого конкретно. В общем, посыпались советы.

– Может ввести в сюжет тоста пару-тройку героев?

– О роли личности что-то бы вставить.

– Руководящая и направляющая совсем не обозначена.

– Нет героики. Надо бы добавить.

– Лучше уж растворить и немедля замешать.

– Неплохо. Но всё же целесообразней было бы запарить.

– Вот глупости говорить не надо. А надо перегнать и лучше дважды.

– Перегнать уже не получилось. Надо ставить реальную задачу – догнать и выгнать.

– Ближе к реальности, товарищи. Надо уменьшить отставание и увеличить запыривание.

– Ничего не сказано про роль родителей.

– Нет убедительных доказательств преимуществ.

– Тема любви вообще никак не затронута.

– Успеваемость. Этот важнейший аспект следовало бы осветить более подробно.

– Проблема отношений отцов и детей вообще лишь вскользь упомянута и нет даже намёка на способы её решения.

– Что касается способов. Так они вообще не усматриваются. Ни одного способа. Это как?

– Неизбежность постройки коммунизма у тостующего не пронзила, как красная нить белую рубаху.

– А я бы даже сказал, что эта неизбежность как-то утрачена что ли?

– Счастья и красоты во всём. Вот это хотелось бы раскрыть пошире.

– Но, не чересчур широко. Чтоб не сбёгли.

– Постоянно растущий недостаток следует выпятить.

– Нет. Слишком выпячивать не надо. И так уже трудно недостаток доставать. Всё, что выпячивалось, пойдись теперь найди.

– Не припомню. Что-то о взаимоотношениях в семье – ячейке общества – было сказано?

– Припоминать ячейке и уж тем более лезть в неё не нужно. Тостующий правильно уклонился от этого.

– С уклонистами нам не по пути. Тут следует ещё, и разобраться: в какую сторону уклонился.

– Уклониться надо не с целью, а просто, чтоб не прилетело.

– Тут следует терпеть. Что бы, куда бы и как бы ни летело. Терпеть!

– Если только когда совсем уж невтерпёж. Тогда да. Это ж ясно. Лопнуть может.

– Взгляд в будущее вообще не был брошен.

– Взгляд вообще был заброшен в прошлом.

– Но, в целом, достойно Тюль! – неожиданно включился в дискуссию Той, прекратив рассматривать свой стакан; за столом примолкли, а Той продолжил. – Считаю, что осветил отходящего в полной мере. Даже где-то заставил переосмыслить... где-то – домыслить. А прозвучавшие в тосте выводы убедили меня в том, что провожаемый явил себя как вполне уважаемого. И спасибо. И скатертью дорога! – Той шумно выдохнул и слил в себя содержимое стакана.

– Помянули, – пояснил он недоумевавшим девчонкам и стал складывать себе в тарелку картошку и солёности.

Компания рассмеялась и выпила не чокаясь. Большинство “успокоило первую” пирожком. Той тоже выбрал себе кусочек и, отпробовав, отметил вначале про себя, а затем и вслух «отменный вкус этого конгломерата теста и картофеля, в меру сдобренного лучком, предварительно обжаренным под светлое золото».

– Удалось, – вкусно добавил он и усилил удовольствие от пирога кусочком селёдки.

– По второй! – выпалил Анастас, ловко разлил водку по стаканам парней и поставил уже пустую бутылку на стол.

– Покойника водрузил, – строго сказал Той. – Под стол её... школьник.

– Виноват. Исправлюсь. Век живи, век учись! – Анастас схватил пустую бутылку и умчался на кухню. Вернулся он порожний. Не присаживаясь тут же взял со стола стакан и, выпихнув из себя быстроговоркой: «Прости, прощай», вознамерился опрокинуть “вторую”, но чуть замешкался и был остановлен уверенным голосом Тоя:

– Поставь! Не прости!.. Совершенно не раскрыл тему.

– Да, Тюль раскрыл, а я нет. Смешно!

– Тюль прочувствовал и привёл неопровержимые доказательства, – Той облокотился на стол и, сконстратив задумчиво-дискуссионное лицо, призвал им компанию к обсуждению.

Анастас сел, но продолжал фиксировать стакан теперь уже двумя руками, бережно передвигая его по столу из стороны в сторону.

После “начальной” и без должной “подстилки” зелье моментально подогрело пищеварительные котлы, выбросило первый парок в пытливые головы, коеи потребовали от рук «долить», а от речевых аппаратов – быстренько закруглить возможную затяжку “дозаправки”. В итоге предложенная дискуссия ограничилась мгновенной переключкой.

– Замечательно по смыслу.

– Отлично.

– Вполне.

– Ццок! – с поднятым вверх большим пальцем.

– Вооо! – с поднятым стаканом.

– Bravo, bravo!

– Ну, да! – ещё один стакан взмыл вверх.

– Всем, всем, – очередной сорванный со стола стакан дистанционно отчокался с туловищем каждого из сидящих за столом.

– Убедительно! По второй! – плотный хват за ёмкость, но без её подъёма, а как будто чего-то выжидая.

– Ну! Хааа! – это переключка докатилась до Анастаса и он, вдохновенно выдохнув, стремительно заправился, хлопнув пустым гранёным сосудом по столу.

Остальные синхронно вытворили тоже самое. Анастас и “вторую” лишь занюхал пирогом. «Быстро “догонится”» – отметил про себя Той.

После двух следующих удачных попыток достигнуть желаемой развязности, общий смысл был полностью истрачен и водрузился период всё более крепнущих “междусобоев”.

А вот для очередности высказываний и внимательно-осознанного выслушивания наступили тяжёлые времена. Над столом завис общий волнообразный гул, разрываемый энтузиазмом смеха.

Той, свершив парочку безуспешных экспериментов по «захомутанию ситуации под контроль», “хлопнул” в отчаянии сразу половину стакана “прозрачной, как слеза”, но и столь же горькой “деревяшки” и решил повнимательней перекусить и определиться.

Стало очевидным, что зелье разровняло всех без исключения и заслуженно нахлобучило на себя “майку лидера”. «Тут всё ясно! – метил про себя Той, наворачивая картофаньчик с солёными груздочками и поглядывая на Толстого, втихаря лапавшего Лизу, без особых с её стороны возражений. – А здесь, видимо, всё не вдруг, – усомнился он в успехе совершенствования отношений между Фасолем и Ниной. – А настырность-то не только города берёт, но и чё попроще тоже, – заключил Той чуть дольше допустимого по ситуации приглядевшись к действиям Тюля, поглаживавшего рукой спину Любы, а глазами – её прилично топырившиеся сиськи. – Ну, а это явный облом, – определил Той, обнаружив полную импотенцию Анастаса к казалось бы интересантке – ещё одной Любе». Она тщетно пыталась кормить Анастаса с ложечки и заглядывать ему в глаза. Анастас проявлял устойчивые симпатии лишь к “почуть-чуть”; и “почуть-чукнув” в очередной раз он впал в состояние бессмысленного улыбочивого созерцания конкретно всего и ничего в частности. Анастас периодически даже встречивал в какой-нибудь “междусобойчик” и “ляпал” что-нибудь предельно короткое, но при этом столь далекое от темы, что естественно даже не был учтён как фигурант обтолкóвывания чего-то. Сам же он, удовлетворившись своим “точным добавлением”, одиноко отсмеявшись, вновь впадал в приятные раздумья. “Люба вторая” осознав, что “тянет пустышку”, решила видимо присмотреться к Тою и окатила его таким откровенно-долго-пахабным осмотром, что у того чуть не вывернуло изнутри только начавшую приживаться “тубареточку”. Впрочем, своевременно сброшенный отмаринированный красноголовик очень убедительно понудил зелье не трепыхаться и, в конце концов, успокоиться уже, а запрессовавший всё это сверху картофель пресёк процесс эвакуации окончательно. Той поначалу хотел сдерзить Любе, но потом весьма деликатно отряхнул голову и туловище от липкой “приставучести” и, улыбаясь, сказал:

– Люб, ты бы приголубила Анастаса... Нето он кончится от осознания отвергнутого.

– Фш, пш, – отшипела Люба обиду на несовместимость ближайшего будущего и оплакала это хорошеньким глотком вина.

Всё дальнейшее её пребывание на празднике было замалёвано обидой и вплоть до того момента, когда возникла необходимость препроводить Анастаса в маленькую комнату «слегка соснуть». Соснул Анастас примерно часок-другой, по крайней мере, некоторым так показалось. Вновь предьявлен компании он был опять же “второй Любочкой” и скорее заспанным, нежели соснувшим, но тщательно заправлено-застёгнутым, правда, не без помятостей в одежде. Пониманием того, что с ним происходило в этот часок-другой Анастас не обладал, а единственной целью его “пробуждения” было его восклицание: «Ну, мы, в конце-то концов, встретим?». То есть он помнил: где он и зачем он здесь! Он был в реальности и лишь чуточку приотстал. Правда, убежавшие вперёд были уже столь далеко, что не обратили никакого внимания на порыв его заблудшей на диван души. Сам же возвратившийся не стал терять времени на пустое, он изящно влил что-то во что-то и, произнеся «да здравствует!», быстро всё это проглотил.

– Ну и ххх... – Анастас поперхнулся, выкашлял затык и желчно зашипел. – Херали вы тут?.. намешали. Ужас какой-то! – он подыскал ещё один непустой стакан на столе и проникновенно вымолвил. – В общем, с праздником... – тут он немного задумался, видимо вспоминая с каким и варианты, скорее всего, у него были, но в итоге не решился выбрать и упростил. – Короче, будем!

После этого Анастас беспощадно высосал всё содержимое стакана, в котором, наверное, была вода, потому как лицо его аж вывернуло от разочарования. Его алчный взгляд зашарил по столу, но от безысходности обнаружить хоть что-либо из спиртного перепорхнул повыше и обнаружил... ёлку!

– Ё...! С Новым годом! – окончательно вернулся в реальность Анастас.

– Той, с Новым годом! Давай по стопаку! – зажалобил он, пытаясь встать, чтобы добраться до Тоя. Но Той “указно” поднял вверх палец и повелел Анастасу квартировать на прежнем месте:

– Присядь, нетерпеливый. Всякая вещь имеет свой порядок: сперва Фасоль должен открыть шампанское.

Поначалу на эти слова Тоя никто не обратил никакого внимания. Каждый – в общем гуле голосов – был занят самим собой и ещё кем-то. Тогда Той взял вилку, потискал её в руках, что-то оценивая и отложил в сторону, в чем-то не убедившись. Затем он своим закасавшимся-рассеянным взглядом ощупал ближайшую к нему часть стола и, утвердительно «вокнув», извлёк столовую ложку из натюрморта с опятами. После этого Той немного подумал, оценивающе прищелкнул и слегка прорядил кучку осиротевших без ложки опят, вычерпнув из неё наиболее изысканный по его мнению экземпляр. Затем он аккуратно подтащил ложку ко рту, балансируя вихлявшего на ней туда-сюда грибочка, дольше нужного задержал ложку перед развёрстыми зубами, уговаривая себя довершить уже, в конце-то концов, начатое. Но что-то изнутри убедило его всё же не делать этого и, прошептав «пажди, чуть позже», он вернул опёнка к собратьям, который не преминул тут же юркнуть на самое дно плоскости. Той, не упустив из вида этой хитрости гриба, ухмыльнулся и вслух изрёк:

– Пропитайся пока рассольчиком покруче.

Завершив на сём общение с дарами леса, Той выпрямил лицо и глаза, придвинул к себе недавно опустевший стакан, приподнял его над столом, удерживая за нижнюю юбочку и, прихватив ложку двумя пальцами другой руки, принялся молотить ей по стенкам внутри стакана, постепенно наращивая частоту и громкость боя. Результат сказался не вдруг. И всё же через некоторое время бой по стеклу выключил гул и привлёк к звонарю расфокусированные взоры. Окончательное успокоение жужжания за столом и обретение возможности восприятия происходящего подвигло громкое Фасолево «тцщщщщщ», длившееся от полного вдоха до аномально глубокого выдоха. Столь усердное участие в подготовке “к чему-то” выкрасило лицо Фасоля сначала в красный цвет и затем мгновенно выбелило его; глаза тоже и обязательно приняли участие в организации “чего-то”: первоначально они почти укрывались за веками, а к моменту “красного лица” они вылупились и непонятно чем удерживались в местах положенной дислокации, но в конце – при отбеливании физиономии – они приобрели изящество надменной сопричастности к чему-то очень важному.

Общий хмель без особого желания уступил место взбалмошному шипу всех на всех в призыве к вниманию, почти уже поверженному к этому моменту застолья. Остатки способности к концентрации приостановили галопировавший процесс освобождения от условностей и вернули позы искушённого желания в изначальное ожидание.

Той же, как будто не усмотрев произошедшей за столом перемены, продолжал извлекать из стакана звуки, постепенно начинавшие даже напоминать какую-то мелодию. Усердие, с которым он “музицировал”, захлопнуло ему веки и, стянув кожу в центре лба, распахало на нём две глубокие канавы. Но процесс творчества стала нарушать нога Марины. Сидя аккуратно напротив “звонаря”, она вытянула под столом ногу, дотянулась аж до колена Тоя и принялась наглаживать его подошвой. Столь неожиданная дерзость сбила строй “мелодии” и проковыряла сонм век, сведённых в сладком творчестве. Той, чуть не выронив стакан, упёрся глазами в маслянистый взгляд Марины, который она ещё отчаянней запахабила, но, правда, и колено Тоя

освободила при этом от массажа. «Не моё – подумал про себя Той, – полновата да и чересчур грудаста».

– Фасоль. У тебя только три минуты на то, чтобы принести и откупорить и ещё одна на то, чтобы разлить, – с этими словами Той воззрился на ходики, висевшие на стене.

Взгляды всех единодушно переключились на мерило времени. Осознание столь близкой точки перехода к следующему дню рождения спровоцировало деятельную подготовку. Лиза суетливо забегала вокруг стола, собирая в большую миску отходы пира из тарелок участников застолья. Любы побежали на кухню «кое-чего подрезать» при этом – на выбеге из комнаты – они столкнулись с Фасолем. И только новогоднее чудо, в тесном взаимодействии с широкими мослами Фасоля, не позволили в пух и прах разгромить праздник битьём бутылки с шампанским об пол. Фасоль сумел-таки сцапать – буквально у самого пола – выбитую у него из рук бутылку. И его «ё... твою мать» было воспринято коллективом не как грязное ругательство, а лишь как выражение им восторга от содеянного собственного подвига. Фасоль мгновенно стал героем эпизода и оставался таковым вплоть до начала разлива шампанского по стаканам. Все эти четыре минуты он буквально светился изнутри, и распаянная от края до края улыбка подсвечивалась его гордыми “мушинскими” глазами. Даже Нина снизошла до целования его прямо в раскрытый от удовольствия рот, но впрочем, тем всё у них и ограничилось.

Марина тоже поучаствовала в подготовке. Взяв газету, она быстро сметала на неё крошки со стола напротив каждого посадочного места, а добравшись в последнюю очередь до Тоя, стала делать это более тщательно и всё норовила при этом потереться своими массивными сиськами то о его плечо, то о его лицо. «Эвон, как тебя зацепило» – хмурился Той, уклоняясь от навязчивых телесов. Впрочем, любую подготовку следует своевременно прикончить, тем более эту, которая норовила уже перерасти в дальнейшее действие. Той же терял время, а алкоголь пользовался моментом. И когда Той всё же решил подняться и отойти, он тут же был обхвачен как бы терявшей равновесие Мариной. Усугубил всё это ещё и Толстый, который юркнул глазами за движениями возбуждённой девицы и заулыбался.

– Раздачу и приборку завершить! – слегка пьяновато сказал Той, плавно отстранившись от Марины и уже твёрдым голосом закрыл героическую эру Фасоля. – Наполняй!

Фасоль воодушевлённо приступил к обязанностям, обходя стол вокруг и, примериваясь пальцами, разливал шипучку по стаканам. Однако глазомер его был уже сбит, так как в его собственный стакан упало лишь несколько капель, оставшихся в бутылке. Фасоль сменил улыбку героя на общетелесное выражение стеснительного неудачника и вытряс ещё пару капель из перевернутой вверх дном “бомбы”. Все дружелюбно рассмеялись над «наливальщиком» и “скинулись” по-очереди в стакан Фасоля. В итоге у него образовался почти полный гранёный сосуд.

– На то и был расчёт, – завершил процедуру делёжки Той.

Фасоль окончательно застеснялся и покраснел срединами щёк. Он сделал попытку помянуться стаканами с Ниной, но та не далась, и ему посчастливилось лишь слить часть жидкости в её стакан, подкараулив мгновением позже удобный для этого момент. На том под общий одобрительный смех и завершилось “начало”. Ходики подобрались к снятию запоров с домика кукушки, и “продолжение” вот-вот должно было начаться.

Той, настойчиво сосредотачивавшийся в процессе наливов-переливов, наконец, что-то в себе выявил. Он поднялся со стула и принялся отчаянно пытаться переделать своё лицо: сначала он со скрежетом зубов расширил скулы и заузил губы, одновременно намереваясь оттянуть вниз подбородок; потом он сморщился и избородил лоб глубокими морщинами, но при этом у него совершенно заузились глаза и напрочь пропали скулы. Ребята посмеиваясь смотрели на этот спектакль, догадавшись что Той безуспешно пытается втиснуться в облик директора школы. А уж когда тот характерно огладил волосы растопыренной пятернёй и чуть откинул голову назад, за столом единогласно прозвучало разочарованное: «Мдаа...». А Лизка, так

та вообще: опёрлась локтем на стол, сложила подбородок на ладонь и, постукивая пальчиками по верхней губе и щеке, иронично-презрительно изрекла: «Не верю». Все с удовольствием засмеялись, но Той предпринял последнюю попытку: он заложил руки за спину, чуть наклонился, вытянул голову немного вперёд и всё-таки решился и заговорил:

– Старшеклассники! Через некоторое время... и уже очень-очень скоро мы наконец-таки выпустим вас отсюда в добрый путь... и на все четыре стороны! Кто-то из вас поступит в институт... уедет далеко-далеко. Кто-то придёт сразу на завод... там же. А кое-кто будет работать в сельском хозяйстве страны... на целине. Другие будут защищать наше отечество... на границах необъятной Родины... – Той замолчал на несколько мгновений, сделал лицо человека, проживающего суровые будни, и продолжил гневным голосом. – Да! И прекратите, в конце-то концов, тушить чинарики о “Моральный Кодекс строителя коммунизма”! Вы разве не видите, что мы в рамку поверх него вставили толстенное стекло?! Вам уже никак не удастся его подпалить... а Нюше лишняя работа!

Изрядно захмелевшие уже слушатели вдарили разухабистым смехом по относительной тишине застолья, да так, что тюль на окне прикинулась “парусом под тугим ветром”. А откуда-то с краю прозвучало: «Да – Акимич, но...».

Той провёл ладонью перед лицом и, выйдя из неудавшегося ему образа, поднял стакан, вытянул вперёд руку на уровне груди и, дождавшись когда “парус” сдуется, а занавеска вновь станет сама собой, очень симпатично улыбаясь, сказал:

– С новым учебным годом, учащиеся! А если серьёзно... С Новым годом!!!

Той стоял, держа в вытянутой руке “бокал” с шампанским, и будто бы собирался с мыслями. Все тоже решили, что он сейчас что-то обдумает и продолжит, а поэтому тишина победила нетерпение и наглухо утрамбовала комнату. И тут – в этом вязком ожидании – в ходиках неожиданно что-то щёлкнуло, зашипело и, из открывшейся дверки вылетела кукушка. При полной тишине за столом она проделала двенадцать раз положенное ей “пение”, юркнула в домик и захлопнула за собой дверь.

Лишь секундная задержка отделила хлопок двери от громогласного «урраа» на все лады и переливы. Дружное и беспорядочное чоканье слегка поубавило напитка в стаканах, но брызги шампанского лишь усилили восторг. Шипучее вино взбодрило прикорнувший на время энтузиазм, и он вновь объединил весь стол в желании всех и каждого что-то сказать от себя и для всех, но своё и одновременно со всеми. Всё произносимое накладывалось друг на друга и замешивалось в невероятный компот, заливавший комнату сладостью добрых пожеланий и веры в неизбежное счастье. Чего здесь было больше: паров шампанского или просветлённого истинного сознания, освобождённого из тенёт юношеской показной дерзости – не суть. Совершенно очевидно было лишь то, что на данный конкретный момент всё это было абсолютно искренне.

– Всех с Новым годом! Всем успеха во всём! – сияющие восторгом деликатно-голубые глаза.

– Будьте все счастливы! – широченная улыбка, демонстрирующая ровные соблазняющие молочной белизной зубки.

– Вот чтобы всё было воот! Так! – горящие острой волей глаза и закованный в нервы большой палец, проткнувший всё вверх.

– С Новым годом! Всего лучшего! – бархатный тихий выдох, спроваженный ласковым карим взглядом.

– Любви! – как потаённый шёпот, погружённый в синеву искушающих глаз.

– Дружбы, блин, нам! – бледно-голубой вулкан с прищуром.

– С Новым годом, с Новым годом, – торопливое участие, умягчённое зелёными огоньками очей.

– Всем всего по-всякому! – хитринка разлитого крепкого чая из щелочек глаз.

– Пусть в будущем всё будет настоящим! – тёпленький серенький блеск через выкатившуюся слезинку...

Постепенно – под напором винных испарений – коллективное начало было вытеснено желанием индивидуально-потаённого продолжения. А перекур на балконе позволил некурящим преобразовать помещение из пиршеского убранства в затемнённо-танцевальный зальчик. Стол сложился и, втиснувшись в узкое пространство между ёлкой и стеной, сбросил с себя всю предыдущую сервировку, сохранив лишь спиртное да несколько стаканов. И даже гордость советской стекольной промышленности с остатками сладостей и одиноким уже очищенным мандарином вынуждена была ютиться на подоконнике между горшком с алое и стопкой старых газет, заготовленных для нарезания и использования в сортире – то есть по их первоначальному предназначению (мягкость бумаги была на должном уровне, а неудобство состояло лишь в том, что она была выпачкана чёрными буквами и чёрными же фотографиями). Стулья и табуретки отковыляли частью на кухню, частью в прихожую – она же коридорчик между входной дверью, кухней и «большой комнатой». И эти столярные изделия, дислоцированные в полутьме, требовали высокой концентрации внимания при свершении перехода в туалет; а вот поспешность и разболтанность в этом походе привели впоследствии к болезненным столкновениям с табуретами некоторых представителей “подвыпивше-сильного пола”. Было даже зафиксировано единичное падение, правда, не потребовавшее лекарского вмешательства, а залеченное только и исключительно изрядной порцией тихого мата. И этот недолго продолжавшийся процесс самолечения прекратила хозяйка жилища, отдавшая точное распоряжение:

– Хватит! Иди уже, отдохни.

Выполнить это наставление пострадавшему помогли Фасоль и Тюль, немедленно освобождённые своими партнёрами от участия в очередном танго. Они весьма участливо препроводили каскадёра – неудачника в “чистилище мочевого пузыря” и потом тут же доставили облегчённого Анастаса в «будуар для отдыхающих», вверив дальнейшую заботу о нём по-прежнему на что-то рассчитывавшей Любе.

Ёлка, украшенная немногочисленными лампочками, стыдливо укрывшись за ветками с опушившимися иголками, вступила в сговор с музыкой, липко заполнившей всё оставшееся без света пространство. А всё это вместе запустило понятные фантазии в головах. Всякий устроил для себя свой предел мечтаний. И шуршащий поиск компромисса периодически нарушал идиллию возбуждающей темноты и музыки, умеренной в громкости. Затемнение было весьма комфортным для танцующих, погружённых в свои “искания – находения – несопротивления” и одновременно вполне недостаточным, чтобы была возможность что либо воспринимать по-своему фантазирующими соседями. Но в тоже время степень затемнения была не столь радикальна, чтобы сокрыть происходящее от наблюдателя, пожелавшего присмотреться. Той подошёл к заскучавшему одинокому столу и, взяв первый подвернувшийся под руку стакан, принципиально-самостоятельно “намахнул”. И тут же чуть было не вытолкнул фонтаном всю эту жижу обратно. Но ему всё же удалось как-то вглотнуть в себя эту бурду. «Бл, вот намешали! Водка, вино, рассол, ещё какая-то херня... жжж...» – содрогнулся он, прогоняя остатки мысли, искавшей рецепт этого замеса, и тем помог себе окончательно утрамбовать этот неизысканный коктейль. Справившись с дозой «непонятно чего», Тою вдруг взбрело в голову проверить “отдыхающего” и он, пробираясь сквозь танцующих, слегка отклонился от правильного направления. Тогда, примерно соизмерив все предметы между собой и наложив одно на другое, он стал корректироваться, но тут при выверке пути он ощутил приятную лёгкую разболтанность между своими глазами и ногами, и на, казалось бы, таком небольшом отрезке пути, он столь жёстко повздорил с косяком двери, что готов был вдарить ему в ответ. Но, покрутив ушибленным плечом, решил всё же поберечь свой кулак... да и ногу тоже – его злопамять в данном случае аукнулась пользой для организма.

Из освещения в «будуаре» был лишь бледный фонарный столб на улице, зачехлённый в задёрнутую на окне занавеску. Анастас распластался на кровати в призывной позе – «Свободу Анжеле Дэвис!». Люба пристроилась рядышком, весьма удачно используя для себя всю архитектуру «интернационалиста». «Тут всё складно и для спящего и для использующего спящего» – заключил Той, развернулся и, неприветливо поглядев на косяк, настырно продолжавший стоять на своём, вышел из комнаты.

На этот раз он более расчётливо прокуролесил через медленный сонм танцующе-целующихся и попал точно к цели – к дивану. «Осмотреться» – вывел Той насущную необходимость, присев в самом уголку. Ему пришлось придвинуть свои ступни вплотную к мебельному дефициту «дабы никому “неподно́жить”». После этого Той залепил морду ладонью, оставив небольшую щёлку между пальцами и принялся «осматриваться». Но тут же его подготовка была вероломно нарушена Ниной. Она, подтанцевав к дивану, скинула со своих бёдер мослы Фасоля, цапнула Тоя за руку, заслонявшую его лицо и, потянув к себе, самоуверенно потребовала:

– Пошли, Той, потанцуем.

Той же, не обнаружив в себе никаких сомнений, отобрал свою руку у Нины, опешившей от такого исхода, и, вновь приладив её как маску, пьяненько пробурчал:

– Пажди... пажди... пасижу.

Фасоль одобрительно крякнул и снова захомотал Нину, опустив хват за бёдра чуть ниже ранее достигнутой допустимости. Такой поворот событий видимо сильно огорчил девчонку и подвиг её к кардинальной перемене танцобстановки. Свершив громкий хлопок ладонями по мослам Фасоля, тискавшим её с ползучим понижением, она подскакала к проигрывателю и остановила тягучую нудную мелодию.

– Танцуют только девушки! – изрекла она недоумевавшим соискателям удовольствий.

Короткая пауза в осмыслении происходящего завершилась всеобщим одобрением содержательного продолжения музыкальной темноты. Зазвучавшая композиция была весьма удачна для демонстрации возможностей томящихся в нетерпении женских начал.

Той сперва по инерции, а затем вдруг с аналитическим интересом стал наблюдать за телодвижениями девчонок. Он впервые для себя принялся раскладывать и складывать каждое отдельное движение вихляющих фигурок в целостные каскады, пытаясь предугадать будущую женскую сущность танцующих. Это занятие весьма его увлекло и даже не позволило ничего воспринять из бурчания Толстого, присевшего рядом с ним и пытавшегося толчками локтем в бок, возбудить интерес Тоя к своему сказанию о чём-то. Той на это никак не реагировал, он изливал потоки делаемых им выводов внутри своей сути. «О, весьма... эта будет очень нетерпелива и ненасытна... но и взбалмошна... А эта точно хорошо обживётся у плиты... и если фартучек в цветочек, то будет очень даже приятно-симпатично... Тут не очень ясно что... но чересчур угловато и плосковато... в общем, как-то нервно и неудобно... Это как-то тяжело-слоновато... сонливо-лениво... чуть бы аккуратности... да-да именно вот тут аккуратности бы... и вот здесь причесать... да, и подмести бы не мешало... О, это очень гладко... и мягко... и плавно... и тихонечко-шепталельно... и пухленько так всё... сюсюкально... но, чересчур тоненько-тихонько... А здесь просто марш вояк... тут всем телом призыв-порыв... совсем всем телом... особенно вёрхом... не низом с полунизом, а именно вёрхом... в общем, тут всё верхом...».

Музыка закончилась совсем уж неожиданно и противно некстати. Той понял, что он упустил и не соотнёс движения фигур с фактическими лицами. В его голове даже чуть было не прижилось осознание того, что число разнообразных выводов по фигурам превысило число реальных фигур, бывших в наличии и танце. Но это мимолётное сомнение его ни сколько не озаботило, потому как реального длинного интереса ни к одной из присутствовавших девчонок он не испытывал.

Его возникший интерес был цинично-изучающим, а интрига подогревалась его гордыней способности к предвидению. Но всё на свете также конечно, как и желание безответно терпеть тычки локтем в рёбра.

– Не расшиб? – спросил Той, приложив ладонь к своему боку.

Толстый от неожиданности сглотнул начавшее извлекаться очередное неприличное словцо и, судя по звуку, заглотил его прямо в желудок. Он уставился на Тою своими узкими широко открытыми глазами, требуя пояснений... ну, или уточнения вопроса. Толстый даже не мог предположить, что Той вообще не слушал его пересказ запущенной кем-то сплетни о том, как якобы Юрка по прозвищу Резак тискал Марину прямо в гардеробе школы.

– Я говорю: локоть себе не расшиб? – уточнил Той, отчаянно пытаясь въехать в то, что так заколодило Толстого.

В итоге оба и спьяну, так и не поняли: кто, о чём и что про что. Тогда к проверке самого себя первым приступил Толстый:

– Я грю, что он стянул с себя...

– С кого стянул? – добавил неопределённости Той.

– Ты чё, Той? Я тебе третий... – Толстый прилип губами к уху Тою, потому что девчонки и музыка перешли в стадию безмолвного выжидания «чего дальше». – Я те третий раз грю. Резак сам с себя стянул...

– Хорош уже, а?! Весь бок мне отбил! – настоял на своём Той и тут же качливо поднялся с дивана.

– Перекур... после стаканчика, – объявил он, подошёл к столу и расплескал по гранёным всё, что оставалось в бутылках.

– Выпьем за звонкие ручейки, бегущие от таящего под тёплым солнцем снега! – провозгласил Той тост, прислонил стакан к своему глазу и осмотрел через него всю компанию. Потом он другой рукой закружил воздух над столом, тем самым предложив разобрать приготовленную к возлиянию посуду.

– Тою больше не наливать! – гоготнул Тюль.

– Отдохни, Той. Перепил!.. Перепил? – Фасоль как всегда был осторожно-нерешителен.

– Той, ты чего? – Марина своими ватными телесами прижала Тою к стене без намерения ему “причинить”, но с “явным намерением”...

– И за весеннее пение возвернувшихся птиц! И это неизбежно... И за то, что ничто из хорошего от нас не убежит. Всё одно мы его поймаем... и съедим... А сперва, выпьем! – завершил Той тост и отбулькал всё, что замешалось у него в “бокале” под дружное «урааа» и беспорядочное осмысленное чоканье.

– Перекур! – выхлопнул Той послевкусие этой бурды и, раскачиваясь, двинулся на кухню. Марина попыталась было цапнуться с ним в обнимку, но Той аккуратно увернулся и лишь взбудоражил волну на нахохлившись сиськах шалуни.

Пацаны намахнули и отритуалили девчонкам закусон – кому конфетку, а кому-то достался и ломтик мандаринки.

Перекуривали громко, но без мата, потому как Анастас продолжал отдыхать, а количество выпитого не превысило предела для “отказа тормозов”. Пара-тройка сальных анекдотов в пикантных местах снабжалась либо ухмылкой с пантомимой пальцами, либо неразборчивым шёпотом, о смысле которого можно было лишь догадаться. Впрочем, догнать смысл было совсем несложно, так как из памяти, замороженной алкоголем, извлекались лишь ну очень “бородатые” анекдоты. Да и анекдот ли, рассказ ли ни о чём, просто ли трёп – всё не суть. Важна сама по себе процедура перекура. А перекур молчаливым не бывает. Молчание при курении – это пошлая наркомания. В результате получилось так, что выкурили по две подряд

без заначки “бычка”³² и, как и положено во время питейных перекуров – до обжига пальцев и сплюснутых губ. Толстый после второй затушенной сигареты попытался было вставить в разговор со своей “повестью” о Резаке, но прикуривать третью, хотя бы даже и с «запуском её в круг», никто не схотел. Да, откровенно говоря, и сигареты были горько-дрянные. В итоге и конце, одиноко отсмеявшись непонятно чему, Фасоль распахнул форточку с резонансом «пусть проветрится» и все дружно двинулись “продолжать” – кто-то напрямиком через сортир, а кто-то, пережидая своей очереди в него в коридоре.

«В большой комнате» всё было в ожидании “прибытия”. Свет не только не был реабилитирован, но и окончательно прикончен отключением одной из гирлянд условно-цветных лампочек на ёлке. Хотя если вдуматься – лезть туда в угол под ёлку и при этом ещё исхитриться и не сбросить на пол пусть и немногочисленные, но всё же стеклянные игрушки – было непод силу, да и неохота, да и особо незачем даже и кому-то из наиболее заинтересованных в этом. Скорее же всего, это случилось как всегда само собой и просто в силу необязательности качества для товаров всенародного потребления. А возможно, да и наверняка всё было и вовсе банально: цветные лампочки в гирлянде – это роскошь, и технологически – вот так чтобы для всех – пока недостижимая. Поэтому смекалистый советский человек самостоятельно компенсировал отставание и недоразвитие своими простейшими «дорешениями»: он брал на работе обыкновенные лампочки и замалёвывал их имевшимися там же красками. Правда, «дорешения» не всегда дают желаемый результат, но тут уж как говорится: «на безрыбье...». Зато иногда, как вот и в данном случае, всё сложилось в нужной концентрации и без тяжёлых последствий. Всё, что было в данный момент излишним – перемкнуло где-то там внутри и совершенно без возгорания лесной красавицы. А светомаскировка поднялась на новый уровень качества, обеспечив то, что удача буквально прыгнула прямо в руки парней и через короткое время совершенно запутала их в одеждах девчонок.

Прибывавшие с перекура, преодолев опасности встречи с табуретами, поначалу недоумённо всматривались в тёмные дали, пытаясь вспомнить: «А могла ли быть ещё и другая своротка от туалета или из коридора?». Но девичий перешёпот, выползавший из темноты, убеждал в правильности выбранного пути и воодушевлял руки к поиску. Ошибочность же выбора или нетактичность захвата вышибала из найденных лёгкий и беззлобный визг. Но постепенно всё пришло к должному, а для кого-то – к взаимно нужному. “Чмоки” во взаимодействии с “тискками” потонули в сонно-тягучей нескончаемой музыке.

Той после сдвоенного покура схватил состояние драчливого безразличия. До “неруководного” интима он добрался вовсе даже не без труда, но проявляя... и в итоге преодолел. Тут же, на входе в глубокую темень он был “захвачен”, а сделано это было сверхнастойчиво и без шансов Тоя к отступлению. Это было пленение, оно было дерзким и настолько же похотливым в своём желании. Тьма и пьяная дурь поначалу ввергли Тоя в предположительную неопределённость, но обхватившие его формы придали знаний. То была окончательно раскошегарившая себя Марина. Она истово впиалась в Тоя и намеревалась буквально впихнуть его в себя. Той тщетно пытался соскрести со своего тела раззадоренную темнотой девчонку и испытывал некоторую стеснительность от её сисек, обвязавших его грудь. Но Марина, окончательно вскипев, схватила Тоя за руки и прилепила его ладони на свои пышные ягодички.

– Проводишь потом? – мурлыкала Марина Тоя в ухо и возбуждённо тёрлась о него. – У нас в сарайчике даже и зимой тепло... Ну, не холодно... Я и ключи взяла.

От всего этого мягко-шептательного дурмана в Тое разлился такой компот ощущений, вызванных природным инстинктом, что Той набух... снизу. Марина чётко схватила эту перемену и перешла к довершению запланированной идеи. Она впиалась своими пухлыми губами в рот Тоя и, мощно проткнув свой язык через его зубы, принялась облизывать всё, что было

³² “бычок” – недокурная сигарета (жаргон)

внутри. Это была её ошибка и явный перебор в отношениях. Зов природы – это само собой, но допустить подобную сиюминутность без чего-то, что должно было быть ещё дополнительно и обязательно – это оказалось для Тою совершенно нетерпимым. Он аккуратно отодрал своё лицо от бурлившего страстями рта Марины и надёжно поместил его в совершенно недостижимую зону – на плечо соблазнительницы, поближе к затылку и для верности закопал его в Марининых волосах. Она на какое-то мгновение отрешилась и отстранилась от Тою, но её неодолимое запланированно-продуманное желание вкупе с воображением придали ей дополнительных страстей и она так пригвоздила себя к Тою, что танец перестал уже им быть. Марина тёрлась о Тою как будто её груди и живот обрели тотальную чесотку. И Той тоже включился в процесс, подхватив этот юношеский вирус.

Подобные же “сцепки” обнаруживались шуршанием одежд и тисканьем губ и из других тёмных пристенок «большой комнаты». Наличие музыки перестало быть обязательным атрибутом танцев; сам же танец трансформировался в застой-захват с постоянным поиском нового ощущения для рук. “Горькая” так вдарила по стеснительности, что та немедленно повалилась вниз, взметнув с пола клубы пыли и задрав юбки с ног девчонок.

Той как-то скоро и бессознательно втёрся телом и руками во всё это похотливо-пухлое коварство. Инстинкт и алкоголь сожгли остатки брезгливости и прикончили прочую сидевшую в мозгу эстетическую неудовлетворённость. Похоти объединились, усилив друг друга, и образовали желание. Безучастными ко всему оставались лишь губы Тою; они ещё более настойчиво и надёжней закапывались в начинавших отпотевать волосах Марины. Так всё и длилось и происходило... Прекратилось всё это также резко, как и началось и одновременно с ощущением противной липкости в трусах. Тоем овладела безмерная опустошённая отрешённость. Он сперва весьма деликатно, а затем всё решительней принялся разъединяться с Мариной, продолжавшей своё неистовство. Переход к более серьёзным возражениям предотвратил звонок в дверь.

Возникшая от звона суетливо-шорохливая тишина осветилась розовым абажуром, свет от которого оказался проворней рук, приводивших одежды в положение, принятое при их носке. И из разных обитаемых углов комнаты убаюкано-пьяно зазевало:

- Что за... чё?
- Кто эта?
- Чё это было?

Повторный звонок доказал своё присутствие в реальности и свою необходимость. И уже в следующее мгновение расцепившиеся вольнодумцы испытали нечто между недоумением и пьяненькой заторможенной сообразительностью; лица у всех вытянулись и молча, вопрошали к двери «будуара», открывшейся вслед окончанию звонка. А оттуда абсолютно явно и плотно на “автопилоте” вылутился Анастас. Лоцию ему заботливо обеспечивала Люба; весь её облик являл собой неудовлетворённую удовлетворённость, сдобренную сделанной попыткой и расцвеченную надеждой. Анастас же был сосредоточен неодолимым хотением «отлить», которое было намертво приколочено к его морде, а память его ног, хоть и не твёрдо, но волокла его к унитазу.

– Ты звонил?.. звонил... Звонил?!.. – попытался прояснить ситуацию Фасоль, но в чём-то засомневался и осёкся. Он выпучил глаза, сразу как-то осунулся и затряс головой, пытаясь что-то из неё выкинуть, но это ему не удалось и, в итоге – его заколодило с открытым ртом. Нина слегка хлопнула ему снизу по челюсти и видимо всё же причинила некоторое неудобство, потому что Фасоль клацнул зубами, но мягко и тут же “зафырил” носом.

– Это вы там? Или кто? – прохрипел сухим ртом Той, обращаясь к Любе, а Анастаса придержал за плечо. Но это было уже чересчур, потому что всё решали буквально секунды. Анастас крайне недоброжелательно обрубил руку Тою со своего, терпящего бедствие тела, и проследовал к намеченной ногами цели. В коридоре он сцепился со стулом, но был своевре-

менно поддержан Любой; поверженный стул гробанулся об пол и, отлетев к входной двери, там и упокоился.

– Приведений в доме не держите? – обнаружился в темноте Тюль вопросом к Лизе.

– Барабашка, ты где? Выходи, нальём! – возгласил Толстый, но почему-то смотрел при этом куда-то вправо и вверх.

– Мальчики, а вы случаем, не до чортиков ли нахлебались? Может, хватит уже? – Марина явно требовала прекращения всего этого и продолжения всего того. Она опять липко прижалась к Тою, демонстрируя неизменность своих предпочтений и цели.

Розовый абажур засветил грудь Марины, вновь ожившую томными вздохами и так и напивавшую на Тою, вызывая в нём непоседливое раздражение. Парни, однако, заметили эти демонстративные пыхи-вздохи Марины и выкатили на свои рожи такие откровенные ухмылки, что они совместно с набухшей в Тое злостью на себя составили неимоверно гремучую смесь. Той сжал губы, напряг глаза и выбирал лишь способ того, как «задать трёпку всем за всё и ни за что» и это временно тормозило взрыв его эмоций. Но неизбежный монолог на избранную тему опередил новый звонок, подтверждённый и дополнительными пинками ногой по самому низу входной двери.

– Не родители, – облегчённо заключила Лиза.

– Не соседи? – предположил Фасоль.

– С чего бы? – отсёк предположение Тюль, глянув одновременно и на часы, и на давно отключившуюся в спячке радиолу; да впрочем, она и до этого лишь что-то чуть слышно причитала. А как-то странно смотревшие в разные стороны глаза Тюля абсолютно убедили всех в том, что соседи здесь не причём.

– Милиция? – совершенно неожиданно для всех, но особенно необъяснимо для себя сделала предположение Нина.

Эта вероятность наставила Тою на поиск возможного фигуранта причинных событий.

– Малолетние преступники... – начал, было, он говорить, обследуя неконцентрированным взглядом для начала, наконец-то, отстранённую от себя Марину. Однако очередной “тук-тук” вдруг сопровождался смачным вопросом из-за входной двери, не отличавшейся звукоизоляцией:

– Эй, в хате! Дрыхните что ли? Той там с вами?

– Ермила, ты? – крикнул Той и уже в полной мере отхватил облегчение; после этого он с энтузиазмом зазигзжил к входной двери. В коридоре Той больно-матерно наткнулся на стул, но своевременно и со стуком опёрся лбом о дверь и таки устоял на ногах. После этого дерзкому седалищу была выговорена ещё парочка нелестных прозвищ, и оно было не столь уж бережно передано Любе, поджидавшей Анастаса у дверей сортира.

– Оттащи эту корягу в... кухню. Сожгу на... – Той потёр ладонью вырुчивший его лоб, – ...на газу... блин, – закончил он приговор стулу, нащупав на лбу саднивший вырост. «Вот, бл, ещё и это» – ругнулся про себя Той, надвинул чёлку на шишак и отпер дверь.

Ермила стоял, плотно вцепившись ногами в бетонный пол и дружески лыбился всем своим мускулистым лицом и телом тоже. На левой руке у него, как в кресле, расположилась Галка, обхватившая своими миниатюрными ручонками бычью шею Ермилы.

Галка была младше на класс и представляла собой очищенную от всех обычных выпуклостей и всё же чем-то невероятно женственную фигурку. Когда-то в отношении Галки Тоем было сделано заключение: «В этой девчонке срослись притягательно-отталкивающие особенности».

Вместе же: Галка и Ермила являли собой не объединяемые ничем противоположности. А недоумение многих по этому поводу лишь прессовало взаимное стремление друг к другу этих экстремальных разностей. Один неосторожно-бестолковый парень, назвавший Галку «тараканьей титечкой», был немедленно усажен Ермилой на пол в самом углу сортира и вынужден был

сплюнуть вместе с кровью пару совершенно здоровых зубов. Правда, через неделю он принёс Ермиле «официальные извинения при всех» и получил погоняло Фикса. На том весь конфликт был окончательно преодолён и полностью вычерпан из злопамяти Ермилы, да и Фиксы тоже. Недоумения, как и непонимание отношений между Ермилой и Галкой сменились, пожалуй, искренним восторгом в наблюдении за столь заботливыми друг к другу противоположностями.

– С Новым годом, Той! – Ермила заковал плечи приятеля своей бугристой лапой. – Вот, решили заглянуть, поздравиться.

– А, как узнал-то? – Той дёрнул плечом, желая высвободиться из-под вдобавок ещё и тяжелой руки Ермилы.

– Чирба сдал.

– А он-то откуда? Да, в общем, какая разница. Заходи... те. Ты-то хоть слезь уже, – обратился Той к Галке, продолжавшей сидеть на руке Ермилы.

– Привет Тойчик, с Новым годом. С новым частем! – Галка спрыгнула на пол “подросла нацыпочки” и, обхватив за шею, чмокнула Тоя в щёку. Той обнял Галку за “чересчурную стройность” и переставил её через порожек в коридор, до сих пор ещё затемнённый.

– С Новым годом! – Ермила поздравительно сгрёб Тоя своими чреслами и туго, кратко прижал к себе. – Чё, как тут у вас? Без поножовщины? – высмеял Ермила издёвку и ввалился в коридор, втащив за собой Тоя.

– Гимнастические упражнения преодолены. Пора переходить к водным процедурам, – отдал Той алаверды пьяным баритоном. – Правда, некоторые несознательные товарищи только-только откинулись от бессознательной спячки.

– Ну, допустим, что Чирба остался там, откуда мы идём, – начал вычислять “несознательного” Ермила. – Бодун, Сикун, Фикса – это не твой хоровод... Но тут рассуждения Ермилы сбил колотун, обуявший дверь сортира. Она несколько раз кряду попыталась вырваться из объятий косяка прямо в проход между кухней и коридором, но тот оказался поупрямей и не допустил попыток незаконной перепланировки помещения, да и с нарушением интима туалета косяк тоже явно не был согласен. Попытку противоправного сговора двери с тем, кто был внутри, урегулировала стоявшая в карауле Люба:

– Осторожно, открываю, – громко сказала она и плавно-медленно начала перемещать створку двери вовнутрь сортира.

Тамошний Анастас, поначалу не поняв манёвра своей деревянной поделницы, снова пару раз вдарил по ней и один раз даже – ногой. Но силы его организма, ошарашенного изрядной долей алкоголя, были весьма ограничены, и поэтому Анастас прекратил бессмысленное членовредительство. А несколько секунд спустя ему доподлинно открылся и сам коварный замысел строителей: Анастас из последних сил потянул дверь за ручку на себя и высвободил своему телу выход из этой клетки с одурело журчавшей водой.

– Понастроят, бл! Хер проссышь! – устало вымолвил безгрешный старшеклассник и был тут же поддержан от заноса бдительной Любой, которая весьма тщательно, но и максимально незаметно довершила необходимое устройство одежд, зашторив ширинку брюк Анастаса. Это действие не было ни вульгарным, ни вызывающим, а было продиктовано лишь необходимостью помощи рукам Анастаса, обессиленным в неравной борьбе с дверью. Впрочем, не надо сбрасывать со счетов и то, что мозг Анастаса в этот момент был полностью (включая память) отмобилизован на раскрытие заговора строительных норм и правил и ему было не до каких-то там пуговок. В итоге всё и к всеобщему удовольствию завершилось обхватыванием Любиных бёдер пухлой ладонью Анастаса и удивлённым разглядыванием мизансцены его узкоопухшими глазами.

Свет уже был включен везде, где можно было предположить наличие выключателя. Узкий коридорчик малогабаритной, но современно не коммунальной, а отдельной квартиры, был напичкан школьниками самого старшего из классов средней школы. Недовольство от веро-

ломно прерванного интима смешалось с интригой неопределённости продолжения и преобразовалось в единодушное желание.

– Надо бы устаканить гостей.

– Чё, там ещё осталось ли?

– Закусить – точно есть чем.

– Да зачем закусон-то! Так... занюхаем.

– Картошки же много... и “оливье”.

– Той, а есть ещё выпивка-то? Скока брали?

– Может за брагой к “Шинкарихе” сбегать? Давайте, скинемся... Чё у кого есть из мелочи?

– Мальчики, вы что... эту дрянь пить будете?

– Чё значит, бл, дрянь? Шерсти давай по карманам! Праздник, сука, или нет? Башка трещит!.. Дрянь, бляблин!

– Закрой пасть хорошист-двоешник.

– Да ладно Той. Всё... Ну, всё. Так чё-то вырвалось.

– Анастасик, не ругайся, пжалса.

– Галка? А ты-то... ты вроде не было?! Дак и Ермила што ли тут? Фу ты, бля! Чё-то я заспал... А сёдня кстати какое?

– Девятое. День победы. Вот и зелень уже вылупилась, – Ермила непонятно откуда, но откуда-то из себя вытащил поллитровку в зелёном стекле.

Эффект от услышанного и увиденного проявился на лице Анастаса двояко: удивление от даты, мало напоминающей одежду Ермилы, захлебнулось в радости от зелёной бутылки, запечатанной сургучом, а попытка анализа ситуации утонула в желании немедленно распечатать и разлить. Анастас попытался было выудить искусительницу из руки Ермилы, но только одного этого желания оказалось недостаточно и приунывший Анастас остался с пустыми руками и больной с похмелья головой. А частью воодушевлённая компания под напором Ермилы перебралась в «большую комнату»...

Её также цинично прозывали «гостиной». Откровенная безответственность этого прозвища заключалась в том, что этому помещению скорее следовало дать какое-либо из действительно присущих ему назначений: либо детская – общая, либо дочко – сыночкина, либо родительская, либо тёщина и ещё большая масса других вариаций. В общем, новая более совершенная форма общественного устройства пока ещё не обеспечила имение советскими людьми гостиной, несмотря даже на то, что все настойчиво от неё этого ждали и уже достаточно давненько. Следует, правда, отдать должное “руководяще – направляющей” – она обещала всё это построить к 80-му году и даже под запись в протоколе очередного съезда. Некоторое сомнение вызывала лишь недостаточная конкретность того, что в нём этом построенном будет и сколько. Нет, коммунизм – это достижимая цель, никто не возражает! Но что в нём будет внутри? Вот, к примеру, будет ли в нём настоящая гостиная? Никто и никогда конкретно этого не обещал. А поэтому каждый советский человек изредка фантазировал на тему: что от него заберут по его возможностям, а главное – что конкретно включают в перечень его потребностей. Консенсусом же становилась назначенная дата окончательной достройки, хотя и не для всех, потому что кому-то казалось, что надо бы и пораньше... а то, не ровен час, можно и не дожить...

Между тем компания не мешкала. Было распечатано как принесенное, так и заначенное. Абсолютное равенство в уровне налитости гранёных стаканов доказывало то, что разливальщик вопреки всему не только не утратил, а и усовершенствовал свой навык. Разбор стаканов и обгляд обстановки привёл к выплескам тихих смешков и одновременно к громогласному гоготу в сторону наливальщика:

– Счетовод.

– Двоечник.

– На этот раз скидываться не будем.

Апофеозом же возникшего веселья стало извлечение «наливалой» из-за своей спины зелёной стекляшки и демонстрация наличия в ней своей пайки, которая издавала какое-то особенно удовлетворённое бульканье при бережном побалтывании «пузырём».

– Всем сестрам по серьгам, а молодцу – храбрецу... – тут Фасоль задумался и тем самым смазал произведённый им восторг публики.

– Саданём по лицу, – прикончил Анастас стих Фасоля и примерил содержимое своего стакана к пайке Фасоля в бутылке.

– Каждому по делам его, – съехидничал Фасоль.

– Аминь! – примирил Той, подняв стакан на уровень своих глаз. – Вещай Ермила! Срубив оаций от забухавшей публики.

– Хорошо, что собрались. Хорошо, что ещё все держатся... – Ермила вперился своими глазами в Анастаса, – на ногах. Чего долго говорить... Предлагаю выпить за чистую дружбу, – Ермила поболтал содержимым в своём стакане, улыбнулся и завершил тост. – С победой, дорогие товарищи! – ничего более не дожидаясь, он «хакнул» и одним глотком упокоил полстаканную норму.

Выпили все. Девчонки заели свою «краснуху» – чем осталось. Пацаны с достоинством и картинным благородством просто занюхали: кто носоглоткой, кто кожей руки, кто мануфактурой. Впрыск «свеженькой» привёл Анастаса к необходимости «прокусить смысл обстановки». Он обвёл всё вокруг взглядом и не бесконечно-бессмысленным, но алчущим и жаждущим. Видимо наибольший эффект в окончательном решении о происходящем произвела на него ёлка. Сосредоточившись на ней, он нечеловеческим усилием мозга пленил своим серым веществом эту скользкую суть, и она сдалась ему под стремительным напором его очнувшегося сознания. И Анастас ей овладел. Он совершенно зацелил глаза своей лисьей ухмылочкой и начал нещадно эксплуатировать так ловко пойманную им суть:

– Ну, чё Ермила! На день победы одной не обойдёшься. Это не по-нашенски, бя! Виноват, девки. Но день-то! А?! Ты давай Ермила... Сколь притаранил? На день победы-то. – Анастас оскалил острые зубки. Он даже сделал попытку забалтывать чечётку с засунутыми в карманы руками. Правда, мощности его пытливого ума не хватило для того, чтобы подключить к руководству движениями ещё и локте-ноги. Анастаса повело вперёд и вправо, и лишь своевременное участие рук Любы слева, надёжно приканатило тело Анастаса к стойкому борту её когтистого, но дружественного бедра. Танец явно не удался, но поставленный вопрос требовал ответа. Поэтому школяры подпряглись ожиданием ясности и окончательности в понимании ситуации.

– Думаю, что твоя следующая остановка в «будуаре» и до нового года дотянет... причём старого, – разбавил безвкусную паузу Той, обращаясь к Анастасу.

– А ты Той не сбивай Ерм... икк. Он к праз... икк... паб... ххикк... бл... шёл... икк, – Анастас вновь начал активно убывать в направлении безмятежного отсутствующего присутствия. Пойманная им суть явно увернулась от него и перестала его интересовать; актуальным оставалось лишь выяснение того, «заряжен» Ермила ещё чем-то из спиртного и если нет, то и...

– Ты прямо как промокашка – всё впитываешь и впитываешь, даже не просыхая, – назидательно промолвил Ермила и достал из кармана брюк шкалик, заткнутый бумажной пробкой.

– Мелк... икк... вата псуда, ну... да и то... – Анастас с трудом дотянулся до стола, прихватил первый попавшийся стакан и протянул его к Ермиле.

– Нливай! – властно-хило вымолвил он и стал, не отрываясь смотреть на шкалик.

Ермила выдернул пробку и плеснул в стакан Анастаса один «бульк», который лишь слегка прикрыл дно.

– Лей, не жлей... не икк жми икк.

– Тебе хватит, – закрыл вопрос Ермила.

– Кто как хочет, а я неразведённый не могу. Галка, сбегай на кухню, притащи чего-нибудь, – Ермила разлил содержимое шкалика по стаканам и весь аж передёрнулся от предстоящего.

– Варенья надо ещё навести, – сориентировалась Лиза и через минуту они вместе с Галкой уже брякали банками и ложками на кухне.

Анастас, мая в руке «то чё надо» и не вдаваясь в суть вдруг возникшей суеты, намерился было закинуться без тоста, но Той своевременно и очень удачно изъясил у него готовый к опорожнению стакан.

– Это спирт, прогульщик химии. Подождать не можешь? Щас девчонки замутят морсика и...

– Ты... щё... сапнул икк? – разобиделся Анастас, не прокусив смысла сказанного Тоем. – Ерм... ла... не ты нливал икк.

– Всё, хорош. Провожай, – сказал Той Любе, мотнув головой в направлении маленькой комнаты. Впрочем, ни уговоров, ни даже простеньких пререканий с Анастасом от Любы даже не потребовалось. Анастас как-то резко преобразился: он совершенно обвис, изъясил с лица даже признаки возможной самостоятельности и исключительно на инстинктивной памяти ног бесознательно потёк к лежбищу.

– Расстегни ему ворот и если чё – молоти ладонями по щекам, – напутствовал их Ермила.

– Массаж лица чередуй с массажем... задницы, – добавил Тюль.

– Плёткой, – дополнил Фасоль и заржал.

– Но, поласковой, помягче... а там – хлётко, – с хохотом продолжил Толстый.

– Дураки! – занервничала Люба и захлопнула дверь в комнату.

– Хорош уже, педиаторы-макаренковы. Вот только бы испохабить... – завершил проводы Анастаса Той и даже прослезился от внутреннего безголосого смеха.

Через мгновение комната просветлела и объютилась, вобрав в себя трёхлитровую банку морса очень диковинного цвета, составленного из всех встречающихся сортов ягод в стране вечнозелёных помидор.

– Наш долг природе её платежом красен, – прибаутивал Фасоль, составляя «коктейли» и смакуя при этом различные и не ясно как изобретаемые им названия. – Революционная иссиня-алая гвоздика – будьте добры. Покорение Енисея с валунами на доньшке – это вам. Магаданский солнцепёк – это ядовито-ядрёная штучка, но вам будет в самый раз.

– Главное – чтоб не фасольевый, – перебил Тюль творческий процесс Фасоля.

– Природа сёдня за всё сполна заплатит. Она итак сильно задолжала, – вставил Толстый и хотел развить свою мысль, но был зашикан.

– Даже и не мечтайте. Это последняя банка, – внесла ясность Лиза.

– Не ждать милости! Надо взять всё, что где-то ещё возможно лежит, – потребовал Ермила.

– А также стоит, висит, бежит, плывёт и даже летит, – настоял Толстый, сконструировав руками и глазами всё средства лова, захвата и стрельбы.

– Соскребите свои грязные желания с небесного лика матушки – природы и умерьте ваши коварные потребности в том, чтобы поймать и съесть, а потом ещё и всё вокруг обгадить. Живите без насилия и в гармонии, неудавшиеся ботанико-биологи. Помните заветы учительницы вашей: «Каждому листочку своё дерево, каждому цветочку своя капелька воды, каждому пестикку по тычинке!» – Той воздел обе руки к розовому абажуру и вытряхнул из честной компании задорный юношеский смех.

– Пойду, обмою руки свои от смрада и грязи браконьерских рассуждений, – Той насмешливо-брезгливо отряхнул от чего-то руки и сутанно побрёл в направлении хозяйственного блока отдельной хрущёвки. Его медленно уплывающая спина тут же приняла на себя незлобные тумачи ответов на его нравочение:

- Все плоды поделить! Вегетарианца – обнести!
- Ты всё пела – это дело. Мы запьём твои стишки.
- Если от кучи взять понемножку – это не кража, а просто делёжка.

Далее различные пожелания и предложения превратились в общий сумбур, обозначивший продолжение “продолжения”... И вдруг веселье компании прервало чудо цивилизации – роскошь новостроек, оно выдало такой пронзительный слив, как будто все жильцы дома, включая засранцев из ближайших соседних домов, облегчили страдания своих унитазов от запоров.

– Он не в том месте обмыл лицо своё справедливое, – заглывая смех, сообщил догадку Тюль.

– Да и руки свои благородные тоже. Помогите кто-нибудь нашему товарищу отыскать родник чистый... не замаранный, – уже во всю глотку жеребятил Фасоль.

И спустя ещё одно подобное высказывание случилось развенчание древних литавров: они стали совершенно серыми и никчёмными звуками в сравнении с тем, что сотворили верные друзья Той. Розовый абажур, подброшенный вверх воплем смеха, сцепился враспор с потолком, нагло и безнравственно обнажив при этом побелевшую от смущения лампочку, насаженную прямо на впечатляющий шнур. Ёлка пахабно трянула всем, что имела по своей лесной сути и тем, что на неё безжалостно навешали, и сразу кое-чем всё-таки вдарила об пол, но тот своими расторопными местами парировал эти излишки украшений и звонко обругал елку, вдребезги искрошив эти игрушки. Чахоточно скрипнув после этого, пол попытался погнать по себе волну, чтобы принизить эту лесную размалёванную поближе к себе, но был тут же затоптан кенгурировавшими от хохота старшеклассниками и убеждённо притих, скрипуче снося удары каблучков и прочих ботинок. Левая стена, получив плотный хлопок радикально сжатым воздухом по своей обойной размазне, отпрянула от неожиданности назад и со всей своей самостроевской дури швырнула этот взбесившийся хохот в правую стену и – зараза такая – ещё и чуть его подкрутила. Правая же стена, разнеженная расслабоном тишины соседней квартиры, не сдержала нахлынувших эмоций и пропустила сквозь себя этот одуренный гогот. Правда, эта несдержанность конструкции выявилась не вдруг, а лишь некоторое время спустя. И эта нетвёрдость усугубилась ещё и двуличным характером самостроевской стены: стук и крики «Прекратите... дайте отдохнуть!» звучали с тыла – из-за неё, считай, что из-за угла – то есть подлю! В общем, литавры отдыхали, соседи негодовали, учащиеся колобродили со всей пролетарской решимостью ко всему, но не конкретно к чему-то, а концептуально.

И вот в это во всё и вошёл Той, образовав на своей роже внутренне осознанное выражение непроходимого идиота, отягощённого утратой возможности понять суть происходящего. Фасоль тут же посторонился, жеманно зажал пальцами нос и шарахнул принципиальной ржачкой.

– Там ещё такой крантик есть, – Тюль соорудил жалобно-хмылую рожу и показал пальцами процесс откручивания крана, – и если его... – пальцы Тюля сделали “шир-шир”, – то оттуда... – согнутая в локте и запястьё рука весьма убедительно продемонстрировала “гусак” водопроводного крана. – И вот из этой трубки... – Тюль несколько раз пошевелил запястьём. – Побежит чистая водичка... Чистая водичка, Той... Ну, бля буду, чистая водичка! – Тюль перестроил своё зубатое рыло в назидательно-хмурое выражение и добавил. – Её и пить можно! Крест на пузе!

Барабанные перепонки чудом спаслись от разрыва их вдребезги. А стена, разделяющая отдельные квартиры, впала в дрожь от уже вовсю бушевавших соседей. Те требовали прекращения гулянки и даже угрожали вызовом милиции. А ведь на самом деле они почему-то не учитывали природного характера русской души – любое событие это пьянка. И неважно, по какому она поводу: праздник ли, поминки ли, свадьба ли, развод ли, выход из тюрьмы ли, сборы в армию ли и прочее ли. Но завершиться это событие должно одним из трёх исходов: или сатанинским воем (хохот, песня, спор, пляс, просто рёв, просто плачь), или мордобоем,

или тихим сговором (заговором, заговóром, приговором, выговором, уговором, соблазнением, совращением, развращением).

Собравшаяся компания не обладала отличиями и была просто носителем характера. Да, впрочем, и соседи не приехали из-за границы и тоже были обладателями того же самого, просто их событие завершилось иным исходом. Главное же состоит в том, чтобы разные исходы, наложившись друг на друга не привели к наиболее часто встречающемуся в жизни исходу – мордобою. Впрочем, в данном случае, драка через стенку принесла бы потери и утраты внешнего вида лишь самому посреднику, но не дала бы удовлетворения-удовольствия никакой из одухотворённых праздником сторон. А сама логика развития личности в передовой общественной формации обязала Ермилу исполнить необходимый ритуал: он наотмашь вдарил по обьям на том уровне, где предположительно должна была располагаться челюсть «этого мерзкого говнюка за стенкой». Правда, под умоляюще-испуганным взглядом Лизы и воркованием Галки: «Да оставь-оставь их Ермилушка», он совладал с собой и прекратил дальнейшее уничтожение общественного имущества, но всё-таки громогласно предостерёг разбушевавшихся соседей замечанием: «Замолчите там все! И чтоб – тихо!».

Возможно, от удара у них там что-то вспучило, а, может быть, оппонентов впечатлил сам Ермилов “колун”, но за стеной вдруг всё быстро улеглось и рассосалось; и их исход потёк своим чередом, приняв исход компании школьников просто как объективный внешний фон. Так всё и уладилось без насильственного прилаживания.

Умиrotворение соседей аукнулось “заблaчиванием” гульбы. Хохот и прибаутки как-то резко погрязли в неожиданно обуювшей всех зевоте. Лишь только Той продолжал “защищаться”: он упорно совершенствовал на себе признаки идиота. Да Фасоль, охищнив лицо, разводил в стаканах «по чуть-чуть». Компания явно переходила в стадию – “по домам”. Этому потворствовала и кукушка из ходиков, которая вдруг сдуру накуковала сколько-то, «но точно больше трёх», а вот «на скока больше» – никто точно посчитать не смог, потому как на вопрос Галки: «И сколько уже сейчас?», прозвучало несколько версий текущего времени. По этому поводу слегка поспорили. Но так, лишь только для демонстрации своих способностей счёта и степени трезвости. Прояснила же всё Лиза, подключившая в качестве эксперта розовый абажур, проливший на всё свой свет. В итоге было установлено, что всё-таки пять. Попавшие в точку возгордились, промазавшие продолжили спор – из принципа.

– Когда я передёргивал цепочку для завода, они уже час как стояли, – авторитетно привирая, заявил Тюль, продолжая утверждать, что теперь всё-таки уже шесть часов.

– Да ты прислушайся... чуешь, как они бегут? – настаивал Толстый на том, что теперь только четыре.

– Предлагаю – фифти-фифти. Короче полпятого и закроем тему.

Все с удовлетворением воззрели на Тоя, который и рожей и здравым рассуждением прикончил на себе полоумного и сжёг его последние признаки своим глубокомысленным взором в сторону ходиков.

– И подкрепим наше единодушное мнение о происходящем времени этим креплёным... – Фасоль сильно-утробно икнул и поднял стакан, а потом быстро прикрыл рукой рот, чтобы приглушить очередное возмущение его внутренностей предстоящему испытанию.

– Подними руки вверх и глубоко вдохни... задержи в себе, – Тюль зафиксировал кадык в неподвижности, демонстрируя Фасолю некое правило, – потом выдохни. И там... – Тюль похлопал себя по животу, – всё поймёт. Ну, будто бы ты сдался и больше не опрокинешь... Оно и притихнет. И вот тут, смаху... – Тюль вогнал в себя свою дозу из своего стакана, крикнул, перекосив рыло, выдохнул и тут же заржал. Но, видно, что-то не срослось, потому что через короткое время он всё же не справился с усвоением напитка и стремительно ушатался в необходимом ему на этот момент направлении.

“Пошло” только Ермиле и Толстому. Фасоль продолжил совершенствоваться и учашать «ик» и «илчок» и эти разные звуки зависели только от того – делал он это с закрытым или открытым ртом. Той вообще окарался: предварительно нюхнув, он убил в себе не только желание, но саму возможность поместить содержимое внутрь себя. Его настойчиво перекосило и лицом и рукой, державшей стакан; эту руку вывернуло до такой степени, что она чокнула доньшком по столу и презрительно отцепилась от стакана, чуть было, не опорожнив его содержимое на клеёнку. Но стол был не робкого десятка, и он удержал гранёный без опрокидывания. «Мир всем» – пропели хором несколько стекляшек в столкновении, сотворённом пайкой Тоя с другими гранёными. Девчонки даже не поднимали своих стаканов. Они были проучены «иком» Фасоля, помнили о недостойности такой смеси в их среде и были напуганы метастазами своего предыдущего «четвертьглоточка».

В общем, продление “продолжения” явно не заладилось, а поначалу безнадёжная попытка «пора по домам» фанатично утвердилась. Галка привычно забралась «на ручки» к Ермиле и углубилась головой в просмотр сновидений у него на плече. Толстый вновь облапил Лизу, но уже как-то безыдейно-пьяно и исключительно для поддержания собственного реноме и что весьма актуально – равновесия. Тюль, освобождённый от внутриутробного негодования и изрядно претерпевший в этом освобождении, уныло “отходил” на плече у Любы и бессодержательно тарасил глаза в попытках не задремать, а то и не уснуть, хотя бы даже и временно. Фасоль умело ненавидел свои телотрясения, продолжавшие терзать его импозантную скульптуру, стоявшую колом; лицом он был устремлён вверх, желая этим придавить ритмично дёргавшийся низ. Нина отстранилась от оказания какой-либо поддержки Фасолю и сделала это куда-то ближе к ёлке, в самую тень розового абажура. Той частично-трезво погасил попытку Марины обнять его и оттеснить куда-нибудь побезлюднее; он твёрдо решил для себя «остаться на свету, пусть и этого долбаного розового абажура», потому что «тьма и эти руки» отторгались сейчас им ещё более ожесточённо, чем ненавидимое им до рвоты шкрябание по стеклу. Ермила вполне и самодостаточно удовлетворился образом и содержанием колыбели для Галки; его нужность совпадала с его желанием и воплотилась в комфортную для них обоих соединённость. Всё распалось на обособленные индивидуальности, и отдельная квартира перестала объединять, а принялась вершить насилие над свободой.

Тягостное бездействие отправил в изгнание Той, он вдруг хлопнул в ладоши и тем выявил в глазах компании мутноватый интерес. Не удовлетворившись содеянным, он хлопнул ещё пару раз и при этом притопнул. Однако начавшееся похмелье, обручившись с усталостью, уже наигрывали свою увертюру и готовили к представлению «хмурое утро после бурного празднования». Нужен был какой-то выход и обязательно – из дома.

Той подошёл к столу и принялся сливать разведённый спирт из стаканов в бутылку из-под водки. Небезупречная точность “сливалы” в движениях позволила всё вместить в бывший порожний сосуд. Неизбежные потери – по горячим следам – Лиза затёрла тряпкой. Компанию эти манипуляции Тоя слегка заинтересовали, но не «почему?», а «для чего?». А после того, как Той молча-отчаянно зачем-то нюхнул из горлышка, интерес всех присутствовавших окончательно преодолел тягу к похмельному унынию. Сам же “занюх” вверх Тоя в такую канделябру, что компания вновь ожила смешками.

– Вот оно уродливое лицо капитализма, – очухиваясь от дрёмы, вяло промолвил Тюль. – Пьют круглосуточно без закуски и исключительно с сигарами. Мы негодуем ихним образом жизни. А с похмелья мы негодуем даже ещё отчаянней! – последнюю фразу Тюль произнёс уже ответственно и дальше вошёл в образ громкоговорителя. – Но не дождутся! Если в нас сейчас допустим, и не лезет, то это не значит и не доказывает. Мы обождём... И заткни её Той, и пусть она дозреет и состарится!.. И потом эту мудрость мы и... – Тюль движением руки показал как “мудрость” через его пасть проникнет куда-то вниз по телу, но при этом чуть переборщил с уровнем опускания, правда, вовремя спохватился и приподнял. – И оттуда

эта мудрость... – Тюль замельтешил пальцами обеих рук и плавно воспарил мельтешением до уровня своей высоколобой башки.

– Пр... икк... розорливо... илчок, – выикнул Фасоль и это вышло у него столь цокотно-гулко, что не могло не выдать из компании смех, но всё-таки безысходно-усталый и нескры-ваемо-импотентный.

– Что происходит, Тойчик? – Галка прикрыла зевок ладонью и мягко вытекла с рук Ермилы.

– Тише... – громко-шопотом начал Тюль, – он сейчас пойдёт и подожжёт вражеский танк... вишь, бутылку с зажигательной смесью приготовил?

– Какой танк? Вы что тут, совсем?

– В... ойна, – подюкнул Фасоль.

– Той добровольцем записался, – вмешался Толстый столь серьёзно, что все на мгновение прониклись.

Той соорудил на своей морде готовность к самопожертвованию и зафиксировал “гранату” в вытянутой вверх руке; из под бумажной пробки при этом просочилось и приготовилось закапать. И тут из тени “партера” грохнул смех Нины; там явно оказались лучшие места для просмотра всего действия.

– Ермилушка, ты тоже играешь с мальчиками в войнушку? – спросила Галка и чуть отступила для восприятия картины в целом.

– Я танк... вражеский, – невозмутимо ответил Ермила.

– Нин, ну сдвинься ты чуть-чуть, – Галка втиснулась в тень розового абажура. – Продолжайте мальчики. Той у тебя по руке течёт... эта... ну не важно... бросай скорее, рубашку выпачкаешь.

– Так, конец репетиции, – Той опустил руку и быстро попользовал тряпку, так необходимо лежавшую на столе.

– Вот вовсе не вовремя ты Галка!.. Повторяю, что выйти из образа можно только по команде режиссёра, – Той пригладил волосы. – Тебе дана роль брони танка, так ты её и исполний! Нина, изыди на свет... Тебе, – совершенная обструкция. Ты должна сиреной выть! Повторяю: сиреной, извещающей о налёте вражеской авиации! А ты? Хохот гомерический какой-то... из ада как будто. В целом – плохо. Ну, не по МХАТовски... Да, танк удался, но только до момента исхода с него “брони”... Сцену будем повторять на улице, а то здесь уже горючим всё пропахло. Да и “броня” там подмёрзнет и её покрепче прихватит к танку. Глядишь – не соскочит... не вовремя.

Той огляделся по сторонам и протянул Фасолю бутылку:

– Держи реквизит. Вещь кстати казённая. Но тебе доверить, могу. У тебя с ней пока контры... ваши неприязненные отношения будут нелишними, но ты уж будь добр – без рукоприкладства.

Тут аккурат подошло время цикла, и Фасоль настырно «ёкнул».

– Во, этого вполне достаточно, – удовлетворённо отметил Той.

Шаркающие пересмешки и тягучая суета вяло потащили компанию в сторону выходной двери. Этот вялый зуд всеобщего движения в ключья разорвал тишину и отрешённость от актуальности в «будуаре». Там что-то эффектно брякнуло одно об другое, потом зашевелилось, тут же затопало и даже как будто невнятно заматерилось, но это могло показаться лишь по ощущениям, а никак не по смыслу, уловить который было весьма затруднительно. А вот когда дверь отворилась, то оттуда уже достаточно понятно пробубнило:

– Ёпрест. Сушняк! Дайте, бля, напиться, – и из-за двери, взывая к благодетели, выпал Анастас; его веки настолько опухли, что глаза превратились в узкие щели, за которыми совершенно не обнаруживались белки.

– Анастасик, мне кажется, ты уже намально напился, – совсем тихонечко пропела Галка; и её тонюсенький ласковый голосок поводил Анастаса в поиске и чуть шире приоткрыл ему глаза.

– Пить Галюня. Попить. Сушняк, бля, – проникся Анастас жалостью к себе и горечью ко всему этому беспонятно-бессердечному сборищу, и от натуги, в бесконечной скорби по самому себе, преодолевая путы сковавшего организм алкоголя, этот бедолага вдруг выворотил свои глаза из-за слепленных сном век и неистово возмутился:

– Попить! Чё, блядь, за непонятки? Сушняк!.. Рассол! – гневная боль истребила его прежнее, чуть доброе чувство и выбороzdила на лбу глубокий, агрессивно раскопанный редут. По обесцвеченным зыркам Анастаса Той понял, что дальше неизбежен очень многоэтажный расчёт присутствующих причём особым языком пьяного революционного матроса, отягощённого ко всему пулемётной лентой через плечо. Ну а когда «кипит разум возмущённый», да ещё и сушняк! – это не для девчоночьей аудитории, ну или по-крайней мере, не для совместного прослушивания.

Той дружески приобнял Анастаса и, ощутив волнообразные подёргивания его брюха, изловил такое единоедушное с ним чувство омерзительного отношения к алкоголю, что это подвигло Тою к немедленной помощи своему приятелю:

– Лиза! Рассол и таз!

И сказано это было настолько убедительно-пожелательно, что Лиза свистанула на кухню, а Толстого, лишившегося опоры, мгновенно подтянуло к полу; однако поднялся он также лихо, как и присел.

В целом, свершилось всё не как всегда, а очень даже лаконично, но и процедурно. Не успел ещё Фасоль озвучить и трёх «иков», как Лиза уже передала трёхлитровку Тою. На дне банки, правда, всё ещё блаженно полоскалась парочка распухших от удовольствия огурцов. Но их несомненная наглость в этот момент должна была неизбежно компенсироваться извлечением из этого роскошного рассола и нарезанием перед употреблением. Той, преодолев искушение отпить, передал вождельенный напиток са́мому страждущему и был вознаграждён взглядом Анастаса, содержащим свой рассол, который умягчил душу Тою. Пил Анастас небыстро и очень тщательно. Блаженство огурцов прикончили передачей банки по кругу; и в конце сушняк наступил уже у “продолговатых”. Правда, зелёные дары парников, похоже, могли избежать горькой своей участи, потому что после ихнего сушняка, их врятли стали бы выкладывать и нарезать. Хотя с другой стороны и жизнь не ломилась от продовольственных излишков. А поэтому всё, что в будущем ожидало “продолговатых” как всегда зависело от всего.

На улицу выкатились умеренно-счастливыми. Было не столь уж и холодно, было просто похмельно-прохладно. Сверху слегка падал снег, а вот у столба – под фонарём – снег просто валил. Недолго постояли у подъезда в попытке осмысления “продолжения”. Но не сложилось причин и желаний. Поэтому просто потрепались ни о чём, но уже и не громко и не «вперебивку», а лишь в контексте к «разбежаться по домам». Первыми отчалили Ермила с Галкой – им было «ваще в другую сторону». Толстый с Лизой, проводив компанию до угла, возвратились домой – «подприбраться к приходу предков». Тюль с Любой свернули – «чтоб дворами быстрее до её дома». Фасоль без согласия, но всё же потащился за Ниной – «довести без приключений». Люба “вторая” несколько раз настойчиво провоцировала Анастаса проводить её, но тот тщательно уцепился за Тою и, приняв выражение бессознательного состояния, успешно отбил все её попытки. В итоге Люба покинула остатки компании и – «ни здарсьте, ни до свидания» – забежала в свой подъезд. Другие, пройдя немного по улице, остановились возле “засыпного” барака с сараями, стоявшими наискосок. Той закурил и тут же “зачинарил” – чё-то совсем не пошло. Анастаса слегка потряхивало – добрался таки морозец до телесов, обессиленных борьбой с алкоголем. Марина выжидательно глядела на Тою и никак не уходила. Той раздражённо сгребал ботинком снег в копну и молчал.

– Проводишь? – с обиженной надеждой выдохнула Марина.

– Куда я его? – Той крепче крепкого прикрутил к себе Анастаса, подтверждая и мордой тоже полную безнадёгу для Марины.

– Ну и черт с тобой! – Марина так недобро посмотрела на Тоя, что того выворотило на возглас: «И с тобой...», но, не досказав, он заткнулся, потом превозмог и очень даже дружелюбно закончил:

– Иди. Уже поздно... в том смысле, что ещё рано.

Марина фыркнула злой гримасой лица, развернулась и плавно – плавно зашатала своими не узкими бёдрами в сторону дома. У Тоя тут же взыграло и обозначилось, его воображение добавило жару процессу и усилило, а вскипевший мозг изготовился дать команду на изречение призыва. Той возбуждённо махнул свободной от Анастаса рукой... но и только. Марина к счастью не увидела этого инстинктивного порыва. А уже мгновением позже «сорвавшийся жеребец» с раздражением выдал себе «пару ласковых» и, плотнее подхватив Анастаса, выстукивая зубами что-то своё личное, подался в противоположную сторону от “засыпного” барака с сараями наискосок.

Через полчаса Той был уже дома. Он лежал на кровати без сна и в противно-похмельном раздражении. «Чортова пьянка, чортова Марина! – размышлял он – А во всём виноват этот чортов розовый абажур!». Выявление истинного виновника «этого всего» как-то сразу успокоило Тоя, и он уснул...

А снилась ему в то утро и тот день большая стремительно-плавная река, из которой сначала не было сил, а потом желания выбраться. И он плыл: сперва влекомый, а потом гребущий... Куда?.. Этим вопросом, впрочем, он в тех грёзах не задавался – он просто плыл, да и всё...

К сознательному бытию Той возвратился лишь через сутки. На будильнике было семь часов утра. Всё в доме спало в полном согласии с беспросветной темнотой за окном. Очень хотелось пить, но это желание никак не могло преодолеть лень, покорившую все двигательные возможности. «Этот чортов розовый абажур» – вдруг безобразно возникло в памяти Тоя, и это отчётливо нарисовавшееся «дерьмо» пинком вышвырнуло его из кровати. Столь резкий подъём завершился короткой схваткой со стулом, который намеренно вцепился в пол прямо на пути Тоя и вдобавок развернул свой угол так, чтобы угодить Тою именно в колено. Громкий возглас крепкого словца Тоя удачно никого не разбудил, а вот последовавшее падение деревянного негодяя получилось несколько шумным и из комнаты родителей выпорхнула мама Тоя в «ночнушке» и с вопросом: «Что случилось?».

– Да вот... запнулся, – процедил болью сквозь зубы Той, поднимая стул и превозмогая желание «разломать эту... в щепки».

– Не ушибся? – мама Тоя щёлкнула выключателем и направилась досыпать. – Тебе вчера вечером узвонились, – зевотой проинформировала она Тоя, – но отец велел не будить, – на этом информация закончилась и дверь в комнату «предков» мягонько прикрылась.

Той похромал по “гостиной”, собирая разбросанную стулом одежду; складывал он её на стол, потому что ненависть к этой «седалищной заразе» никак не унималась. В итоге стул своё всё же получил, но матом, правда, Той всыпал ему этих словечек безмолвно (про себя), но хлётко и обидно для стула. Покончив с сатисфакцией, Той доволком большую ногу до кухни и “залился” из-под крана аж до бульканья в животе, которое невозможно было сокрыть даже и при медленном его телепани по квартире. Такая болтанка видимо возмутила внутренности, а это вызвало позыв. Той дохромал до туалета, интегрированного с ванной в одно помещение в целях совмещения всех процедур, и мгновенно опростался. Всенощное желание «испить уже наконец-то воды» пришлось повторить дозаправкой, но потребовался и новый сброс. Это несколько умерило горечь и слегка приотпустило. Стало «как-то», но колену не помогло вовсе. К тому же и некстати неодолимо накатило желание «что-нибудь смурлять». И Той в мерзко-отвратном самочувствии заковылял к плите.

Ко второму дню праздника родители готовили жареную картошку, остатки которой разбредлись по огромной чугунной сковороде. Той пальцами собрал небольшую копну холодных

промасленных палочек и, чуть пожевав, с аппетитом проглотил. Жареную картошку мама Тоя готовила отчаянно хорошо и сейчас – даже не шкворча на сковороде, что было верхом совершенства – она мгновенно переместилась в алчное чрево ушибленного стулом. Той зачавкал остатки вкуснятины и поинтересовался кастрюлькой, стоявшей рядом с уже пустой сковородкой. Щи с клёцками оказались тоже весьма кстати. Той с удовольствием и азартом выловил все клёчки, плававшие сверху, и даже удачно нашарил пальцами пару штук из-под поверхности бульона. После этого он тщательно облизал средства лова и обтёр их о трусы. Вот тут «как-то совсем полегчало и даже почти отпустило». Той снова приложился к крану и начал заполняться, но вдруг опять «поплохело» и он, окончательно добитый этим «чортовым розовым абажуром», но благодаря исключительно злости, дотащился до дивана и залёг. Не спалось совершенно и даже не грезилось, как бы не старался Той включить фантазии и хоть на какие темы. «Чорт бы побрал этот розовый абажур!.. Обзвонились... – кантовал Той неподъёмные рассуждения. – Конечно обзвонились. Небось, на счёт Марины хотели поприкалываться. Расспросить, блин. Уточнить. Во вляпался!.. Ну не было же ничё! Так, цапнулся... зачем-то... Теперь разговоров, бл, не оберёшься. И Ермила как назло припёрся. Хотя, он под утро завалился... Дак и утром вроде... Ладно. Чё в итоге?.. Праздник не удался? Да!.. На подковырки наскрёб? Абсолютно!.. Непонятки с Мариной сотворил? Да!.. В общем – жизнь говно!» – заключил Той и продолжил бестолково гонять одно да в другое и тоже самое...

Утро, с подъёмом предков и вплоть до изготовки ими завтрака, превратилось в пытку расспросами. Спасением стало только всегда одобряемое правило: «когда я ем – я глух и нем». А поэтому завтракали комфортно-молча, изредка нахваливая сальце и не для процедуры, а по сути его вкуса. Везение Тоя продолжилось, так как к недопитому стакану чая добавился звонок телефона, который окончательно освободил его от запланированного после завтрака краткого изложения им «встречи нового года». А после прозвучавшего из гостиной: «Одеваюсь уже. Через десять минут на катке... (далее было как-то неразборчиво)», родителям осталось лишь крикнуть в сторону отпираемого замка: «Когда придёшь?» и не услышать ответа от захлопнувшейся двери.

За баракком – у забора катка – стояли все кроме девчонок, исключая Галку. Та тщетно пыталась обхватить Ермилу своими ручонками, но недостаток их длины она успешно компенсировала своей гибкой миленькой пивявкостью и, в общем, зацепилась надёжно. Парни видимо успели накатить, потому что извергаемый парок был плотненький и тёплый.

– Выпей, – Анастас вывернул из кармана стакан, а Фасоль набулькал в него “биомицина” – так на лэкарский манер именовали креплёное вино “Биле мицне”.

Тоя передёрнуло и отрыгнулось, но он достойно превозмог и опрокинул.

– Знатно, – восторгнулся Ермила и как-то невкусно закислил рожу. – А мне не пошло, – продолжил он, но, похоже, всё же соблазняясь сделать ещё одну попытку.

– В тебе ещё живёт и трудится вчерашний пе... ре... бор, – последнее слово Галка выпустила очаровательной растянутой зевотой.

«Видимо вчера было особо изошрённое продолжение, – смекнул Той. – Жаль. Я всё проспал! А может и к лучшему».

– Где были-то? Чё не отзвонились?.. Кто не дожид до дня сегодняшнего?.. – Той осёкся и начал искать сигареты, охлопывая карманы; он опасался навести пацанов на обсуждение того, что и как было в Новый год. «Опять этот чортов розовый абажур» – зло вспомнил Той и притворно закашлялся.

– “Приму” будешь? – Тюль протянул раскрытую пачку.

Той облегченно-настороженно достал сигарету, тщательно размял её, искоса поглядывая на компанию, и, наконец, прикурив с третьей спички, затянулся во всю гармонь грудной клетки. Первый выхлоп он строил намеренно медленно, изображая гейзер. Впрочем, к несказанному удовольствию Тоя получилось так, что ни на него, ни на его причуды с “гейзером”

никто не обращал абсолютно никакого внимания. Парни вели обычную «подпитую беседу» и изредка сдабривали её «бородатыми» анекдотами «без картинок» – учёт наличия Галки был обязателен. Анастас, по свойственной ему традиции, начал было травить «масляный» рассказик, но бдительный Ермила тут же плотным подзатыльником вышиб из его башки нить повествования, которая зацепилась-таки за шапку и они вместе улетели в сугроб; недовольно что-то бурча, Анастас извлёк из сугроба только шапку и хмуρο замолчал.

– Ермилушка, не обижай Анастасика, – тонюсенько запричитала Галка и поплотнее прижалась к беззлобно скалившему зубы защитнику нравственности и её самой. – Стасечка, а ты не переживай, я давно знаю этот анекдот, но он мне не нравится... А душло, Анастасик – это углубление в стволе дерева, – назидательно закончила она и соблазнительной улыбочкой прикрыла свои глаза.

– Век живи... и так далее, – Ермила по-братски обнял Анастаса свободной рукой и пригнул к себе.

– Тада по маленькой... на брудершафт! – быстро нашёлся Анастас и протянул стакан к Фасолю. – Я могу и из горла, – ответил он на недоумённый взгляд Ермилы.

Фасоль бездейственно сжимал в руке бутылку, оценивая ситуацию и ожидая: чья возьмёт. Тою уже настолько «полегчало и так разнуздáло и отпустило», что он с неприличным для него звоном выпалил:

– Браво, браво!

Все и Галка тоже с удивлением глянули на Тою. Фасоль тут же налил и передал Анастасу бутылку для «из горла». Галка отклеилась от Ермилы, и тому не осталось вариантов кроме как взять стакан. Выпили они смачно и, похоже, оба на удивление с удовольствием.

Продолжение сходки до самого её окончания было умильно – дружелюбным; расставание – восторженным. «Биомицина» оказалось «в самый раз» – то есть, как обычно не хватило и всем хотелось «чуть добавить», но в вывернутых карманах наскреблось лишь 27 копеек. Результаты подсчёта принесли, как ни странно, облегчение всем, кроме Анастаса, который глубоко верил в то, что «если поразмыслить, то можно будет у кого-нибудь занять». Но это отвергли и поручили мелочь Фасолю, чтобы он купил курево, которое при следующей встрече следовало посигаретно поделить, и при этом поклялись: «Фасолю плюс две сигареты сверху за заботы и труды». Фасоль с гордостью принял «общак» и поручение, а также удовлетворился клятвой. По домам разбрелись «кто куда» и все по-своему...

Той открыл дверь и сразу проник к дивану в надежде на «без расспросов». Впрочем, делал он это без особых опасений. Во-первых, храбрость была «подогрета», а во-вторых, «всё уже свершилось», и поэтому было «без разницы»... Да тут ещё и удача прыгнула ему под рубаху и с наслаждением прослушивала тишину в комнате родителей. Свет там был включён, его поток стремглав извлекался из-под двери, но тут же приглушался тишиной в самой спальне и становился настолько домашним, что сходу убедил штаны Тою завеситься на «этот долбаный стул». Одеяло немедленно сокрыло хмельную маечно-трусовую наготу Тою и разлившееся по телу приятное тепло тут же опустило сон-мглу на всё... и вокруг...

Той ощутил, что противная слюна гадко замочила мягкую и такую добрую ко сну подушку и, испытав от этого отвращение, он готов был взъерошиться из-за... «этого чортова розового абажура»... жизнь снова казалась ему полным дерьмом. «Что же это за сволочной абажур-то такой?! Что же это за жизнь?.. Жизнь – говно!.. Говно?.. Жизнь?.. Жизнь... Зачем я всё это гоняю? – то ли во сне, то ли наяву колобродил мыслями Той. – Припомнят?.. Расскажут?.. Прибавят!.. Главное – с меня чё-то убавят!.. Тогда – сам слабак!.. И этот хренов розовый абажур, бля, здесь не причём... сам – бакен! Решил, делай! Сделал, не бзди! Отвечай за своё!». Той перевернул подушку, тёпло-липкую от протрезвевшей слюны и убеждённо заснул до неизбежно надвигавшегося завтра. Всю ночь он, мерзко на что-то матерясь, на чём-то куда-то осознанно грёб. Проснулся Той весь в поту: то ли как будто вышел из-под душа, то ли от слёз, –

но точно липким в ощущении себя самого. В ванной, начищая зубы порошком и глядя через зеркало себе в глаза, он вдруг неожиданно для самого себя вслух сообщил своему отражению: «А ты, однако, не так уж и противен со своими серо-зелёными глазами... но...». Произнеся это, он на некоторое время погрузился в изучение себя изнутри, а вовсе даже не внешнего своего обличия... Годы отдаляли от него его прошлое, а память приводила его к размышлению в восприятии минувшего... Его Река текла в его Гору.

*Наша жизнь – в ночи без света
Путешествие зимой.
В небесах, что тьмой одеты,
Путь прочесть мы тщимся свой.*

Berezina Lied (песня швейцарских наёмников)

Ермила, надеясь на свою силу и везение, на спор прыгнул с десятиметрового пожарного помоста в речушку глубиной полтора метра. Ему повезло – он ткнулся головой в дно, сломал пару шейных позвонков, выжил и лежал без движения пять лет. Галка его выходила. После этого они всегда и навсегда ходили вдвоем подручку... Счастливы!?. Кому-то это было завидно. Одно очевидно – это был их уютный ручеёк для двоих...

Тюль уехал к океану. Закончил мореходку. Женился – не рано и не поздно; взял в жёны разведёнку с двумя детьми. Загрёб почему-то в ручей неожиданных болезней, который вскоре иссяк совершенно и Тюль умер в сорок лет – скоропостижно отказалось работать сердце...

Люба чего-то где-то закончила. За кого-то, вроде бы, ненадолго выходила замуж. Вернулась домой к родителям одна, не обретя и никого не воспроизведя. Дальше она поплыла рутинно-одиноким в однообразной работе, периодически сдабривая всё это походами по театрам и концертам в лодке таких же одиноких подружек...

Люба “вторая” прямо с выпускного вечера вскочила в какую-то проплывавшую мимо лодочку, которая немедленно укрылась за поворотом. Никто так и не смог рассмотреть: были ли в этой посудинке хоть кто-нибудь ещё...

*– Вам нравится Бабель? – спросили у Будённого.
– Хм... Смотри какая.*

Анекдот

Марина настырно обольщала мужиков и небезуспешно. И, как правило, они были гораздо старше её самой. Однако недолго побарахтавшись в объятиях очередного потерпевшего, она вдруг демонстративно объявляла ему об отставке и на какое-то время одиноко сосредотачивалась на подборе следующего великовозрастного утешителя её метавшейся в неудовлетворённости души. Благо, что выбор был широк: от разочарованного в неблагоприятной науке вечного аспиранта, до закончившего спортивную карьеру не очень большого мастера спорта, отягощённого медальной недостаточностью и избыточной массой тела. А вот одиноко-пьющие электрики, как и фрезеровщики с токарями – эти никак не цепляли дерзновенную к поиску души Марины. И всё бы длилось и продолжалось, как и было ей заведено, если бы не курсантик, изготовившийся выпорхнуть из военного училища в лейтенантских погонах. Марина с удовольствием променяла чопорные променады подручку на развесёлые вечеринки в кругу «молоденьких мальчишечек-котёночков» – так она их ласково называла и обводила при этом хитровато-влажными глазками. И не вдруг, а по плану, Марина вместе со своим новоиспечённым командиром убыла в какую-то тмутаракань – некий военный гарнизон у чорта накуличках...

У Фасоля с Ниной так ничего и не срослось, да впрочем, и не скрестилось. И даже вносимые Тоем удобрения в их отношения в виде билетов в театр, которые он пару раз продавал

Фасолю, результат не взрастили. Нина просто отказывалась от культпоходов. Эти билеты, не нужные Тою и попадавшие к нему по случаю, не приносили пользы и Фасолю. С сомнительной выгодой оказывался лишь сам театр: билеты проданы – доход получен, клиент не пришёл – грязь не принёс, подметать не надо – расхода нет; правда, при этом неминуемо сокращалось и число хлопков. Впрочем, если бы даже Фасоль и пришёл, то хлопанье врятли от этого усилилось бы. Хотя, с другой стороны, если бы в буфете выбросили пиво (но, надо чтобы его туда ещё и предварительно вбросили), то... но, кто его знает и в этом случае тоже. Короче, всё зависит от всего...

Нина же, сначала самодеятельно, а затем почти профессионально щебетала песенки в плохо известном вокально-инструментальном ансамбле. Естественно она была влюблена в сологитриста и даже взаимно, но кратковременно. Ансамбль из клубного-танцевального через некоторое время трансформировался в заштатно-ресторанный. А в самом начале этого пути он был даже центрально-ресторанным, но, правда, очень недолго. Потом творческое течение ансамбля сильно искривилось и он до самой своей кончины стал голосить в какой-то “рыгаловке” с тошнотными котлетами, картофельным пюре и заблеванным сортиром. Заказное песенное завывание посетители оплачивали лабухам не деньгами, а только и исключительно пойлом. Причём для демонстрации щедрости заказчик намешивал в стакан такой “бензол”... Но «дарёному коню в зубы не смотрят» – так внутренне убеждала себя Нина, пригубляла положенную ей долю бурды и похмелье «со вчерашнего» сразу уступало место порыву творчества, а коллектив музыкантов засасывался в булькающее болотце осоловевшего сообщества. При иногдашних драках «творческий коллектив» сцены не покидал и по каким-то неведомым установлениям вдруг принимался играть «джем-сейшен» причём столь дурно и невпопад, что одно только это распаяло посетителей до стулоприкладства.

Но тут своевременно вмешивался внештатный и безо всяких погон, но очень высокооплачиваемый вышибала, который всегда чрезмерно-болезненно выдворял подравшихся за пределы заведения. Проделав на улице необходимые действия по принуждению к миру и расчёту, этот циклоп возвращался и аккуратно расплачивался с официанткой по счёту повздоривших, включая побитую посуду, сломанные стулья и её чаевые. Оставшиеся от «подравшихся петухов» спиртное и еда с особым трепетом высервировывались официанткой на столе вышибалы. Его столик стоял аккуратно с краешка – слева от входа в зал “рыгаловки”. В стену – над единственным стулом у этого столика – была вколочена табличка “ЗАНЯТО”. Иногда, как правило «коротко подравшихся «цыплёнчиков» вышибала приводил с улицы обратно в зал; те в свою очередь далее и до окончания пьянки вели себя скромно-пассивно и поочередно подходили к столику циклопа с угощением – «рюмочкой чего-нибудь хорошего». Вышибала же на работе никогда не злоупотреблял, а лишь пригублял, но остальное аккуратно накапливал «навынос».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.